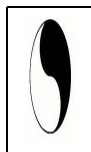


Под Плащом Обмана



Политика, Религия и Экономика при Ценовой Системе

*Почему мировосприятие контролируют и
Как им манипулируют.*

Автор Скип. Р. Зиверт
Перевод с английского языка,
2008 год.

Содержание:

Skip R. Sievert

«Beyond the Cloak of Deception»

Авторские права и права публикации:

Geotech L.L.C.

Copyright Number 15011414

Второе Издание, 2006

L.C. 67-8407/UK DING

Предисловие

Движимый желанием обнаружить в Интернете какие-либо новые (для себя) идеи о нашем существовании в целом, я наткнулся на некую брошюру в формате pdf, перевод которой с английского языка ныне находится перед вами. То, какие мысли вызвала у меня данная брошюра, я попытался тут же более-менее доходчиво изложить.

Лично для меня эта информация оказалась немного шокирующим взглядом со стороны, из-за океана, на некоторые проблемы, которые ни в коем случае нельзя назвать заокеанскими.

Правильнее сказать, что познакомиться с ней обязательно необходимо всем, кто хоть немного обеспокоен будущим нашей планеты! Хотелось бы услышать оригинальные мнения и оценки данного материала, желательно в СМИ или на ТВ...

Под Плащом Обмана Вступление

В эпосе сотворения, написанном в начале второго тысячелетия до Н.Э., человечество создается так: «Смешаю кровь и кости создам. И возведу дикаря; «человек» будет имя ему. Истинно, дикаря я создам. Он богам будет служить, чтобы те могли отдыхать! Пути богов искусно изменю. Но не как причитается, на две (группы) поделены будут».

Человечество было сотворено из крови восставшего бога, которого другие боги убили, чтобы освободить себя.

После того как Эа создал человечество и возложил на него службу богам, эти вновь созданные люди сказали: «Теперь, Господь, Ты, кто вызвал наше явление, чем будет наше признание Тебе? Позволь нам построить святилище, которое названо будет Ло, комнату для нашего ночного отдыха»; позволь нам очищаться в ней! Позволь построить трон, отдых его пребывания!» Как тот высокий Вавилон, чье строительство Вы повелели, они устроили в нем вместилище для Мардука, Энлила и Эа. Эти боги сказали: «Да пребудет наше верховенство, не имеющее соперничества. Да упасем мы черноголовых, наши создания. До конца дней, без забвения, да хвалят они пути наши. Прикажем черноголовым почитать нас. Пусть будет постоянно бог их в уме у них, и да прислуживают они богине при словах Его; и приносят в жертву пищу своим богам и богиням. Без краха и провала да поддерживают они богов своих! Пусть земли их улучшатся, и святины построятся. Пусть дожидаются черноголовые богов своих.»

Ну вот, у вас это есть – исток того, что большей частью проявляется в западной религиозной традиции. А ранее в этом мифе есть фраза: «О, Господь, растрать жизнь того, кто верует в тебя, но излей жизнь из бога, овладевшего злом». Эта история, явленная из Древнего Вавилонского периода, стала наиболее значительным выражением религиозной литературы Месопотамии.... С этого я начну свою книгу, и, как мне думается, это отличное исходное место для того, чтобы пролить свет на натуру человека.

Книга будет иметь дело с так называемым «конвенциональным подходом», который столь безосновательно применялся длительное время. Хотелось бы показать некоторые альтернативные способы, как всё переиначить. Сквозь всю мою книгу будет упоминаться «Технократия», которая явилась значительным социальным движением в середине двадцатого века. Как неактивный член этой организации, хочу повторно привлечь внимание на удивительный творческий порыв к новому «типу» общества, которое появится, как надеялись те, кто первым вошел в него. Хочется, чтобы меня узнали не только в качестве апологета этой группы, к которой я принадлежу, но и как человека, который смог своеобразным образом открыть для себя определенные вопросы, лежащие в сердцевине жизни.

Как те вожди из древней Месопотамии, кто мудро разыгрывал своих приверженцев, заставляя повиноваться себе как представителям бога на земле, так и наши текущие лидеры используют те же методы. Создание фальшивой концепции Добра и Зла было и есть инструментом выбора, которым как тогда, так и сейчас, клеймили и управляли.

В этот том содержится три памфлета, опубликованных как главы два, три и четыре. Любой читатель может копировать все мои материалы, и фактически я убеждаю их делать это, и передавать их почтой, в блогах или «емельках» друзьям, знакомым и т. д. Также копии можно с легкостью развешивать на ветровых стеклах автомобилей; знаю по опыту.

Глава с названием «Я – денежная система» изначально была написана в 1940-х годах неким членом Технократии, и по-разному изменена другими членами, включая меня. Ее ход мыслей остался таким же, и является инструментом «выражения истины». Она подробно выкладывает про ложный путь, по которому скользит наше общество.

Глава «Адажио и Афоризм» является коллекцией вещей, собиравшихся мною годами, большей частью принадлежащих Кафке и Гурджиеву; несколько вещей принадлежит некоему Дину Д. Камерону, братскому члену «Технократии».

Так, согласно этому старому мифу о сотворении - одному из первых, хотя и застрявшему между Египтом и Месопотамией в том смысле, где и когда его обрекли на написание и распространение впервые,- у нас

имеется группа богов, отвергшая одного из своего числа. Затем они «связали его, поставив пред лицом своего Эа. Они возложили на него вину и рассекли его кровяные артерии. А из его крови сотворили человечество». После того как Эа, «Мудрый», создал человечество, Он возложил на него службу и освободил богов (от труда).

Об этом мифе, широко распространенном в свое время, как о точном отчете, можно говорить много и долго. Но удовлетворюсь тем, что скажу: всю историю нас позорно «бамбузили» наши «Вожди», заставляя верить почти во всякий древний бред.

Иногда, кажется, что чем больше ложь, тем более она проникает в нас и задевает за наши чувствования.

Закончу это введение, сообщив, что древние имели для нас отличный совет, такой как в эпосе о Гильгамеше.

*О, Гильгамеш, будь полон твой желудок,
И каждый день будь праздник для тебя, -
День круглый с ночью ты резвись, танцуя!
Одежды свежестью твои пускай сияют,
Умыта голова; искупан ты в воде.
Дари тепло держащемуся за руку младенцу
И пусть супруга ловит счастье на груди
Твоей – ведь в этом есть призванье человека!*

«Технократия» возникла зимой 1918-1919 гг., когда Говард Скотт сформировал группу ученых, инженеров и архитекторов, ставшую известной в 1920 году как «Технический Альянс» - некая исследовательская организация. В 1933 году она была инкорпорирована под законы штата Нью-Йорк как ненаживная, аполитичная, несектантская членская организация.

В 1934 г. Говард Скотт, Главный Директор, сделал свой первый континентальный лекционный тур, положивший основание нынешней всеконтинентальной членской организации. С тех пор «Технократия» постоянно вела деятельность, вынося свои социальные предложения на публичное обозрение.

Под Плащом Обмана
«Пик Ойл» и М. Кинг Хабберт
Со-основатель «Технократии»
Альтернативная Культура
Для Северной Америки
ГЛАВА 2

Так называемые группы «Peak Oil» обычно являются «оберткой» того, что известно как либертарианские группы,- отсталая связка людей, обычно с небольшим уважением к окружающей среде. Они прославляют деньги, как концепцию. В будущем, они думают, что установят каким-то образом некоторую чистую форму «Демократии», основанную на системе, поддержанной золотом. Текущая группа этих приверженцев денежной системы прямо сейчас гонит волну в Вермонте. Эссеист Джеймс Канстлер и Майкл Рапперт, вовлеченные в группу «From the Wilderness» («Из глуши»),- так называемую ненаживную группу,- агитируют на порыв штата. На свой монашески-героический манер они представляются как великие революционеры, предупреждают публику от фашистского, социалистического, авторитарно-корпоративного правила. Реалии нашего положения совсем иные, и эти люди, и конечно их группы, по большей части пешки, не имеющие, по-видимому, оригинальных идей.

На этом рубеже истории, с его переизбытком населения и уменьшающимися ресурсами, есть только одна группа, обратившаяся к нашим самым подавляющим проблемам, и эта группа – «Технократия», поддерживающая упразднение нашей, основанной на деньгах, системы оценки ценностей.

С 1933 года мы поддерживаем использование энергии, количества энергии (терм, киловатт) в качестве мерил для ведения бизнеса. Энергия – реальная вещь, которую можно использовать для измерения остатков наших ресурсов. В то же время «деньги» - отсталая абстракция, принадлежащая классовой или основанной на кастах системе, гарантирующая наше падение; ведь она ничего реально не измеряет, кроме абстрактной концепции, называемой «долгом»; а последний является прекрасным методом поработать и контролировать деятельность населения; он гарантирует то, что масса людей, включая их лидеров, всегда сделает в критические моменты «неправильный» выбор, поскольку все выборы основываются на расширении экономики, или «оперении собственного гнезда» новой порцией денег. Итак, мы совершаем нечто нереальное, чтобы принимать свои наиболее важные решения.

Если бы у каждого гражданина этой территории была энергетическая дебитная карта – весьма похожая на банковскую карту, МИНУС ДЕНЬГИ,- то мы бы имели энергетическую систему расчетов. С ее помощью мы действительно бы знали, вместо того, чтобы разрушать остатки своей окружающей среды, да и ради одного-то резона – печального делания «еще» денег, с чем нам работать. Эту концепцию можно довольно легко задействовать. Каждый гражданин получил бы более чем адекватное размещение ресурсов. Вместо покупки чего-то вы бы получали важные вещи, в которых нуждаетесь, бесплатно. Наша политическая система обеспечила бы техническое, функциональное общество, применив бизнес-структуру, основанную на меритократии, минус денежную основу принятия решений. Наша текущая система, «Ценовая система» - это варварская отсталость, основанная на

сомнительном потреблении и статусе классовой системы. Деньги или их нехватка определяют большинство наших действий.

С «Технократией», вместо производства покупок, например, пищи, приюта и т.д., вам эти вещи были бы энергетически дебетованы по гражданскому праву. Эта концепция впервые была представлена в 1933 г. группой ученых, инженеров, социологов и прочих, известной как «Технократия» - одной из наиболее творческих групп людей, когда-либо собранных вместе. Один из ее основателей М. Кинг Хабберт, известный геолог и ученый, часто цитируется современным урожаем ничегонезнаек: Мэтью Симмонзом, Джеймсом Канстлером, Наумом Чомски – все из которых имеют репутацию острого интеллекта, знают о «Peak Oil», однако, не зная многого о том, кто выдвинул концепцию, и о чем еще говорил этот блистательный человек. Жалко, но современный «урожай интеллектуалов» не может провести небольшого исследования, а их кошмарное видение мира под единым общемировым фашистским, социалистическим государством не пригодно, если мы изменим вдруг наш способ ведения бизнеса.

Теперь я открою вам небольшой секрет. Канстлер, Чомски, Сеймор Херс, Группа «Из Глуши», Эмми Гудман, Билл Мойерс - все эти драгоценные псевдоинтеллектуалы делают то, что они делают, ради денег. А потому последнее, чего они желают, это -реального изменения. Или ... перемены для них хороши, пока они поддерживают свои благоговейные иллюзии, т.е. свои банковские счета, а также - статус и престиж, что сопутствует почету в дезинформированном обществе с промытыми мозгами. Вот так, своим некоторым образом, эти люди – трубадуры для властей. Они не угадывают в суть проблемы, которой является наша «Ценовая Система», делающая нас кастовой, классовой системой, и гарантирующая то, что наши решения основаны на деньгах – на том, что на самом деле реально не стоит ничего. Если дать достаточно денег, то можно заставить сделать практически всё, что вам хочется. Это грустный комментарий к тому, где мы есть вообще как культура.

Наша система столь врыта в популюс, что о культуре можно сказать, что люди ее не понимают и более не догоняют. Можно сказать, что большинству людей прямо сейчас, в 2006 году, в Северной Америке, промыли мозги, вперили мысли или загипнотизировали их отменным ассортиментом лжи и мифов, в которые они верят.

При той системе, какая у нас, к реальным вещам никогда и не адресуются. Как нам двигаться вперед, не разрушая среды? Как создать справедливое общество, которое и созидательно, и жизненно, и гуманно? Как нам ускользнуть от колеса разрушения, которое раскручивают деньги? Действительно ли реальная свобода такая трудная концепция?

Люди делают все наилучшее в бизнес структуре. В нашем духе есть нечто, что любит сотрудничать, а также проверяет нас соревновательно, по группам. Имеет место быть натуральная меритократия.

Мы восхищаемся людьми, которые знают много или имеют интересное художественное видение. У некоторых есть способность объяснять сложные вещи. Их мотивация может легко улучшить и расширить общество.

Бизнес структура не обязательно должна быть привязана к ценовой системе. В «Технократии» реализован такой посыл, как рекреация. За 20-летний период работы есть достаточно времени для рекреации, а также образования, хобби и т.д. Работа должна делаться гражданином с глубоким намерением улучшить общество, а не с таким намерением как сейчас – заработать еще денег. Разве это не почетно, быть полезным в более разумном обществе, где, как известно, мотивирует не жадность, наша текущая мотивация?!

Многие из ныне важных работ более не будут существовать. Банковские, страховые компании, корпорации – они более не нужны в справедливом и разумном обществе. Позвольте мне еще раз отметить, что есть альтернатива нашему гарантированному падению, скрытому за текущей «Ценовой Системой».

Поймите, пожалуйста,- то, что здесь представлено как «Альтернатива», вовсе не альтернатива! Реальность такова, что либо мы примем разумную систему, либо разрушим себя же, и очень непоследовательным образом, и не в столь уж отдаленном будущем...

Нечто другое, помимо «Технократии», приемлемо настолько, насколько оно вбирает принятые нами концептуальные моменты. Мы – Образовательная и Исследовательская группа. Эта статья является введением, откровением нашей группы. Наш Почтовый адрес:

Continental Head Quarters или
C.H.Q., Technocracy Inc.
2475 Harksell Road
Ferndale, WA 98248

Мы издаем ежеквартальный журнал по цене производства. Если потребуется, то предоставим бесплатную информацию. Нам без разницы, христианин вы, мусульманин, индус и т.д. Ваши верования – это ваше, включая атеистов. Мы горим желанием искоренить из общества некоторые основные течения, и наиглавнейшее из них – это «Ценовая Система». Либо так называемая альтернативная пресса не понимает того, о чем она говорит, либо они невежественно погрязли в очень опасной ситуации, в которой находится наше сегодняшнее общество. В любом случае изучите Реальную Альтернативу, «Технократию».

Contact: C.H.Q.
Phone: 360-366-1012
E-mail: chq111@aol.com

У нас есть ораторы для средств массовой информации. Нас можно пригласить на телевидение, в радиопрограммы, конференции и т.д. Вы можете помочь. Сейчас мы ищем новых членов. Спасибо.

Мы обречены? Гитлер, Иудаизм, Христианство и Буш

ГЛАВА 3

Под Плащом Обмана

Любой, взявшийся прочесть «Майн Кампф», быстро поймет, что Гитлер и его приверженцы были христианами. Его партия называлась Христианской Демократической Социалистической Партией. Речи Гитлера были сдобрены христианской теологией. Приверженцы Гитлера были католиками и лютеранами. Если вы плохо знакомы с историей, то знайте, что христианство – это побочная ветвь иудаизма.

Фарисеи и чернокнижники времен Христа решились убрать его, так как он был прямой угрозой сохранению ими власти. Сам Иисус был еврейским равви, у которого присутствовало нулевое намерение распространять свою философию среди еврейских братьев. Его идеи были отвергнуты большинством евреев; они распространились среди общего населения, так как обладали некоторой антропологической истинностью и практической мудростью. В то же время Иисус, очевидно, был помешанным; у него была мания величия, т.к. в реальности мессий не бывает.

Он был вождем среди людей. Легенды и мифы вырастали вокруг него за короткое время его жизни, и, наконец, уловили свой момент вслед за его смертью. Христиане и евреи повязаны между собой в своих верованиях; но пути их разделились, при этом одна ветвь признала Иисуса как еврейского мессию. Однако новые «христиане» состояли из небольшого числа евреев и все увеличивавшегося числа неевреев. Есть евреи и поныне ожидающие явления своего мессии. Если вы еврей, который дожидается своего мессия, чтобы он заполнил за вас пробелы, то это дает вам широкий простор выборов в поведении, или пространство для множества прощений вашего поведения.

Вместе с христианством можно всегда выкинуть свою карту «прощения» как оправдание поведения, почти за всё – как за массовый геноцид, так и за индивидуальное убийство. Может показаться, что существует глубокая ненависть между евреями и христианами по многим причинам. Но так как обе эти группы, в частности христиане с их множеством сект, контролируют немало людей, то их заветнейшее желание - это контроль над своим «стадом» (паствой) через промывку

мозгов, которая направлена на поддержку их статуса и на постоянный приток денег в группы.

Итак, мы имеем отвратную связь многих евреев с христианами. Для большинства из выше упомянутых христианство без иудаизма не может и существовать. Евреям же христиане кажутся легко поддающимися обману, достойными насмешки придурками, которые берегут их бренд безумия, с радостью. Как и при любых нехороших отношениях, всё продолжающихся и продолжающихся, они начинают друг друга ненавидеть. Конечно, многие христиане верят, что в итоге падут евреи, как группа, а их останки обратятся в христианство.

Израильтяне, в свою очередь, накапливают «миллионы» на иноземной помощи Израилю, месту без постоянного правительства, где, если ты не еврей, то ты никто. Эта опасная группа, вероятно, уничтожила бы любого в мире, кроме себя самой. И причина в том, что их Господь это поймет, так как они – «избранники» бога. Большинство еврейских писаний вращается вокруг этого («они были в заблуждении, и они поумнели; и множество людей окончило смертью, а они ликовали».)

Гитлер, будучи христианином-социалистом, решил, на свой безумный манер, избавиться от евреев,- как в Германии, так и повсеместно. Он попытался построить мост через провал в логике, раз и навсегда разъединив евреев и христиан. Но это оказалось безумным, так как у христиан, каким был и сам Гитлер, не предполагалось убивать друг друга, а предполагалось прощать вам всё, что бы вы ни вообразили.

В итоге Гитлер вынужден был действовать в философской прикидке своей корневой религии, иудаизма. Вместо убийства евреев он сопровождал бы их до границы и пожелал бы им счастливого пути. Из-за глубоко укорененной ненависти похожих, но разных, систем верований, в случае, когда они сталкиваются между собой, кажется возможным только трагический финал. Разрушая иудаизм и евреев, также разрушают корни и многие основы и основания христианства.

Таким образом, «плохие» отношения гарантированы, как говорят многие христиане, до тех пор, пока не разрушен Израиль и не обращены останки. Если немного задуматься над приходом еврейского мессии и предполагаемым возвращением Иисуса, то покажется, что евреи и христиане обречены на постоянное ведение какой-то ужасающей битвы. Было бы ироничным, но вполне возможным, если бы США или любое иное, так называемое большей частью «христианское» государство, в какой-то момент разрушило Израиль как нацию. Из-за их преданного,- глаз за глаз,- повиновения своему богу! Христиане бы, несомненно, отпустили себе грехи. Можно сказать, что обе группы «на ножах», и так и останутся. До тех пор, пока не прояснят некоторые из этих вопросов, вместо обыгрывания их.

Мы обречены на войну, ненависть и общую промывку мозгов с той целью, чтобы продолжался status quo нашей ценовой системы.

Политики в реальности ходят кругами вокруг контролирования и шлифования наших концептуальных основ. В такой политической системе, как у нас, контролируемой деньгами, выборы пали на бесценные «деньги» и бесценные «идеи», что означает контроль и издевательство по отношению к общему населению. Если в этой культуре вы «бедняк», то на вас смотрят свысока. Даже когда вы бедны потому, что не заботитесь о ведении необходимой для становления «богатым» игры! Обе концепции - «бедного» и «богатого» - это иллюзия человеческих рук работы. Политическую машину в любой стране контролируют христиане и евреи, мусульмане, индусы и т.д. Они насаждают свои верования, которые называют «добром».

А возможно ли для создания постоянного (нерелигиозного) гуманитарного общества откинуть концепции веры и рассматривать верования как неважное, и, даже, слегка забавное и достойное улыбки?

До тех пор, пока мы не избавимся от наших политической и ценовой систем, бесчеловечность человека к человеку не исчезнет. Покуда для принятия критического решения используется сила мнения и веры, люди, находящиеся у власти, садистски следуют своим беспардонным верованиям. С тем, чтобы укрепить свой статус и власть. А тем временем им следовало бы подумать о нашем выживании в творческом, свободном, жизненном и почетном обществе!

Христиане во многом подобны фарисеям и чернокнижникам древности. Сейчас они одобряют войну. Они ненавидят людей других культур. Все одобряют концепцию и применение денег. Они верят, что, поскольку «дьявол» контролирует весь этот мир и покуда их «поддерживает» мессия, - то всё, на что они способны, - лишь оправдывать себя и других. Или действовать подобно Гитлеру или Дж. У. Бушу, слепо стреляя в любых подходящих козлов отпущения. Не важно, евреев или мусульман.

Может быть, пора уже испробовать другой подход? Подход евреев/христиан мы уже пробовали! Может быть, религию надо перенаправить в статус хобби? Это грандиозно свершилось бы, если бы деньги перестали быть интегральной частью религии: если бы стало невозможным «делать» деньги, большинство религиозных «лидеров» наверняка забросило бы свой бизнес. А люди, типа Гитлера (в прошлом) и Буша (в настоящем), никогда бы не подходили ко власти. Вместо этого они получали бы надлежащее образование! А в том случае, продолжи они со своей стороны настаивать на своих нездоровых суевериях, их причислили бы к глупым, но не опасным эксцентрикам.

Они больше не приходили бы к власти путем махинаций над нашей ценовой системой, - системой, гарантирующей, что наши важнейшие решения почти всегда принимаются неправильно.

Исследуйте Реальную Альтернативу «Технократию».

Наш почтовый адрес:
С.Н.С. (Continental Headquarters) Technocracy Inc.
2475 Harksell Road
Ferndale, WA 98248.

Веб-сайт: technocracyinc.org .

Мы публикуем ежеквартальный журнал по цене производства. У нас есть бесплатная информация.

Нам не важно, христианин Вы, мусульманин, индус и т.п.

Ваши верования – это ваше, включая атеистические. Мы горим желанием искоренить некоторые основные течения из общества, самое основное из них – Ценовая Система. То, что выдается за «альтернативную» прессу, как правило, невежественно соучаствует в продолжении нашего текущего, весьма опасного затруднительного положения.

Исследуйте Реальную Альтернативу «Технократию»

Контакт С.Н.С.
Телефон: 360-366-1012
E-mail: chq111@aol.com

У нас есть ораторы для средств массовой информации. Нас можно пригласить на телевидение, в радиопрограммы, на конференции и т.д. Вы можете нам помочь! Сейчас мы ищем новых членов. Спасибо.

Под Плащом Обмана
Кто Реально Правит Шоу?
ГЛАВА 4

Третья часть сериала...

Многих заботит вопрос – кто в действительность заправляет? Какой клан тянет за сценой струны, лепя, оформляя и направляя общество. И далее, каковы их цели и планы на будущее? Это одна группа, в частности, или совместно работающая группировка с сопутствующими альянсами?

Хотелось бы поведать вам историю, говоривавшуюся неким Г.И. Гурджиевым. Однажды у Пастуха возникла проблема. Он вот-вот потеряет овец. Одни разбегались по одиночке, другие уходили группами. Когда они отделялись от стада, то становились легкой мишенью для других Пастухов или просто для голодных людей. Также, в соответствии со своей натурой, на них постоянно охотились волки и хищники.

Пастух знал колдуна, который за плату смог загипнотизировать его стадо, заставив их думать о себе, что они львы или тигры. Больше проблем у пастуха с потерями не стало. На деле, даже обреченные на убой, они гордились и шли прямо, так как полагали себя львами или тиграми.

Некоторым образом этот анекдот представляет собой смутный образ общества. К сожалению, он так же точен.

Бродяги группировались вместе, а некоторые их короли считали, что нужна какая-нибудь религиозная доктрина, которая бы поработала над их душевной слабостью. Некоторые моменты вбивали ужас в популюс, такие как нахождение под «наблюдением» - информация собирается и передается некоему «мистеру Богу», который позднее «взвесит» их поступки на «Судный День».

Далее, не было способов скрыть от м-ра Бога ни всякое свое деяние, ни любую из мыслей.

В этой гениальной «религиозной доктрине» короля говорилось, что м-р Бог намеренно прикреплен к нашим «душам», к органам и конечностям, какие мы имеем, чтобы позволить нам действительно и выгодно служить как Ему самому лично (Богу), так и великому королю.

Далее утверждалось, что, если душа заленилась или относится бессовестно и пренебрежительно к обязанностям, которые, коротко говоря, существуют во благо желаний частей, к ней прикрепленных, или, в конце концов, она не выполнила определенных «указаний», то такая душа будет отправлена в местечко под названием «Ад». Реки этого места из горячей смолы; воздух местечка вонюч, как скунс у залива. Вся мебель, ковры, кровати и т.д. - из иголок ели с торчащими жалами.

«Рай», с другой стороны, куда ты поедешь, будучи послушен, совсем иное. Это страна молока и меда, там никому не нужно тянуть лямку или работать, всё необходимое для счастливого, беззаботного и блаженного существования там есть, ибо все реквизиты поставлены туда в свержизобилии. Этот рай был наполнен молодыми и прекрасными женщинами, и каждая из них принадлежала, если попросить, «душе», желающей ее. Публичные площади тех прекрасных «небес» наполняли вкуснейшие яства, и любая «душа» могла брать сколько угодно в любое время дня и ночи. Там не было болезней, конечно же, и ни единого из тех комаров и мошек, которые здесь не дают нам покоя.

Спустя долгое время, после того как ушел этот «гениальный» изобретатель «религиозной доктрины», и еще раз благодаря странности психеи,- проявляемой людьми внушаемости,- едва ли не всякий из жителей упомянутого района усомнился в правдивости этих замысловатых верований.

Интересно здесь заметить, что та информация, которая помогает утверждать, что определенное место есть «святое» место, обычно обязана своим появлением неким субъектам, именуемым лгунами. Лгуны лгут сознательно и бессознательно. Они лгут сознательно, когда могут получить какую-нибудь личную материальную выгоду. И лгут бессознательно, когда им самим наговорили столько лжи, что она им видится евангелической истиной, да так, что уже невозможно отделить факт от вымысла. Что касается последней группы то, если кто-то не разделит их взглядов, или не согласится делать так, как они, или раскритикует их манифестации, тогда они сильно нервничают и обижаются; а если бы имели власть, то приказали бы больше так не делать, отругали бы за поведение или заперли бы, куда подальше, на пожизненный срок. Вначале это у них именовалось местью, а позднее ему присвоили более цветастый термин: правосудие.

Большой список из «дозволенно» и «недозволенно» обычно вращался вокруг практики того, в частности, как надо молиться любому Богу. Как заверить владение собственностью, как покарать отдельных обидчиков денежным «штрафом», и какие наказания следуют за несоблюдение любых вещей, большинство из которых прямо или косвенно касается концепции, именуемой «собственностью». Правила эти менялись коренным образом, если ты принадлежал к высшей, а не к низшей, касте.

Так кто заправляет сейчас? Есть старая поговорка – «разделяй и властвуй».

Многие системы вер и религий от одного края земли до другого конкурируют и сотрудничают ради того, чтобы оставаться в доминантах. Как явствует, большинство «участников», именующих себя «Вождами Религии» или «Лидерами Систем Верования», понимают отчетливо, что в век информации становится возрастающе труднее удерживать народ во тьме, хотя они и делают всё, что могут. Почему? Примерно потому, что, как если бы мы, спустя века и тысячелетия, как те загипнотизированные овцы и так называемые «Вожди», настолько приспособились действовать механически, что у многих за столь долгое время печальной реальности уже сломлен дух. Т.е. лицемерие, многим напяливающее фальшивые лица, и обращающее волю к фальшивым «богам» с фальшивыми идеалами, сделало инвалидом нашу способность постигать действительность.

Теперь я открою вам великий нескрываемый секрет – о власти, контролирующей этот прекрасный и безумный мир. Это ты, индивидуум. Тебе не обязательно быть одним из мучителей или жертв. Печально, что это проще сказать, чем сделать, так как многие стиснут свои смертельные верования, думая, что они теперь «внутри» тех, в ком их нет.

Мозги, кажется, перевернуты или запрокинуты сегодня у многих. В настоящем, как и во всю историю, существует множество интересных школ мысли, которые упоминаются как Эзотерические Школы Объективного Знания.

В прошлом действительная правда о многих вещах держалась в секрете. Частично из-за страха; но и не без заинтересованности, так как у народа был общий недостаток любопытства. Так это повелось по инициативе различных «школ» - некоторые эзотерические христианские, некоторые эзотерические суфийские группы и прочие рапортовали о человеческой механичности, внушаемости и безволии, чтобы вытравить рабское поведение. Сейчас момент как раз подходит для того, чтобы откинуть большую часть вышедших из моды моделей более ранних обществ.

Группа «Технократия» - это пример вдумчивого, беспрецедентно реалистичного подхода, который может представить вещи не так, как это делает тот привычный, очень жестокий и выработавшийся, подход, к которому мы, к несчастью, приспособились. В отличие от подхода кнута и пряника, этот подход равенственно-гуманитарный, уважительный в отношении к членам нашего общества. В нем нет сверхъестественного или оккультного аспекта. Он выработан как практическая альтернатива. Можно сказать, что как план, разработанный некоторыми очень одаренными людьми, в какой-то мере он мог бы восстановить интеллигентность и достоинство той довольно патетичной «культуры», в которой мы живем.

Интересно поразмышлять над изобретательностью и креативностью, которую принесло бы подобное общество.

В начале этого памфлета, с тем, чтобы осветить отдельные аспекты человеческого поведения, я привел историю Пастуха и слегка ломаную версию про иудаизм, христианство и ислам.

В этих трех религиях, помимо прочего, содержится ряд красивых концепций и сказаний, которые нередко привлекают людей и вдохновляют. Интересно, что религия вместе со своим основателем открыла в какой-то мере всеобщие истины и нашла дьявольски мудрые обманы, нацеленные на то, чтобы дать обществу преимущества над всякими властедержателями, какие бы им ни управляли.

При всех террористических угрозах и нездравых лепетах, входящих в контекст этих религиозных традиций, есть в них и замечательные игры мысли. Один из моих фаворитов – это Отчет о творении Эдамского сада с его символикой, аллегорией, мыслями и идеями. Также вера Гавриила, как писано в книгах Моисея, «мы из грязи приходим и уходим мы в грязь». Это глубоко сущностное утверждение, которое я уважаю. Они не верили в загробную жизнь.

А теперь краткая история иудаизма.

Племена, на которых египетские тексты ссылаются как на «апиру», а также как на «шасу», что переводится как «бродяги», славились своим беззаконием и склонностью совершать набеги. В Ханаане (и Гаврииле) благодаря им появился производный глагол «саса(х)», «грабить». Вспоминаются в библейской традиции многочисленные пассажи, описывающие Яхве, «исходящего из Се'ир» и зарождающегося в Эдоме. Главный компонент более поздней амальгамы, образовавшей Израиль, и один из тех, от которых происходит Яхве, нужно искать среди шасу из Эдома уже в конце 15-го века до н.э.

В то время как родина шасу должна находиться в Моабе и Эдоме, эти номады на сезонной основе попадали в восточное Средиземноморье, по нескольким коридорам, ради пастбищ и разбоя. Так за 60-летний период, примерно с 1320 по 1260 гг. до н.э., шасу, согласно хронике, продолжали бесчинствовать в своем родном степном обиталище, протискиваясь на запад через Негеб.

Примерно поколением позже появляется единица, именуемая «Израиль» со всеми признаками анклава шасу.

Преобладание примитивных концепций общности было идеей договора между Яхве, богом группы, и сообществом (Но не отдельными людьми. Отдельно от сообщества индивиды не имели прав). Суверенитет оставался за Яхве, а не за сообществом (Иуд. 8:23), и хотя последнее часто сетовало на договор, Яхве ему не внимал.

Правила он положил фактически односторонне. Человеческая сторона ничего не высказала по этому факту. До предела Драконьи. Воля бога была крайне варварской. Чуждые группы, чьи действия, или присутствие которых, противоречило Израилю, приговаривались по приказу Яхве к геноцидному истреблению (Исход 17:14; Числ. 31; Сам 15:3), даже братание с иностранцами вело к мору (Числ. 25:9,18). Всякого, предавшего Яхве, сжигали (чис. 11:1-3; 16:35). Всякого жалующегося он поражал мором или насылал на него ядовитых змей. Сопутствующие культовые занятия, даже проводимые невинно, вели к смерти.

Волеизъявление божества интерпретировалось и исполнялось вождем, выбранным на основе *ad hoc*, зачастую по той причине, что на нем чувствовалась харизма Яхве. Членство в кланах шасу не было эксклюзивным: изгои и неблагополучные могли добиться у них гостеприимства. Их склонность к обоюдоразрушительной борьбе повлекла выражение презрения со стороны Египта.

Конфликт шасу с фараоном, и, в меньшей мере, со ставленниками последнего в принципалитетах Ханаана, возник не из-за отказа в уплате поборов или дани. Египет не слишком был способен, и еще менее заинтересован, в доминировании над ними. Возник он из-за вполне заслуженной шасу репутации бандитов и грабителей, в чей

кодекс поведения входило негусто жалости к жертвам. Они жили в палатках, в гористых районах, вдали от городов, там, где леса и хищники делали путешествие рискован. Основным источником их богатства был скот. Но жизнь их казалась египтянам настолько спартанской, что те презрительно упоминали их как «живущих как дикая дичь».

Шасу селились в палестинских высокогорьях, или в зарождающемся Израиле, как мы, не сомневаясь, это назовем. Вели они простую сельскую жизнь, позднее переняв стили и стандарты низкогорных городов Ханаана. Экономические образцы, приемлемые для перехода к оседлой жизни, также были скопированы с прототипов Ханаана. После поражения от рук сил Рамсеса и появления позднее 1200 г до н.э. захвативших побережье морских людей, ханаанцы угасли как политическая сила, а «Израиль» зарекомендовал себя прочнее. Затем Египет перешел в период упадка. Это был конец Нового Царствования. Как политическая единица, Израиль возник после эпохи Рамсесов, и был основан на высокогорье, вдалеке от контроля египетской империи.

Из-за кочевнического прошлого этого народа теперь отношения израильтян, склонные к доминированию, можно назвать основополагающим критерием коммунальной и политической идентичности. А бывшего бога племени, иногда другим в исключение, переросшим в верховное национальное божество.

Поскольку на стадии их формирования запечатлелась экономика пастурализма (скотоводства), то границы для этой новой группы, внезапно получившей технологию железного века, ничего не значили, и они проявляли беспокойную склонность к экспансии, искоренению соседних племен, выживанию их с земель, принадлежавших им прежде.

Коренное население Ханаана сохранилось лишь вдоль побережья, к северу от Хайфы, и ныне известно как «финикийцы», которые занимают Тир, Сидон, Бейрут, Библос и Арйад.

Иронично то, что после своего поселения, не имея собственных традиций, евреи присвоили и унаследовали от них «Исход» и ряд других «писаний».

Один пучок историй сконцентрирован вокруг «предка», Авраама. Другой закручен вокруг фигуры вождя ханаан, Иакова. Другая ирония заключена в курьезном употреблении повествования об исходе в современной религии, которая использует его как символическую историю о свободе от тирании. Честное прочтение отчета «Исхода» и «Чисел» никак не может скрыть того, что Израиль был «освобожден» от тирании. А именно того, что на самом деле фараон был мягок по сравнению с тиранией Яхве, которой они едва сами не подверглись. Как история о свободе, «Исход» безвкусен в том плане, что

предрассудок, основанный на прецеденте 3000-летней древности, чрезвычайно опасен.

Тогда как «Бытие» и «Исход» – это израильская адаптация ранней ханаанской традиции, то история Иосифа – это еврейский экземпляр известной линии повествования, широко использовавшейся в Египте и Леванте в то время, когда Пентатух был приговорен к писанию.

Основания верить в то, что под ней лежит фактической фундамент, нет никакого – отсутствие писания у «пророков» ранней традиции опровергает такое доверие. И читать ее, как историческое писание, неблагоприятно. Таким образом, эта группа, называемая «апиру», лежит слегка за пределами «вежливого» ханаанского общества позднего века бронзы.

Это было сборище антиобщественных ренегатов, поддерживавших полунезависимое сообщество в сельских районах ханаанских государств. Хотя, нередко служа этим государствам, в целом, апиру рассматривали свою независимость как свободу перемещения. Немало написано спекуляций на тему неприязненных социальных условий в ханаанском обществе, из-за которых могла возникнуть подобная группа. Но не похоже, чтобы сочетание плохого управления и экономического напряжения смогло сойтись, как это случилось в Римской Империи 3-го века Н.Э., чтобы вызвать «побег из земель» части элемента населения, лишенного права голоса.

Какова бы ни была причина, апиру, как говорит их название («поднимающие пыль», т.е. люди, быстро опустошающие владения), проявляли цыганоподобное качество, и вызывали у властей трудности в смысле своего подчинения. Их неоднородная натура ярко проиллюстрирована списками ценза от Алаакха, в котором в одну банду апиру входит вооруженный вожак, два наездника, два нищих и даже священник Истар.

Эти ранние «евреи» рассматривались как неуправляемые в своих порывах и безразличные к цивилизованным манерам. Их общество ютило уголовников и изгоев. Хорошие люди с ними просто не братались. В одном египетском тексте есть такое описание.

«Банда воров пробралась в лагерь и отвязала ночью коней, и украдены были одежды твои. Конюх твой был разбужен, и, поняв, во что вляпался, умыкнул остальное, и теперь он целиком унесен жизнью зла: якшается с шасу, приняв на себя внешность азиата». Кстати, ханаанцам была бы отведена роль козла отпущения, которую для подкрепления входа фабриковал древний Израиль. Все вековые грехи взысканы на ханаанцев, самую злодейскую группу людей во всю историю.

Странно, но общепринятое мнение нашего современного мира – видеть древний Израиль воспринявшим историю как суд богов над

человечеством, неизбежно ведущий к всеобщему спасению, так как боги ведут Израиль. К сожалению, эти тенденции не отражают ни научной, ни элементарно интеллектуальной честности. Необходимо рассматривать Израиль не с точки зрения его древнего ближневосточного контекста, а с такой, где бы его действительное место в этой установке было ни преувеличено, ни преуменьшено.

Надеюсь, написанное разубедило тех, у кого имелось неопределенное сентиментальное уважение к некой группе людей, - кто долгую историю славятся как со-артисты для себя и других.

Возможно, у некоторых из вас в сердцах произошли перемены – перемены подхода к основам религии и веры.

Кстати, если вам пожелается прочесть другой захватывающий миф, советую «Эпос о Гильгамеше». Он предшествует библии на целое тысячелетие, и, будучи древним, несвязанным с религией, мифом, помогает исследовать некоторую известную, но совершенно иную, территорию. Древние евреи воспользовались рядом понятий и символикой, построив свои «байки», основываясь на этой увлекательной классике из Месопотамии.

В заключение настоятельно советую своим читателям исследовать Реальную Альтернативу, «Технократию»:

Наш почтовый адрес:

C.H.Q. (Continental Headquarters) Technocracy Inc.
2475 Harksell Road
Ferndale, WA 98248.

Веб-сайт: technocracyinc.org.

Мы публикуем ежеквартальный журнал по цене производства. У нас есть бесплатная информация.

Нам не важны ваши верования – мы не сектанты. Ваши верования – это ваше, включая агностиков и атеистов. Мы горим желанием искоренить некоторые основные течения из общества, самое основное из них – Ценовая Система. То, что выдается за «альтернативную» прессу, как правило, невежественно соучаствует в продолжении нашего текущего, весьма опасного затруднительного положения – положения дисфункционального, отжившего общества.

Исследуйте Реальную Альтернативу - «Технократию»

Контакт C.H.Q.

Телефон: 360-366-1012

E-mail: chq111@aol.com

У нас есть ораторы для средств информации. Нас можно пригласить на телевидение, в радиопрограммы, конференции и т.д. Вы можете помочь. Сейчас мы ищем новых членов. Спасибо.

Адажио и Афоризм Глава 5

Мир не обязательно справедлив. «Бытие хорошим» часто не оплачивается, а несчастье не компенсируется. Тем не менее, у нас есть ответственность - делать всё самое наилучшее.

Каждый по-своему уязвим. Великих людей нет.

Если у вас есть герой, то оглянитесь - вы в чём-то преуменьшили себя.

Каждый лжет, обманывает и претворяется (да, и вы тоже, и гораздо определеннее – я, я сам).

Каждый из нас крайне одинок.

Наиболее важно то, что каждый должен сделать для самого себя.

Любви не хватает, но она, определенно, помогает.

У нас есть только мы сами, и кто-то еще (Точный перевод: мы имеем себя и друг друга...). Этого, возможно, не так много, но это всё, что есть. Как ни странно, но так часто кажется, что все это чего-то стоит.

Мы призваны жить в неполноте частичной свободы, частичной власти и частичного знания. Но всё же, мы ответственны за всё то, что делаем. Никакие оправдания не приемлются.

Важно не делать «козлов отпущения».

Единственная победа – это сдаться самому себе. Все важные сражения творятся внутри собственного Я. Мы свободны делать всё, что захочется; нужно только смотреть в

лицо последствиям. Ваша свобода останавливается на кончике кулака, если он вступает в контакт с другим.

Природа внедрила во все человечество в первую очередь сексуальные желания, чтобы обеспечить продолжение рода. Природа налагает все ограничения на человеческую деятельность. Природа гарантирует, что человечество не может делать то, что неестественно. Если это возможно сделать, то это естественно. Нарушение природного закона невозможно. Последствия всех человеческих действий естественны. Природа не двусмысленна, и она не своевольна.

Все теории, философия, законы и гипотезы – творения человека, потому они подвержены переменам в человеческих умах. Все факты, находимые в природе, существовали всегда.

Всякий, кто сохраняет способность видеть красивое, никогда не старится. Страх за свой насущный хлеб разрушает характеры.

Мы живем в век, настолько одержимый демонами, что вскоре нам удастся делать благое дело и творить справедливость только в глубочайшей секретности, как если бы это было преступлением. Война и революция не сгинули. Напротив, охлаждение наших чувств раздувает их пламень.

Всё является борьбой, усилием. Только те заслуживают жизнь и любовь, кто ежедневно их завоевывает. Многие так называемые схоласты (школяры) переводят поэтический мир в другую схоластическую плоскость и тем достигают славы и важности. У Киркегаарда появилась проблема: наслаждаться ли жизнью эстетически или же получать опыт этически. Это его известный вопрос «либо/или». «Либо/или» существует только в голове Сорена Киркегаарда.

Ничто так быстро не фиксируется в голове, как беспочвенное чувство вины; так как у него нет реального основания, то его нельзя искоренить никакой формой откупа или покаяния.

Случайность – это имя, которое дается последовательности событий, причину которых не знают; потому-то случайностей в мире и нет. Случайности существуют только в нашей голове, в

нашем ограниченном мировосприятии. Они отражают пределы наших знаний.

В расчет входит только Момент. Он определяет жизнь.

Каждая сказка исходит из глубин крови и страха. В этом все сказки похожи. Различны только поверхности.

Разновидности материи определены только числом электронов в атоме. Уровень масс зависит от сознательности индивидов.

Истина, - одно из наиболее реальных величеств и ценностей жизни,- не покупается. Она приемлется в дар, также как любовь и красота. Но газета – это удобство, которое покупается и продается.

Всё, даже ложь, помогает прогрессу истины. Тени не изводят солнца.

У истины живое переменчивое лицо.

Роскошь богатых оплачена несчастьем бедных.

Существует долгий ряд подставных религий, каждая из которых есть частная форма иллюзии и суеверия.

Обманщики всегда берутся решить трудные проблемы по дешевке.

Всем следует, с безмолвным уважением к неведомому, принимать порядок всего, что ведомо. Самое малое, как и самое великое, должно быть близко и ценно для каждого.

Реальность никогда и нигде не приемлема более всего, чем в непосредственный момент чьей-либо собственной жизни.

Бога можно понять только лично. У каждого свой собственный бог, защитник и судья. Священники и служители культов – всего лишь костыли для искаленной жизни души.

Ложь чаще всего есть выражение чьего-то страха к тому, что истина может его растоптать.

Любовь – это все то, что улучшает, расширяет и обогащает нашу жизнь.

Так называемые разумные люди, это те, кто в жизни во что-то вляпался, кому жизнь не дала реализоваться. И их превалирующее большинство, и они не терпят тех примеров, которые выставляют их в невыгодном свете.

Жизнь бесконечно велика и глубока, как громадно число звезд над нами. На нее можно смотреть лишь через узкий глазок своего личного опыта. Но и через него каждый воспринимает гораздо больше, чем способен понять. Таким образом, следует чаще протирать свой глазок.

Наилучшая жизнь – полнейшая жизнь: богатая здоровьем, силой, красотой, страстью, авантурой и мыслями.

Молитва, искусство и научное исследование – это три разных пламени, исходящих из того же сердца. Человеку жаждет пересечь грань возможных достижений, открытых перед ним на данный момент, для того чтобы вырваться из границ своего маленького Я. Искусство и молитва – это только простертые во мрак руки. Люди просят, чтобы отжаться...

А Наука? Такая же просящая рука, как и молитва. Человек бросается в темную радугу, то спадающую, то оживающую, с тем, чтобы положить существование некоего дома в колыбели своего маленького Я.

Это то, чем все они занимаются – наука, искусство и молитва. Следовательно, чтобы погрузиться в себя, нужно не упасть в бессознательное, а уловить то, что только-только смутно очертилось на яркой поверхности сознания.

Глава 6

Я- Ценовая Система

Я существую с начала общественной жизни, но не многие распознают мои фундаментальные характеристики. За исключением нескольких небольших цивилизаций, присутствующих то тут, то там, именно я – единственный тип общественной системы, который когда-либо существовал. Я зачалась в человеческом труде и тщете, посвященном выгоде и растрате. Я – Ценовая Система. Мое основание заложено еще в ранней общинно-племенной жизни человечества, до начала исторической летописи. В древнем мире меня называли Движимым Имуществом и Рабством.

Во время известной долгой ночи человеческого разума, именуемой Темной Эпохой, я была известна как Феодализм и Сервитут. В современном мире меня называют Капитализмом. У некоторых народов меня величают даже Демократией. Но из всех моих названий самое сбивающее с толку – Коммунизм.

Имена мои менялись много раз; но, в сущности, я оставалась во все времена и у всех народов всё той же, если не считать того, что мои технические приемы постоянно улучшались.

Несчитанное число поколений я вызываю колебания тел и умов у людей всех народов. Сегодня я существую по всему миру на разных стадиях своего развития, контролируя производство и обмен товарами и услугами, и всеми средствами, какие есть у людей. Я – это общее, групповое выражение общечеловеческой жажды жить и процветать за счет окружающей среды и добрых людей. Я – это система, в которой всякий вынужден давать обществу как можно меньше, и брать столько, сколько сможет взять.

Я – это закон джунглей (съешь или будь съеден; убей или будь убитым), защищаемый человечеством в учрежденных формах. Я – самый нижайший общий показатель способностей, интеллекта и нужд человечества.

У ИСТОРИИ ВЫСОКОЕ МНЕНИЕ ОБО МНЕ

Я – это лекарь племени, вменивший плату за изгнание дьяволов.

Я – ЭТО ОЛИГАРХИЯ, ОТРАВИВШАЯ СОКРАТА.

Я – легион Рима, покоривший Грецию; и фанатики Христианской Церкви, спалившие библиотеку в Александрии. Я – инквизиция, преследовавшая Галилея. Я – радикалы Парижа, обезглавившие Лавуазье: «Революции не требуются химики». Как это верно, с моей точки зрения. Я – Кортес и Испанские Конквистадоры, вырезавшие плохо вооруженных ацтеков в Мексике Монтесумы, и первые белые поселенцы, сделавшие то же самое с племенами Исконных Американцев.

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ

В ранней общественной жизни мне открылось, что ценности определяются человеческим желанием и дефицитами. Стоимость и Дефицит – мои краеугольные камни. Я нарядила их так, что никто не узнает. И окрестила их Предложением и Спросом. Под этим прикидом они дурачат людей веками. И вот теперь экономисты проповедуют, что, мол, Предложение и Спрос – это естественные законы, которыми диктуются цены. И это снимает с меня, Ценовой Системы, моральную вину, и создает впечатление, что с этим ничего не поделаешь. Спрос и Предложение являются для меня очень удобным мифом. Под их прикрытием я всегда сдерживаю Предложение и никогда не даю Спросу свободного пути для самовыражения.

На самом деле нет потолка для Предложения, за исключением способности производить, и нет границ для Спроса, за исключением способности потреблять. Но я не могу позволить этому случиться, ведь всем известно, что экономические законы – это вам не физические. Они не измеряются, и не проверяются. Когда это впервые обнаружилось, то мне понадобились дополнительные инструменты, и мною было изобретено обещание. Я назвала его «Обещанием Заплатить» (или обязательством по оплате). Обязательство по оплате нельзя увидеть, услышать, попробовать, почувствовать и померить. Оно выведено из ниоткуда мною, и посеяно в умы людей, где укоренилось и проросло. Обязательство оплатить было первым из длинного списка операционных приспособлений, которые я изобретала, чтобы облегчить свой образ функционирования. Все эти приспособления брались из ничего, не имели в своей основе никаких физических законов; но они превратились в правила игры, по которым я работаю. А чтобы никто не распознал несостоятельную природу моего обещания, я ввела действительные символы, которые его представляют. Их я именую Деньгами. Деньги – это символ обещания; это символ долга. Ничего реального в них нет. Теперь появилась необходимость камуфлировать настоящую природу Денег, поэтому я дала им другое название: Средство Размена. Это имеет уважаемое звучание, кроме того, именно так Деньги и работают. Но это, тем не менее, не средство распределения, как настаивают некоторые мои апологеты.

Я, Ценовая Система, не заинтересована в распределении. Я действую только для того, чтобы разменивать ради выгоды товары и услуги, исходя из определенной дефицитом стоимости. Любое истекающее из этого распределение – просто побочный продукт. Сразу же выяснилось, что Деньги, работающие как Средство Размена, обладают некоторыми полезными характеристиками. Ими можно торговаться, перемещать, извлекать выгоду, сберегать.

Все это позволяет их выторговывать, воровать, давать или отыгрывать обратно, и, коль уж это не мера чего-то реального и фиксированного, то их можно девальвировать, револьвировать, словом, манипулировать ими несчетным числом способов. Эта вариативность необходима для

моего существования. В добавок, постоянно должна присутствовать нехватка, дефицит, иначе стоимости упадут, и основа для размена исчезнет.

МНЕ НУЖНО ВО МНОГОМ СОЗНАТЬСЯ

Вскоре я обнаружила, что всегда должен быть свободный поток Средств Размена, а иначе артерии коммерции пересыхают. При том способе, в котором я организована, индивидуум должен накопить как можно больше долговых знаков, или иначе подвергнется общественному штрафу.

Так как Деньги составляют долг, распространяющийся на общество в целом, то они могут быть разменяны на любые товары и услуги. Деньги также составляют потенциальный «приоритет», который может выставляться с оговоренным приростом (установленным на своих собственных условиях). Таким образом, они растут в размере и эффективности. Используемые таким способом деньги называются Капиталом. Как только накопление долговых символов достигает пропорций Капитала, становится необходимым все время инвестировать их, иначе инфляция снова сократит их до пустого места, из которого они и возникли. Они должны либо вырасти, либо ... умереть. Поток Средств Размена не может останавливаться. До изобретения Средства Размена мои функции ограничивались бартером и прямым воровством. Я никогда не перерасту этих проверенных временем методов облегчения ноши сосунков; просто я перешла на более улучшенные технические приемы. Однако, в плохие времена, когда ситуация требует от меня этих примитивных методов, я всегда использую возможность попрактиковаться. Ничего другого не остается, кроме как закропить что-нибудь на черный день.

ЧУВСТВУЮ ВОЗМУЖАНИЕ

За свою нелегкую карьеру я свершила множество манипуляций со Средствами Размена. Дюжины школ экономики возникли вокруг моих трюков, каждая из которых утверждает, что владеет правильной теорией Денег.

Приспособление Капитал позволило мне ввести в оборот Отложенные Размены. Это открыло полностью новый мир для экспансии. Я сводила Капитал и Отложенные Размены в одном браке, и они порождали Долг, Выгоду, Доход и Расход. Долг все время подрастал. Его младший брат, Выгода, сопровождал его повсюду. Как часто Доход терялся среди Отложенных Обменов, но Долг и Выгода всегда выходили и возвращали его. Расход работал везде, где нужно было ускорить оборот Отложенных Разменов, и помогал поддерживать дефицит.

Когда казалось, что оборот Отложенных Разменов сильно замедлен, я занималась сводничеством между Расходом и Доходом. Они порождали подделки и некачественные товары. После этого Отложенные Размены

оборачивались быстрее, а Дефицит становился более подчеркнутым. Всё это также поддерживало поток Средств Размена. Но, увы!

У Долга появилась аллергия на естественного врага по имени «Всё Уплачено». Время от времени это насекомое появлялось, и мне приходилось создавать Новый Долг. После небольшого экспериментирования был разработан новый тип, названный Долгосрочным Долгом. Он гораздо лучше сопротивлялся «Всё Уплачено». Так, посредством Дефицита, Стоимости, Обязательства Оплаты, Средства Размена, Капитала, Отложенных Разменов, Выгоды, Долга, Дохода и Расхода, у меня было почти всё готово для бесконечно успешной карьеры.

Осталось сделать две вещи. Над всеми этими характеристиками мне нужно было водрузить институт общественных структур, позволяющий консолидировать мои достижения и поддерживать закон и порядок. К тому же, требовалось продумать камуфляж, чтобы люди принимали меня за что-нибудь иное, чем я есть на самом деле. Радикалы, либералы, моралисты и гуманитарии возились с моими «надводруженными» социальными структурами, как медники, веками, но не меняли и не затрагивали при этом ни йота из моих основных операционных характеристик.

По правде говоря, не создавала я эти общественные заведения одним махом. Они выросли за какой-то период времени естественным образом, как обычная свита лежащей под ними основной системы торговли и коммерции.

В самом начале общественной жизни люди собирались в группы, чтобы умножить свою силу и направить ее против противостоящих сил окружающей их среды. Так они эффективно добивались индивидуальной безопасности. Полагается, что наивысшая забота общественного состояния состоит во всеобщем процветании. То, как я замяла у общественной жизни эту цель, само по себе – история. Это протекает параллельно с развитием моих операционных инструментов, предназначенных для производства и размена товаров и услуг.

Короче, те, кто научился орудовать в согласии с возможностями, предоставленными моей структурой, стали правящей олигархией. Конечно, на это способны не все. А лишь меньшинство.

Там, где есть эксплуататоры, должно быть что-то или кто-то, что можно эксплуатировать. За всю историю мною оперировало и управляло три олигархии: олигархия организованного для поддержки закона и порядка правительства; олигархия «лечащих» священников, проповедующих принятие меня и вознаграждение после смерти; и олигархия предпринимателей, которые заведуют торговлей и коммерцией. Эта тройка во всех странах заправляет либо по отдельности, либо кучкой. У меня они называются Политическим Государством, Экклезиастическим и Частным Предприятием. Их роль

на сегодня - та же, что была и всегда. Так как первая забота любого правительства поддержать себя, то оно себя и защищает. Функция Частного Предприятия эксплуатировать природные ресурсы земли и народ ради всех выгод, какие приносит трафик.

Легко увидеть, как переплетены интересы трех олигархий.

ЧЕМ СОЗДАНЫ МЕЧТАНЬЯ

Последний фактор, добавляющий мне силы и сопротивляемость к перемене, - это набор засахаренных Абстрактных Понятий, сотканный философами, историками и духовенством. Я вывела большинство этих пустых идей из ничего и дала им названия.

Готовность народа влюбляться в несбыточные концепции просто поразительна. Абстрактные Понятия состояются из слов, умственных символов, не являющихся реальными предметами вещественного мира. Человеческие умы, вдобавок к способности содержать реальные понятия, способны принимать в себя, по-видимому, неограниченное число пустых символов, которые в физическом мире совершенно ничего не представляют. Этот факт – один из моих главных опор. За какое-то время философы изобрели тысячи Абстрактных Понятий, чтобы интриговать ими умы людские. Среди них: Свобода, Воля, Равенство, Братство, Правосудие, Естественные Законы, Выживание Сильнейшего, Благо, Зло, Мораль, Этика и Грех.

Люди постоянно заняты поиском того, как их достичь или избежать, зачастую игнорируя физический мир. Попробуйте провести операции, чтобы подтвердить существование любого из этих понятий в физическом мире, и посмотрите, как далеко вы уйдете. Мне нравятся эти Абстрактные Понятия, поскольку, не являясь физическими сущностями, они могут быть, да и уже, покрыты каким угодно образом смещаемыми определениями. Мощь их хватки за ум так высока, что люди станут лицом к пулеметам ни их защиту, хотя их и не существует. Смогут ли люди зайти столь далеко в продвижении РЕАЛЬНЫХ понятий, остается лишь увидеть.

Абстрактные Понятия помогают скрывать мою действительную природу. Можно заметить, что в физических процессах, какими производятся товары и услуги, я подчиняюсь физическим законам, но при распределении физических богатств за долговые знаки, я эти физические законы игнорирую. Контроль над этим выполняют Абстрактные Понятия. Не удивительно, что столько заминок. Глядя в прошлое, сейчас я замечаю, что наихудшие из моих бед начались в 1782 году Н.Э.

Тогда разработали первый действующий паровой двигатель. С этого применения внешней энергии началось увеличение во времени выполнения работы, что стало угрозой дефициту, от которого я завишу.

Ох! Если бы я знала тогда, что я знаю ныне! Я бы преследовала науку гораздо безжалостнее. Но, возгоревшись однажды (причем повторно), научное знание росло и расцветало.

МЕНЯ ОБХОДЯТ

К тому времени как прикатил 18-ый Век, это разрастающееся тело науки метнуло икру, ведовской напиток – научный метод и научный подход. Появились изобретения.

Родились машины, вначале грубые и громоздкие, но более эффективные, чем мои устаревшие методы людского труда и ручных инструментов. Какой-то мой неизвестный враг обнаружил, что любое повторяющееся движение легче выполнять с помощью машин, нежели человеческими руками.

Затем родилась фабричная система производства и мой потешающийся враг, Технология, вошла на картину. Сопутствуя этим разработкам, пошло сильно возросшее потребление энергии, полученной из расположенных вне человеческого тела источников, таких как уголь, нефть, газ, ветер и падающая вода. Без этих разработок, технология не смогла бы достичь своего нынешнего состояния. Применение немusечной энергии было ново и революционно. За всю историю единственным доступным источником энергии являлось человеческое тело, подкрепленное резким ветром и водяным колесом, и рабочими животными. Единственным способом производить еще больше был найм работников или удлинённый рабочий день. Теперь же паровой двигатель развивал энергию, в несколько раз превышающую энергию одного человека.

Началась Промышленная Революция, а я, несчастная дура, все это приветствовала.

Человечество стало зависеть от машин. Лучшее, на что мне сейчас остается надеяться, - это возврат на некоторую промежуточную стадию развития и заморозка в ней. Фактически, я недавно уже инсценировала попытку двинуться в этом направлении. Она называется «Малое - Прекрасно». Это моя единственная надежда против угасания.

МОИХ СТОРОННИКОВ ЛЕГИОН:

Я эстет, пирующий в усадях жизни, которые недоступны для большинства.

Я немногие привилегированные, которые свободны наслаждаться свежим воздухом, солнцем, зелеными лугами, ручьями и горами Северной Америки – то есть, тем, что осталось.

Я китобойи и браконьеры, которые ради выгоды умертвляют редкие и исчезающие виды.

Я охотники, убивающие малыша Тюленя Нагр во имя моды, тщеславия и выгоды.

Я те разработчики, которые видят кондоминиумы там, где другие видят открытые луга и дубовые деревья.

Я мрачные и грязные трущобы, в которых умы и тела обречены на бесконечную бедность.

Я все те «приятные», добрые люди Северной Америки, которые желают перевешать гомосексуалов и узаконить псевдохристианскую мораль.

Я богатые землевладельцы и многонациональные корпоративные умы, которые создают в Мексике и Центральной Америке условия для назревания революции. Я революционеры, приходящие к власти и продолжающие затем развивать мучения моей системы.

Я фермер, который выливает молоко в канавы или гноит урожай на полях, когда цены слишком невысоки.

Я домашняя хозяйка, постоянно озабоченная Джонсами, устраивающими рекламную серенаду, когда она проходит мимо товара в универмаге.

Я отец и мать, превращающие их возлюбленных детей в рабов своих собственных узких горизонтов во имя своего святейшества, Родительства.

Мой голос отчетливо слышится в школах и колледжах по всей земле, а мои школы помогают родителям превращать детей в рабов моих Абстрактных Понятий.

АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ

Я администратор, сопротивляющийся новшествам в резюме, и педагог, выбивающий креативность из детей. Я училка, жалующаяся на низкую зарплату и плохие классные условия, но не понимающая, как люди учатся (вообще). Я закон на конце полицейской палки; политик, объясняющий ему, насколько далеко заходить в укреплении закона; наемный стрелок и громила; и стукач, кладущий пальчики на моих козлов отпущения. Я оперирую судебной системой, которая уламывает «Правосудие» склонится в ту сторону, где больше денег. Я кассовое понятие об общественных ценностях того ловкого бизнес-парня.

Я все те коммерческие ухищрения современного общества: от дебильных телешоу до не менее дебильной рекламной промышленности, которая их подкармливает.

Я тщательно контролируемая и оркестрованная служба новостей и рекламодатели, которые оплачивают ее и проводят цензуру.

Я «ветропрах», который верит на TV всему.

Я миллионы взрослых и детей этой страны, кто не умеет ни читать, ни писать.

Я тот недообразованный, крутой кретин, знающий все неправильные ответы.

Я банкир, который никогда ничего не знает о моем товаре, кроме того, как взять доллар и одолжить его под самый высокий процент.

Я снобы в белых воротничках, вице-презы и уважаемые посмешища, унижающие тех, кто прозябает в более плебейских слоях общества; и крестьянская психология подмятого пса, смотрящего на общество снизу, вместо того, чтобы оглядеться в нем вокруг.

Я мириады непроизводящего персонала всех форм производства, развивающего учрежденную волокиту моей системы.

Я классовая ненависть идеологов диалектического материализма.

Я все группы прессовки меньшинств, богатые и бедные, которые ищут предпочтительных преимуществ за счет кого-то еще. Я народные представители, обхаживающие эти группы.

ПРОДОЛЖАЮ ДОЛГИЙ РАЗГУЛ

В начале Промышленной Революции я, как никогда раньше, увлеклась экспансией. И распространилась в самые отдаленные уголки земли. Модернизировала свои операционные характеристики и добавила поправки, не имеющие аналогов в более простые, аграрные века ручного производства. Любой долговой торговец или экономист может промотать этот список. Они изучают патологию моих операционных устройств (взятых, как вы должны помнить, из ниоткуда), более не ставя под вопрос их реальность.

Когда началась промышленная экспансия, я тот час же заметила, что Частному Производству необходимы вспомогательные Абстрактные Понятия. Так я вывела: Конкуренция – Двигатель Торговли, Износоустойчивый Индивидуализм, Социальный Дарвинизм, Закон Скидок и Свободного Предпринимательства.

У них неплохое звучание и ими продолжается заблуждение, на котором я вишу; но, могу вас заверить, что они так же пустотелы, как воздушные шарик.

Так как Политическое Государство увидело разворот Частного Предприятия в корпоративную форму, то мне и его пришлось модернизировать. Ему я подкинула набор Абстрактных Понятий типа: Политическая Демократия, Глас Народа – Глас Бога, Правление Закона, а не Человека, Равенство Перед Законом, Свобода Прессы, Свобода Воли и Свобода от Страха.

Эти забытые Абстрактные Понятия пришли с Промышленной Революцией. Теперь они часть и перечасть моих операционных орудий.

Однако вы поймете, что их нельзя ни надеть как спасающие от холода одежды, ни положить в рот, чтобы напитать тело. Они во всех аспектах договорные, как и Монета. Их можно.... нет, они уже, покупаются, продаются и выторговываются на открытом политическом рынке.

ОБМАНУТЫЙ МАЛТУСИАНИЗМ

Одним из первых результатов Промышленной Революции был прирост населения. С новыми мощностями и технологией стало возможным производить больше. Поэтому многим людям стало легче оставаться в живых. Этот тренд продолжается. Первое столетие или около того. Не важно. Промышленность расширялась. Работа и доходы были доступны. Рождение новых работ стало выше скорости, с которой старые профессии отменялись технологией. Общее благосостояние не справлялось с растущим населением. И через какой-то срок рождаемость новых работ упала вдруг ниже скорости вымирания старых. В итоге повсюду поползли голод и страдания. Большая часть мира пока еще на первой или второй стадиях Промышленной Революции.

Но сдержать там социальные перемены мне не составило бы затруднения. Я, Ценовая Система, все еще могу работать в большинстве стран по старой формуле. Политическое Государство в каждой из стран вооружено Абстрактным Понятием, именуемым Национализм, что позволяет противостоять любым объединениям наций, базирующихся на залежах природных ресурсов (логико-физическом критерии). «Жужжу» моего Абстрактного Понятия пленительно, даже если в нем нет ничего настоящего.

ОГЛЯДИМ СИЮ ДОРОГУ ДЛИННУЮ

Исследуя нынешний мир, я обнаруживаю, что Северная Америка находится под крайней опасностью моей ликвидации в будущем. Технология и энергия здесь развиты более чем где бы то ни было.

Операционные приспособления, до сей поры отлично работавшие... в Северной Америке далее работать, кажется, не смогут. Ни политические идеологии, ни экономико-утопические предсказания ни грамма не смогут изменить в моих основных операционных характеристиках. Их защитники творят прекрасных козлов отпущения,

но реальный враг мой - это тот факт, что я, Ценовая Система, сегодня не способна приспособиться в Северной Америке под удары технологии и энергетики. В прошлом, когда обстоятельства складывались против меня, я могла развязать войну и связать общественную перемену с братоубийственным конфликтом. И сегодня, в частности, корпоративное предприятие неплохо выигрывает во время войны.

Цены растут, бизнес цветет и доходы возрастают. У Политического Государства также имеется возможность расширить сферу влияния и число прерогатив. Экклезиастизм, конечно же, работает на обе стороны. И как общее правило, это же следует сказать и о Частном Предприятии нынешних дней, состоящем из банкиров, картельных договоров и многонациональных корпораций. Однако технология сделала войну для меня слишком дорогостоящей. Я имею в виду не убийства, а головную боль финансовых проблем. Хуже всего то, что современная война ведется технологическими средствами, и (проклятие!) эти средства – они же и средства социальных перемен. Чем более заводится технологических и энергетических средств в сегодняшней Америке, тем неразрешимее мои проблемы. Они уничтожают мою краеугольную цель – поддерживать Дефицит и Стоимость. Установка все более эффективной и новой технологии в Северной Америке также иссушает свободный поток Средств Размена. Знайте, - когда вводятся более эффективные механизмы, работы становятся автоматизированными. Это озвучивается как трудовая незанятость и спад всеобщей покупательной способности. Другими словами, выкидывается всё больше людей, и нет денег, чтобы расходовать. Это означает, что Частное Предприятие производит все меньше и так же мало продает. Так как оно производит меньше, то еще больше людей теряет работу и свои расходные деньги. Это порочный круг. Возникает необходимость создавать Новый Долг, чтобы оплатить установку еще более эффективных механизмов, чем урезать цены на производство и отхватить долю на уменьшающемся рынке.

НУЖНО РАСШИРЯТЬСЯ ИЛИ ДОГОВАРИВАТЬСЯ

Мне приходится заставлять экономистов говорить, что рост производства – единственный способ справиться с ситуацией. Однако новая технология повышает Прибыль, но создает трудности эту прибыль реинвестировать. Это происходит, несмотря на лучшие старания Монопольного Контроля, Ограниченного Производства, Высоких Цен, Бракованных Товаров, Закопанных Патентов, Картельных Соглашений, и Финансового и Политического Вмешательства. Частное Предприятие очень легко перепроизводит свою способность продать сделанные им товары. Реинвестирование в новое производство становится еще более необходимым, но, увы, еще более затруднительным.

С 1860 по 1914 гг. мой Долг в Северной Америке был всегда здоров. С 1914 случай отвернулся. Физическое производство скатилось со всех уровней, а Долг устремился прямо в небо.

Около 1932 Частное Предприятие ударились создать Новый Долг и переложило эту ответственность на Политическое Государство.

Этот мой лейтенант, при всей его силе, ныне буквально качается под нарастающей ношей. При всем народе, лишаемом технологией работы, Политическое Государство превращено в единого гигантского работодателя и распределителя Средств Размена. Он обязан нанимать людей на работы, ничего не производящие, и не конкурирующие с Частным Предприятием. Многие из них относятся к гонке вооружений, или же Политическое Государство просто вручает Деньги. Чтобы все это оплачивать, Политическое Государство увеличивает налоги и создает Новый Долг.

Поскольку Частное Предприятие переместило свою «долг-созидательную» прерогативу на Политическое Государство, то кривая промышленного производства движется теперь вслед за кривой правительственных расходов. Это не проблема финансов: это проблема поддержки физического производства на высоком уровне, направленная на создание рабочих мест и поддержку покупательной способности и свободного потока Средств Размена. Если я позволю поддерживать физическое производство на высоком уровне, то я уничтожу Дефицит, высушу поток Средств Размена и буду вынуждена опять создавать Долг. Как бы я ни крутнулась в Северной Америке, везде тупик. О, загадка из загадок. Что делать?!

Возможно, по меньшей мере, я решу этот частный вопрос. Долг, как вы помните, создан из ничего. Также его можно ни во что и спустить. Это называется гиперинфляцией. Политическое Государство увеличило количество денег, находящихся в обращении, до того уровня, пока они не станут грязно дешевыми. Затем, должник относит эти законно надутые Деньги своему кредитору и выплачивает свои Долги в дробном отношении к их предыдущей цене. Это законное мошенничество, ну, и что! Я же говорила, что Долг взят из ниоткуда, не правда ли? Далее, когда инфляция выходит из-под контроля, Частное Предприятие выполняет харакири во благо всего (это называется депрессией). А затем у меня начинается всё по новой, с новым брендом Частного Предприятия. Проблема производства в Северной Америке решена.

Новая технология уже установлена и сможет выполнять работу по распределению товаров и услуг для каждого, как только будет снят контроль моего вмешательства. Моя проблема – столоваться на этом как можно дольше и разрабатывать средства и способы, предназначенные для заморозки социальных сдвигов на примитивном уровне. Даже если для этого потребуется умертвить от 50 до 75 процентов населения Северной Америки. Что это по сравнению с

моими возлюбленными олигархиями: Частным Предприятием, Политическим Государством и Экклезиастикой?

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА.

Поскольку я зачата из Нужды (Дефицита) и посвящена Расточительству (Расходу), у меня совершенно нет зазрений совести. Мне хорошо известно, что процветание, каким я ныне наслаждаюсь в Северной Америке, всего лишь преходяще. Мне известно, что оно покупается под ужасающим риском установки широко развернутой технологии.

Я знаю, что ученые и инженеры анализируют мои операционные характеристики и вычислили все недостатки. Также мне известно, что разработана более эффективная общественная система, которая распространит высокие жизненные стандарты и безопасность для каждого. Но хоть мне и знакомо это граффити на стене, надежда еще есть. Мой коллапс и победа технологии не неизбежна.

Если я не смогу править, то я всегда смогу рушить. Если я буду падать, то я смогу так организовать, что утащу за собой всю цивилизацию Северной Америки. Даже если придет хаос, я не исчезну. Из хаоса я вновь воссоздамся, как Феникс из своего праха. Ибо я была с вами очень долго и научилась многим трюкам. Есть только одна вещь, которая может ликвидировать меня навсегда. Это смена моих, Ценовой Системы, методов контроля ... системой технологических контролей, разработанных на основе физических законов Реальности. Но это еще никогда не делалось. Как же трудно это будет осуществить! Достаточно взглянуть на мою летопись. Я ненавижу покой и мир. Глядя в приближенное будущее, я понимаю, что не одинока. Я сумею поднять силы. Ибо у меня множество союзников, непрерывно работающих в моих интересах.

Некоторые из них уже давно со мной.

ДА...Я ЦЕНОВАЯ СИСТЕМА

Я социальная система и учреждения, приспособленные под аграрные, ремесленные культуры других стран, импортированная через океан и водруженная над далеко вырвавшейся технологией Северной Америки. Я фольклор и седая традиция более 7000 лет человеческого труда, ручных инструментов и Дефицита. Я руководитель семинара, помогающий людям преодолеть свои личные неадекватности, чтобы они смогли иметь дело со мной более эффективно, - людям, которые не представляют общества без моих операционных характеристик. Я авангардный физик, ставящий под вопрос ньютоновский, по-часовому механистичный взгляд на вещество и энергию, но которому не приходится в голову поставить под вопрос реальность моих Абстрактных Понятий.

Я все те «возвращающиеся к земле» народники, которые славят тяжелый человеческий труд и думают, что путь в новую эру можно проторить без современной технологии, и этим оставляют мне свободу продолжать занижение качества жизни. Не могу себе позволить, чтобы они знали разницу между моими методами и методами науки. Пока эти люди путают науку и технологию с методами Ценовой Системы, они будут мне отменными сообщниками, если от меня вдруг потребуется уничтожить технологию.

.

Я «здравый разум» невежественной толпы и все суеверия перед неизвестностью. Я неизмеримая инерция огромной массы людей, которые никогда ничего для чего-то не делают, пока что-то их не заставит. Я каждый рвач в поисках сосуна, и каждый сосунок, которому мечтается стать рвачом.

Я все те, кому обо всем отлично известно, но не делают с этим ничего.

Я ты читающий эту статью. Что ты когда-нибудь сделал, конфликтующее с моими интересами?

С такими умелыми союзниками технологии трудно будет повлиять на мой коллапс.

Я – Ценовая Система!

Глава 7

Что Такое «Технократия»?

Принципы

и

Организация

То, с чего это всё началось, было «Курсом Изучения Технократии».

Опубликованный в книжной форме в 1930-х, он явился кульминационной работой ряда великих умов, трудившихся над почетными и практическими решениями по созданию справедливого и жизненного общества. Ходит спор о том, что это самая важная нефантастическая книга 20-го века. Столь же практичная сейчас, как и тогда, когда появилась, она является полной прорисовкой для понимания и практического применения технократии. У нее нет аналогов. Эта классика великолепна по своему масштабу и безбоязненна в своей честности.

Поскольку тематика, с которой ведется работа в «Курсе Изучения Технократии», скрывается от публики в неофициальном, но указном порядке, то даже для заинтересованных сторон очень трудно разоблачить сложную сеть лжи, которую у нас именуют нашей «культурой».

Экземпляр оригинального «Курса Изучения Технократии» можно заказать по адресу:

Technocracy, Inc.
Telephone (360) 366-1012
Email Address: C.H.Q.111@aol.com
Fax: (360) 366-1409

Далее представлены буквальные цитаты из курса изучения, прочтение которого рекомендовано каждому, кому хочется иметь более полное понимание мира, в котором мы живем.

ЦЕНОВАЯ СИСТЕМА

В предшествующих уроках мы обсудили основные материально-энергетические отношения, которым должны соответствовать все события на земле, как органические, так и неорганические. Мы узнали, что из всех вообразимых вещей, которые могут случаться на земле, возможны только те, общее задействованное вещество которых не выше и не ниже, а энергетические преобразования имеют такую природу, что явление не переходит в какой-либо другой вид проявлений механизма вечного движения.

Поскольку этот вид анализа долгое время в инженерии имел применение главным образом для решения простых, мелкомасштабных задач, то не столь широко понималось, что такие же приемы могут применяться, и имеют фундаментальное значение, в отношении к гораздо более сложным проблемам, связанным с функционированием человеческого общественного комплекса. Например, в инженерии давно известно, что если паровой двигатель работает при абсолютной температуре котла T_1 и конденсатора T_2 , то максимальная допустимая фракция тепла Q_1 , полученная от котла, далее преобразуемая в работу, составит $[(T_1 - T_2)/T_1]Q_1$. Этот факт устанавливает объективный стандарт производительности. Если же производительность двигателя гораздо

ниже, то известно, что можно построить лучший двигатель, и *насколько* лучший.

Подобный же анализ можно провести по отношению к человеческому обществу, функционирующему на данной географической территории. Если известны доступные этому обществу материальные и энергетические ресурсы, то можно установить разумное приближение максимального показателя эффективности социального механизма. Если наблюдаемое функционирование находится на сильно заниженном уровне по отношению к тому, который указанным методом был выявлен в качестве максимально допустимого, то известно, что еще имеется пространство для последующих улучшений. Следовательно, как в случае с паровым двигателем, неправильное действие говорит о неправильно функционирующем механизме. Его можно отрегулировать только путем улучшения рабочей схемы, откуда следует выбросить сбойные характеристики.

В нашем кратком обзоре природных богатств показано, что многие районы земного шара находятся в такой нехватке существенно важных для крупномасштабной промышленности материальных и энергетических ресурсов, что их население в итоге обречено на низкие жизненные условия. По меньшей мере, пока или до тех пор, пока технологический прогресс не обнаружит там наличия ресурсов, еще неизвестных на данный момент. Мы выяснили, что континент Северная Америка не имеет подобных осложнений. И - в отношении климата, почв, биологических, минералогических и энергетических ресурсов - это самый обеспеченный континент на планете. Фактически, он обладает ресурсами, рабочей силой и технологическими знаниями, необходимыми для того, чтобы обеспечить каждого живущего здесь человека оптимальным физическим уровнем жизни при небольших и постоянно понижающихся трудовых требованиях к индивиду. Но, если принять во внимание распространенную нищету и убожество, расходование и уничтожение ресурсов, уничтожение продуктов и поддержку, как правительством, так и частной промышленностью, принудительного дефицита и всеобщей безработицы, то мы вынуждены заключить, что действительное функционирование нашего социального механизма чрезвычайно занижено по сравнению с его ныне известными потенциалами.

Следовательно, перед нами определенно случай того механизма, чья действительная работа настолько ниже возможной, что формируется как социальный, так и технологический скандал. То, что это факт, не удивительно, если взять во внимание, что составные элементы устройства и действия нашей социальной структуры зародились тысячи лет тому назад в соответствии с нуждами аграрной экономики, поскольку переход от такой экономики в наше текущее состояние технологического прогресса произошел в прошлом столетии. И если рассматривать его рост, то главным образом с 1900 года. Непостижимо уму, что учреждения и службы, построенные под нужды общества, составленного из охотников, крестьян, пастухов, воинов, священников,

купцов и ростовщиков, могут соответствовать нуждам общества с миллионом лошадиных сил, заключенных в приводящих устройствах, плюс вытекающий из них массив высокоскоростного транспортного, коммуникационного и производственного оборудования.

Высокоэнергетическая цивилизация имеет специфичные для себя нужды, которые должны быть явно выражены в ее устройстве. Но прежде, чем рассмотреть эту проблему, требуется критически пересмотреть некоторые существующие традиции и устои, перешедшие к нам от аграрной античности, поскольку именно в этом могут находиться принципиальные ошибки нашего нынешнего механизма.

Понятие о Собственности.

Одним из наиболее укоренившихся древних понятий такого рода является понятие о *собственности*. Это понятие настолько прочно закрепилось, что, как правило, считается аксиоматичным. Редко приходит кому-то в голову провести критическое исследование его значения. Каждый говорит «моя лошадь», «моя собака», «мой дом», «мой автомобиль» и не задумывается о том, что же составляет разницу между домом, принадлежащим, скажем, Джонсу, и тем же домом, если он принадлежит Смиту.

Для большей ясности допустим, что этот дом прежде принадлежал Джонсу, а затем был продан им Смиту.

Посторонний человек, не знающий ни того, ни другого, наблюдавший дом изредка, до и после транзакции, вероятно, не будет и догадываться об этой перемене. Он, возможно, заметит, что до определенной даты в доме жил Джонс, а после той даты сюда въехал Смит. Посторонний заметит только перемену в съеме дома. Но такая перемена может случаться не только при перемене собственности, а, например, при перемене квартирантов, если дом сдается.

Что же тогда составляет собственность на дом? Небольшое размышление показывает, что собственность, или владение, домом полностью состоит в том, что индивиду позволено делать с этим домом обществом. Если собственность на дом закреплена за «Джонсом», то это означает, что Джонсу позволено обществом в этом доме жить, сдавать его кому-либо, держать пустующим, либо же снести его. Джонс может переложить часть этих привилегий на других людей, допустим, в случае квартиросъема, или же он может полностью избавиться от них через продажу, дарение или конфискацию. В последних случаях, хотя сам дом остается на месте, право собственности на него передается другим лицам.

Такой же ряд умозаключений применяется к другим формам собственности.

Таким образом, как удачно заметил Лоренс Т. Франк из Института Рокфеллера, вполне очевидно, что, собственность состоит не в

физическом объекте, но в *образе поведения*, допустимом в отношении к определенному физическому объекту.

Значение этого будет, возможно, еще более понятно, если рассмотреть собственность на автомобиль, находящийся посреди 10-гектарного поля, и собственность на этот же автомобиль, находящийся в центре Пятой Аvenues в 2 часа суматошного дня. Это будет один и тот же автомобиль с одним и тем же владельцем, но то, что общество позволяет делать посреди поля, сильно отличается, от того, что позволено на Пятой Аvenues.

Похожая вещь наблюдается и в собственности на землю.

Допустим, что некто владеет участком земли, расположенным посреди необитаемой глуши. В таком случае его права собственности в отношении к этой земле будут абсолютными, поскольку, гипотетически, здесь нет общества, чтобы ограничивать или урезать его свободу действий. Отсюда вытекает, что данная свобода действий будет ограничена только его физическими способностями. Он может вырубать или выжигать лес, возделывать землю или не возделывать, если нет сил, и строить там, где захочется.

Допустим, что через несколько поколений на том же участке земли появляется развивающийся город. Нет сомнения, что изначально большой участок земли будет поделен между многими владельцами на небольшие участки. При таких обстоятельствах сразу же становится очевидным, что право собственности на этой же земле станет иным, чем тогда, когда она была пустошью.

Несмотря на то, что он владеет землей, общество в этом случае позволит владельцу выполнять только весьма ограниченный ряд действий. Оно будет диктовать ему строить на этой земле только жилые, промышленные или деловые строения, согласуясь с городской зоной, в которой оказалась земля. Более того, общество будет требовать от него выполнять технические условия по проводке, пожаробезопасности, водопроводному и санитарному оборудованию.

Собственность, или, более строго, права собственности, являются довольно относительными. Они ни в коей мере не являются закрепленными и жесткими привилегиями, какими были при ранней аграрной форме общества, или как это все еще бездумно полагается в тех случаях, когда кого-то оказывается затронут возможным прекращением частных прав.

Несмотря на эту относительную природу, до сих пор сохраняется частная собственность индивидуальных или групп индивидуальных практически на каждую деталь физического оборудования, которая может быть монополизирована. Земля - во владении, минеральные ресурсы - во владении, короче, всё, что необходимо для человеческого существования и может быть монополизировано, уже разобрано и

монополизировано индивидами или группами. Единственная причина, по которой не взимается коммунальная плата за пользование воздухом, которым все дышат, в том, что не нашлось способа установить монополию.

Торговля.

С понятием собственности и фактом того, что каждой монополизированной вещью владеет определенное лицо, тесно связаны понятия о *торговле* и стоимости.

Простейшая форма торговли та, в которой происходит обмен. Например, десяти овец на одну корову, фунта масла на дюжину яиц, или, в общем, одного вида товара на другой вид товара или продукта. Такой обмен называется *бартерным*, и он представляет одну из простейших форм торговли.

Кстати, ясно и просто о бартере можно думать как об обмене товарами, но при небольшом размышлении оказывается, что в действительности это обмен правами собственности на эти товары.

Когда Джонс продает Смиту десять овец за одну корову, то права собственности, доверенные обществом Джонсу по отношению к овцам, переходят к Смиту, и, наоборот, в случае с коровой. Поскольку существует многочисленные виды перемещения физических товаров, не являющиеся *торговлей*, то важно иметь в виду это определение. Например, если некто идет в ресторан и заказывает пищу, которую оплачивает деньгами, то он занимается торговлей. Если у него избыток денег, то он может найти дорогой ресторан и стильно пообедать. Если у него недостаточно денег, то он может найти закусочную и удовлетвориться сэндвичем и чашкой кофе. Те же обстоятельства и в отношении одежды. Его выбор дорогого или дешевого костюма так же может определяться запасом наличных. Оба эти примера – торговля.

Однако в армии каждый одет и накормлен. И одежда в этом случае каждому выдается квартирмейстерами.

Несмотря на перемещение одежды из рук квартирмейстера в руки солдата, который будет ею пользоваться, в обоих случаях – и до и после – эта одежда является собственностью Армии Соединенных Штатов, и нет никакой торговли. Все, что надо сделать в действительности солдату, – это расписаться в листе экипировки, чтобы отметить, что им получено такое-то обмундирование. Это – для хроники. *Здесь в любом случае мы имеем перемещение товаров из-под охраны одного человека в распоряжение другого.* Те же отношения прилагаются и к солдатскому питанию, и проживанию.

Таким образом, торговля заключается в тех и только тех обменах, в которых происходит обмен правами собственности. В том армейском случае, когда квартирмейстер получает запасы от производителя, имеет место торговля; когда же он распределяет эти же

товары между солдатами для пользования или потребления, это *распределение* ни в коем случае не называется торговлей.

Понятие о Стоимости.

Понятие о *стоимости* тесно связано с понятием о торговле. Обратимся к простому примеру торговли, представленному бартером. Вполне очевидно, что число овец, обмениваемых на одну корову, будет зависеть, среди прочего, от *относительного обилия* овец и коров в отдельной местности, где проводится торговля. Если овец сравнительно больше, а коров сравнительно меньше, то это отношение может достигать 50 овец за корову. Если обратное отношение было бы верно, то обмен мог бы быть сведен к одной овце за одну корову. Такое же отношение сохраняется и между хлебом и яйцами, и между хлопком и пшеницей, или между любой парой размениваемых товаров.

Такое переменное соотношение между количеством одного товара,меняемого на другой, составляет основу понятия о стоимости. Стоимость в корне субъективна, но всегда выражается на рынке относительным количеством одного продукта, размениваемого на другой. Количество одного товара, размениваемого на другой, широко варьируется в зависимости от времени и места. *В целом, стоимость продукта, так сказать, количество других продуктов, размениваемых на этот, по мере того, как продукт становится дефицитнее, возрастает.*

Так, стоимость бриллиантов в настоящее время высока только потому, что они редки, и монополизированы алмазным синдикатом, выставляющим их на рынки в ограниченном соотношении. Если бы был разработан процесс, при котором бриллианты выпускались бы по центу или менее за карат, то их стоимость быстро бы снизилась. Другими словами, только тогда, когда продукта мало, в обмен на него требуется большое количество других продуктов.

Стоимость вещи не имеет никакого отношения к ее общественной важности; например, как воздух, так и вода исключительно необходимы для жизни. Воздуха настолько много, что никто не обязан разменивать какие-либо товары за его использование. Соответственно, у него нет и стоимости.

Поскольку относительное изобилие воды изменяется от места к месту, точно также меняется и ее стоимость. В тех регионах, где часты проливные дожди и изобилие водного запаса, как для питья, так и для ирригации, у воды нет стоимости; она не продается и не покупается. В засушливых же регионах как питьевая, так и ирригационная вода и покупается, и продается; ею торгуют; и она имеет стоимость.

Понятие о Долге.

Предположим, что в аграрной бартерной системе лошадь разменивается на восемь пар туфель. Допустим, что башмачнику

хочется купить лошадь, а фермер, у которого есть лошадь для продажи, нуждается в паре ботинок; тогда, если фермер продаст башмачнику свою лошадь и возьмет только одну пару ботинок, башмачник будет должен фермеру еще семь пар ботинок.

Эти семь пар ботинок, которые башмачник должен фермеру, называются *долгом* башмачника фермеру; фермер называется *кредитором*, а башмачник *дебитором*.

В подобных ситуациях есть две альтернативы. Долг может списываться постепенно (а) фермер берет семь оставшихся пар ботинок по одной в течение продолжительного периода времени, или (б) башмачник дает фермеру во время сделки письменное заверение своего долга: что он выплатит семь пар ботинок. Такое заверение составляет *долговой сертификат (свидетельство долга)*. Затем фермер может взять этот сертификат долга и продать его купцу в обмен на другие необходимые ему товары. В последнем случае, долг башмачника в виде семи пар ботинок будет перемещен от фермера к купцу.

Предположим, что вместо долгового сертификата, переданного от башмачника к фермеру и составленного в отношении ботинок, оплата была произведена в форме знаков, которые, по общему соглашению сообщества, принимаются не только при оплате ботинками, но также и в обмен на все другие товары сообщества. И этот последний знак составляют *деньги*. В таком случае, *деньги составляют форму обобщенного долгового сертификата, размениваемого не только на определенный товар, но и на любые покупаемые товары, которые возможны в сообществе. Это выражается через деноминации стоимости.*

Предположим, что денежные знаки в данном сообществе уже существуют, и каждый может приобретать их в обмен на продукты или на предоставленные услуги. Таким образом, они представляют собой задержанные выплаты. Их держатель может обмениваться ими в будущем с другими членами сообщества и получить за них товары или услуги. Следовательно, деньги устанавливаются путем деноминаций стоимости и размениваются на товары и услуги по эквивалентной стоимости. Таким образом, если два разных товара на бартерной основе размениваются друг другом, то говорится, что у них эквивалентная стоимость, и каждый из них разменивается на одинаковое количество денег.

Нельзя сделать сильное ударение на том, что деньги, как таковые, не являются товаром, но вместо этого – они знаки, которые по всеобщему социальному договору представляют собой долг; и сообщество в целом несет его перед их держателями.

Субстанции, применяемые в качестве денег, широко варьировались из времен во времена, и из местности в местность. Северо-Американские

индейцы использовали вампам (бусы из ракушек); некоторые древние использовали монеты из меди, бронзы, олова и железа. Островитяне Южного Моря использовали собачьи зубы. Современные страны в качестве денежного стандарта привлекают, главным образом, металлы серебро и золото. Верно и то, что в ранние эпохи эволюции денег в качестве средства размена на другие товары выбирался отдельный товар. В эти ранние эпохи этот товар играл двойную роль - потребляемого товара и долгового сертификата, выплачиваемого за потребовавшиеся другие товары.

В более продвинутые времена эта двойственность была устранена процессом выпуска монет. В Соединенных Штатах Америки медь является как товаром, так и материалом для некой монеты. В форме монеты она представляет долговой сертификат, и используется соответствующим образом.

У современных наций есть традиция принимать определенный металл, как правило, золото, в качестве базы монетной системы. В этом случае золото в виде монеты принимается равноценным стоимости эквивалентного количества золота как товара. Факт, что это отношение явно произвольное, виден по тому, что нации давно вышли из объявленного золотого стандарта, и вынуждены определять единицу стоимости эквивалентной любому произвольно взятому количеству золота.

В монетарной экономике количество денег, размениваемое на единицу данного товара, называется его *ценой*. Говорят, что лицо, разменивающее товар на деньги, *продает* товар; а лицо, выплачивающее деньги, *покупает* товар.

Определение «Ценовая Система».

Предыдущее обсуждение формирует основу для определения того, что подразумевается под *Ценовой Системой*. Фундаментом любой Ценовой Системы являются механизмы размена и распределения, выраженные в создании долговых претензий или в размене прав собственности на основе оценки товаров, не принимая во внимание, является ли собственность в этой системе индивидуальной или коллективной. Таким образом, любая социальная система, выраженная в распределении товаров или услуг посредством системы торговли или коммерции, основанная на оценке товаров и любой форме долговых знаков, или денег, представляет собой Ценовую Систему. Попутно добавим, что даже в самом удаленном или примитивном сообществе настоящих дней существует не что иное, как Ценовая Система.

References:

A Primer of Money, Woodward and Rose.

Wealth, Virtual Wealth, and Debt, Soddy (Chaps. 1-5).

ПРАВИЛА ИГРЫ ЦЕНОВОЙ СИСТЕМЫ

Предыдущее обсуждение понятий о владении, торговле, стоимости и деньгах, позволяет нам определить, что же «Технократия» подразумевает под термином *Ценовая Система*.

Ранее уже показано, что деньги имели свой исток как выражение долга или отложенного платежа, и, как вытекает из общепринятого социального договора, определенное количество денег представляет собой общий долг общества их держателю, при этом не определяется ни конкретный товар, который задолжен, ни конкретный держатель. Скажем так, что деньги составляют долговую претензию с определенной стоимостью к любому индивиду, и к любому товару, имеющему эквивалентную стоимость.

Сбыт Долга.

Другие формы долга, менее распространенной природы, также имеются в повсеместном применении. Если одно лицо продает другому свои права собственности на некоторый объект, скажем автомобиль, то в обмен оно может не получить ни товара, ни денег. Вместо этого им будет получена расписка, констатирующая тот факт, что ему должны данную сумму денег, которая будет уплачена до истечения определенного периода времени. Такая расписка составляет другую форму долгового сертификата.

В данном случае сертификат более специфичен, чем в случае денег, потому что утверждает в качестве дебитора определенное лицо. Владелец долгового сертификата далее может разменять это свидетельство третьей стороне, либо за товары, либо за деньги, в случае чего долг теперь будет погашаться третьей стороне.

Таким образом, долговые сертификаты, как в форме денег, так и в форме векселей или персональных расписок, обладают сбытом, и могут быть куплены, проданы или выставлены на торги, тем же самым образом, как это делается с правами собственности на физическое оборудование.

Другими формами долговых сертификатов являются облигации, закладные, банковские депозиты, страховки и банкноты.

Свидетельства о Собственности.

Помимо долговых сертификатов другим типом свидетельств, задействованных на более передовых стадиях развития *Ценовой Системы*, являются *свидетельства о собственности*. В примитивном обществе владение физическим имуществом в основном поддерживается неписанным социальным соглашением или физической известностью владельца. На более же прогрессивных стадиях владение большинством объектов имущества аттестуется некоторой формой законного документа, констатирующего права определенного лица или корпорации на отдельный объект. Это может быть участок земли, автомобиль, строение, книга, изобретение, франшиза и т.д.

Сертификаты Собственности бывают разных видов, в зависимости от типа объекта, которым владеют. Владение на недвижимое имущество сертифицируется техническим паспортом, на автомобиль – справкой-счетом, на консигнацию товаров – отгрузочной ведомостью (счетом-фактурой), на право публикации книги – авторским правом, а на право изготовления и выпуска изобретения – патентом.

С ростом в размере, сложности и скорости операций физического оборудования Западного Мира, возникшим в итоге перехода от низкоэнергетического к высокоэнергетическому состоянию промышленного развития, происходит изменение формы, в которой осуществляется владение. Уже отмечалось, что владение в аграрном обществе было в основном индивидуальным; так сказать, отдельный человек владел всеми правами собственности на определенный объект. В восемнадцатом веке и ранее, в связи с ростом коммерции и индустрии, группы людей нашли для себя удобным вступать в партнерство, как например, партнерство Болтена и Ватта. В то же самое время в целях ведения крупномасштабной коммерции организовывались торговые компании.

Эти товарищества и торговые компании, в особенности в Соединенных Штатах, в основном в период после Гражданской Войны, претерпевали метаморфозу в форму, известную как *корпорация*.

Корпорация законно определяется как фиктивный индивидуум; то есть, она может вести бизнес и владеть имуществом точно так же, как индивидуум. Но при этом она принадлежит индивидуумам, которые никоим образом не несут личной ответственности за данную корпорацию.

Владение в случае корпорации выражается двумя стадиями. На первом месте стоит владение корпорацией техническими паспортами, патентами, авторскими правами, франшизами и т.д., точно в такой же манере, как это наблюдается у индивидуума. На втором месте сама корпорация находится во владении индивидуумов, известных как *акционеры*. Свидетельством об их владении в последнем случае является *акция* корпорации. Владение акцией корпорации передает ее держателю право участвовать в распределении доходов корпорации в форме *дивидендов*.

Богатство.

Другим термином Ценовой Системы, который здесь требует пересмотра, является термин *богатство*. Он берется для определения монетарной стоимости физических активов всех видов и мастей, включая землю, минеральные ресурсы, домашний скот, а также произведенное оборудование. Общее богатство Соединенных Штатов, согласно «*Statistical Abstract of the U. S.*», составляло в 1922 году 321 миллиард долларов. К 1929 году оно достигло пика в 385 миллиардов долларов, а затем упало к 1933 году приблизительно до 300 миллиардов.

Это не обязательно означает, что в 1929 году физического инвентаря было больше чем в 1922 или 1933 г., так как богатство – мера не физического инвентаря. Ведь, как ранее было выведено, не существует никакой фиксированной взаимосвязи между физическим объектом и его стоимостью. *Другими словами, стоимость не представляет и не может представлять меру чего-либо.*

Богатство в предыдущем смысле можно свести к рассмотрению *национального* богатства в его противопоставлении с *индивидуальным* богатством.

Индивидуальное богатство состоит в действительных свидетельствах на владение физическим богатством в указанном выше смысле. Или, иначе, - в сертификатах долга, констатирующих наличие у индивидуума претензии на инвентарь определенной стоимости. Таким образом, индивидуально взятое, оно нематериально. Будь это богатство индивида выражено в форме свидетельств на владение, скажем, акциями General Motors, или облигациями A. T. & T., или валютой США, поскольку это богатство легко преобразуется в стоимость той или иной из этих форм. Таким образом, с точки зрения действительного механизма Ценовой Системы, нет никакой существенной разницы в индивидуальном богатстве – ни при владении долговыми претензиями, ни при владении физическим инвентарем.

Поскольку долговые претензии, как правило, гораздо легче сбываются (имеют сбыт), то несложно понять, насколько поднялось наше нынешнее «денежное сознание». Не только для вкладчика, но и для бизнесмена, финансиста и профессионального экономиста стало привычно мыслить исключительно в денежных, или долговых, терминах. При этом лишь смутно принимается в учет тот факт, что где-то на заднем плане существует физический инвентарь, и к тому же еще работает. Что от этой работы зависит вся общественная структура, и без нее вся долговая и финансовая структура развалится как карточный домик.

Создание Долга.

Как видим, индивидуальное богатство состоит, главным образом, в *долговых претензиях* – деньгах, банковских депозитах, облигациях, и т.д.; а вне этих форм оно выражается эквивалентными единицами стоимости. Последние теперь подразумевают то количество долговых претензий, какое посредством их может быть приобретено или разменяно на права, относящиеся к физическому имуществу.

Так как долговые претензии составляют претензии на права, относящиеся к физическому инвентарю, и имеют ту же ценность, что и действительное обладание этим инвентарем, то явственно возникает важность рассмотреть их происхождение.

Долг всегда символизирует обещание заплатить до какой-либо даты в будущем.

Следовательно, любой незавершенный бартер – то есть тот случай, когда продукты распределяются со знанием, что разменные продукты будут получены до какой-то будущей даты – создает появление долга.

Точно таким же образом, если корпорация выпускает облигации и эти облигации раскупаются за деньги, которые уже и составляют долговую претензию, то облигации представляют собой порождение нового долга. Из этого следует, что долг, в отличие от физического вещества, может происходить из пустоты («ниоткуда»). Другими словами, процесс выпуска облигаций не влечет никаких изменений в количестве физического оборудования (инвентаря), ни до, ни после. Такой же ряд умозаключений можно применить к ипотеке на недвижимое имущество, векселя и расписки.

Банковская система и Кредит.

До сих пор единым типом долга в Соединенных Штатах является банковский долг, и банки, соответственно, являются самыми огромными создателями долга. Существует множество недопониманий банковского механизма: от его популярного неправильного восприятия как простого хранилища для сбережения денег, до восприятия банка как учреждения, берущего деньги у вкладчиков, одалживающего их другим людям и получающего прибыли за счет более высокого показателя роста – разницы между одалживаемыми деньгами и получаемыми обратно. Все это, как исчерпывающе объясняет Эйч. Ди. Маклеод в своей «Theory of Banking and Credit», целиком и полностью ошибочно.

Основной механизм банковской системы заключается в следующем: Банкир – это человеческое существо или корпорация с grossбухом и хранилищем для сбережения денег и других долговых свидетельств. Вкладчик приносит ему деньги. Банкир принимает их, и вписывает в свой grossбух банковский кредит или депозит, согласно с желанием клиента, количественно равный деньгам, принесенным клиентом.

Этот кредит или депозит, внесенный в записи банкира, является утверждением долга банкира клиенту. Фактически это утверждение о том, что банкир обязан выплатить по требованию клиента или на конец определенного периода времени – в зависимости от того, какой это депозит, срочный или по требованию – количество денег, соответствующее полному количеству депозита. В противоположность общераспространенному мнению, *банковский депозит* символизирует не деньги, а долг, возникший между банкиром и клиентом.

Теперь предположим, что другой клиент звонит банкиру и приносит ему вместо денег вексель от надежной фирмы, который может быть уплачен через 6 месяцев. Допустим, что сумма векселя была 1 000 \$, а преобладающий процент на бумагу такого сорта – 5% в год. В таком

случае банкир *купит* вексель клиента, предварительно выведя или вычислив рост, который за 6 месяцев и при 5% в год, в данном случае вырастает до 25\$. Но за этот долг он денег не заплатит. Вместо этого он запишет в свою книгу кредит или депозит на сумму 975\$, в пользу клиента, при этом деньги не участвуют вообще.

Этот банковский депозит второго клиента ничем не отличается от депозита первого клиента, который принес в банк свои деньги. Каждый депозит представляет всего лишь право соответствующих клиентов требовать деньги от банка на сумму соответствующих депозитов.

Деньги в банке не принадлежат вкладчикам, а являются собственностью банка, с которой банкир может делать всё, что считает нужным, не выходя за рамки законодательных ограничений. Таким образом, наличные деньги банка всегда представляют часть активов банкира, так как это его собственность. Депозиты, с другой стороны, входят в число ответственности банкира, представляя его долг перед другими.

По опыту банкир знает, что при ординарных обстоятельствах лишь немногие из вкладчиков требуют наличных выплат через краткосрочный период, и это почти уравнивается другими клиентами, которые вносят наличность. До сих пор огромная доля платежей, производимых клиентами банка, осуществляется чеками. Если этот чек выписывается другому клиенту одного и того же банка, то он, как правило, возвращается по депозиту на счет последнего клиента. Это так же не требует денег, а только бухгалтерской процедуры переноса кредита со счета первого клиента на счет другого.

В том случае, когда получатель чека является клиентом другого банка, процедура лишь слегка сложнее, так как требует трансферта (переноса) кредита из первого банка во второй посредством «зачистки места».

Таким образом, банкиры заметили, что если клиенты внесут в банк 100 000\$, то банк сможет вписать в свои книги не только депозиты этих клиентов на сумму 100 000\$, но также и другие кредиты, или депозиты, на сумму около 1 000 000\$, или в десятикратном размере наличности, - за счет кредита, выдаваемого другим клиентам в обмен на долговые сертификаты, покупаемые банком у последних.

Таким образом, реальный бизнес банковской системы заключается, как видим, в купле и продаже долгов. Банкир покупает у своего клиента долг, и из этого, так сказать, воздуха, создает для данного клиента банковский депозит, который является другим долгом, или как констатирует в «Theory of Banking and Credit» Маклеод: «В настоящее время в этой стране кредит является самой гигантской разновидностью собственности, а торговля долгами, вне всякого сомнения – самой колоссальной ветвью коммерции. Субъект кредита является одной из самых расширенных и запутанных ветвей меркантильного закона.

«Мерканти», торгующие в долг, - а именно, банкиры – ныне являются правителями и регулировщиками коммерции; они почти управляют судьбами штатов. Как существуют лавки для работы с пищей, мебелью, одеждой и другими видами собственности, так существует и лавкоподобия, состоящие из гораздо более роскошных структур современного времени – созданных с явной целью торговли долгами; и эти лавки называются банками.

И, как имеются рынки зерна и рыбные рынки, а также множество других сортов рынков, точно так же существуют рынки для купли и продажи долгов, называемые Royal Exchange («Царский Размен»). Таким образом, банки – ни что иное как магазины долгов, а «Царский Размен» - это самый большой рынок долгов в Европе.»

Следовательно, когда депозиты данного банка во много раз больше наличности на руках, то бизнес этого банка растет. Но, если депозиты равны наличности, имеющейся на руках, то это значит, что банк не делает никакого бизнеса, и превратился только в деньгохранилище, пребывая в состоянии полной ликвидности – в том состоянии, к которому в настоящее время приближается большинство из наших крупнейших банков.

Составное Свойство Роста Долга.

Не только долг, как мы обнаружили, создан из чистого воздуха, но, по текущим правилам игры Ценовой Системы, также и другое свойство, описываемое термином «рост». Согласно этому свойству, от долга ожидается генерация других долгов, или увеличение на определенную от него часть за год. Эта годовая сумма прироста, выраженная как процент от начальной суммы, или *«принципал»*, называется *показателем роста*. Консервативный показатель роста на инвестиции ранее рассматривался взятым около 5% в год.

Рост Долга.

Как ожидается вследствие свойства спонтанной генерации долгов из пустоты, структура общего долга Ценовой Системы будет бесконечно стремиться к возрастанию. И это, как выясняется, действительно так.

В исследовании «Внутренние Долги Соединенных Штатов» (1933) под редакцией Эванса Кларка, показано, что в 1933 году долгосрочные, или фондовые долги Соединенных Штатов, достигали 134 миллиардов долларов. Краткосрочные долги в это же время составляли 104 миллиарда, при этом общий внутренний долг – 238 миллиардов долларов. Эти 134 миллиарда долларов, как выяснил Кларк, в целом переросли довоенную цифру, которая равнялась 38 миллиардам долларов, на 96 миллиардов: «Из этого возрастания 37 миллиардов появилось до послевоенной депрессии (1921-1922), 51 миллиард возник между 1921-22 гг. и 1929 гг., а 8 миллиардов долларов появилось при текущей депрессии. Другими словами, долгосрочные долги практически удвоились между 1913-14 и 1921-22; возросли еще примерно на 68 процентов между 1921-22 и 1929; и расширились еще на

6 процентов в последние 4 года, так, что вместо каждого 1.00\$ долга, который мы несли до войны, теперь мы имеем 3.53\$».

Теперь представляет особое значение рассмотреть то, что выведено из предыдущего урока.

Физическое расширение промышленности в период с Гражданской Войны до Мировой Войны имело прямой составной показатель «роста» около 7% в год. В этот же период структура долга развивалась с тем же показателем увеличения. С Мировой Войны, как мы уже видели, показатель физической экспансии понижался, и физическое производство последовательно спадало. Таким образом, в период до Мировой Войны было близкое соответствие между показателем роста структуры долга и физической промышленной структуры. С Мировой Войны, когда рост физической структуры спадал, структура долга, не подверженная законам физики и химии, продолжала расширяться. До сих пор общие кратко- и долгосрочные долги немного ниже всеобщего богатства, или монетарной стоимости физического оборудования. *С ходом времени это несоответствие между показателем роста физического оборудования и тем же показателем долга будет становиться не меньше, а всё больше.* Интересно будет посмотреть на его развитие.

References:

Wealth, Virtual Wealth, and Debt, Soddy (Chaps. 1-5).

The Internal Debts of the U. S., Clark.

ДЕНЕЖНЫЙ ПОТОК

Мы уже показали, что деньги, банковские депозиты и различные иные формы купчих бумаг все жанрово одинаковы, а именно – долг. В то время как в 1933 г общий долго- и краткосрочный долг Соединенных Штатов оценивался в 238 миллиардов долларов, только около 9 миллиардов из этих долларов представляло действительные деньги в форме золота, монет и различных металлов; валюты США и банкнот разных видов. В последующем мы будем использовать термин «деньги» для обозначения им всех циркулирующих средств, не важно, представляют они собой монеты, валюту, банковские чеки или иную форму купчих бумаг.

Для наших целей значительный момент, касающийся денег в широком смысле, заключается в том, что, несмотря на их свойство создаваться из ничего и сокращаться ни во что в манере, крайне не похожей на физические операции промышленного аппарата, они составляют *механизм контроля* над последним. Первый аспект денег, или долг, мы уже рассмотрели; остается рассмотреть манеру, в которой они работают как приспособление для контроля над промышленностью.

Денежный Поток.

Этот последний аспект можно увидеть очень просто, если рассмотреть способы, которыми произведенные товары от производственных процессов попадают в потребление. Все потребляемые товары имеют свой начальный исток в земле. Из земли вещество вынимается шахтами, сельским хозяйством или некими другими формами производства при некотором ином способе производства. С фабрики конечный продукт перемещается к оптовикам, затем к розничникам, и, наконец, к потребителю.

После потребления вещество, из которого состоят «употребленные» товары, частично возвращается обратно в землю в форме мусора, золы и других отходов продуктов; а в некоторых случаях оно «спасается» и возвращается на фабрику в качестве металлолома, макулатуры и ветоши, и используется повторно.

Механизм.

Рассмотрим, как эти конечные продукты приходят от розничника к потребителю. Именно тут на картине появляются деньги. Потребитель вручает розничнику, скажем, пять долларов и получает от него пару ботинок. Это иллюстрация процесса. В любом случае и при любой форме потребительских товаров и услуг потребитель дает деньги розничнику, и товары или услуги, доллар к доллару, переходят на службу к потребителю.

Если потребители расходуют в такой манере 1 миллиард долларов в неделю, то продукты и услуги стоимостью в 1 миллиард долларов перемещаются к потребителям, и если этот показатель сохраняется, то фабрики вынуждены производить товары с таким показателем, а промышленность испытывает бум. Если, с другой стороны, потребители расходуют только 100 миллионов долларов в неделю, или одну десятую от предыдущей суммы, считая цены в обоих случаях одинаковыми, то промышленное производство будет составлять только одну десятую того, что было раньше, а это сравнительно почти полное свертывание.

Этот простой механизм, подчиненный методу промышленного контроля Ценовой Системы, полностью определяет то, что должна делать промышленность. Если деньги свободно перетекают из рук потребителя в руки розничника, то в противоположном направлении свободно *текут* товары, и промышленность функционирует; если деньги едва сочатся из рук потребителя в руки розничника, то в противоположном направлении так же медленно текут товары, и промышленность сворачивается. Остается увидеть, что же определяет этот показатель монетарного *потока*.

Процесс.

Во-первых, рассмотрим, что же происходит с деньгами, после их попадания в руки розничника. Розничник должен выплатить своим помощникам, и на это уходит часть денег. Так же он обязан оплатить

свою аренду помещения, и часть уходит на это. Кроме того, он должен погасить счета за свет, телефон и сделать множество других самых разных выплат. Возможно, он взял деньги в банке или продал несколько облигаций, чтобы получить капитал, с помощью которого сможет вести свой бизнес, в случае чего часть того, что им получено, должна быть использована для выплаты кредита.

Наконец, он должен купить у оптовика товары, которыми заменит те, что продал, и большая часть денег, полученных им, уходит на это. Если, же после расчета по этим платежам, деньги еще остались, то они составляют выгоду, и идут в прибавку к его личному доходу. Это - если розничник индивидуал. А если розничник – корпорация, то эти выгоды могут быть выплачены в качестве дивидендов акционерам.

Точно такие же отношения, как описаны в случае с потребителем и розничником, существуют между розничником и оптовиком, и между оптовиком и производителем. В каждом из этих случаев товары движутся от оптовика к розничнику, тогда и только тогда, когда деньги в широком смысле, определенном нами, движутся от розничника к оптовику, а от оптовика к производителю. Как и розничник, оптовик вынужден оплачивать своим помощникам, своему хозяину, за свет, за телефон, по кредиту, и множество различных других вариантов выплат. Любая прибавка сверх этого может выплачиваться как доходы. Производитель должен делать то же самое, поскольку ему нужно оплатить все эти счета, а также приобрести сырье. Сырье, как ранее выводилось, изначально извлекается из земли, поэтому последний платеж из всей этой серии приходит за его продукт фермеру, или, как роялти, владельцам минеральных ресурсов.

Теперь рассмотрим этот процесс в целом. Товары движутся в одном направлении, от земли к потребителю и снова обратно в землю; деньги движутся от потребителя к розничнику, оптовику, производителю, и, наконец, к землевладельцу. Однако этот монетарный поток отводится на каждом отрезке его длины, и имеет обратную утечку в виде зарплат, ренты, роста, дохода и т.д., и становится доходом различных индивидуумов, которые сами являются потребителями.

К тому времени, как этот монетарный поток достигает крайнего землевладельца, стоящего последним в строке его физического тока, каждый цент, изначально полученный розничником, уже отписан таким образом. Так, если розничником от потребителя получен миллион долларов, то будет произведено и потреблено товаров стоимостью в один миллион, и этот же миллион долларов в форме зарплат и окладов, ренты, роста, выгод, роялти, и т.д. будет выплачен индивидуумам, которые являются потребителями, и соответственно увеличит их доходы на сумму в один миллион долларов. Так, продажа товаров стоимостью в один миллион в итоге дает потребителям один миллион долларов, на которые будут куплены товары стоимостью в другой миллион. То есть, при условии, что изначально не израсходовано никакого миллиона, все возвращается к исходной черте.

Сбережения.

Допустим, однако, что где-нибудь вдоль пути часть этих денег попадает в руки корпораций, и что эти корпорации делают выгоду, на том, что только часть из них выплачивают в качестве дивидендов, а остаток удерживают как сверхдоход. Если таким образом из одного миллиона долларов, уплаченного потребителем, 100 000 долларов будет удержана корпорацией как сверхдоход, то только 900 000 долларов вернется к потребителю. Вследствие этого во втором цикле потребитель сможет купить только девять десятых от суммы товаров, которую он покупал предыдущий раз. Соответственно и работа промышленности составит только девять десятых. Этот процесс продолжится тем, что промышленность будет сворачиваться на одну десятую своего предыдущего производства всякий раз, когда деньги совершают свой полный цикл, до тех пор, пока не будет полностью парализовано. Конечно, при этом предполагается, что деньги, сохраненные корпорациями, блокированы в хранилище или отложены про запас.

То же самое произойдет, если индивиды, думая о том, что им могут понадобиться деньги на болезнь или старость, вместо того, чтобы расходовать полученное, решат заблокировать часть из них и сберечь ее.

В том случае, если это сделано, товары окажутся не купленными, и промышленность не выполнит работу. Так, мы приходим к заключению, что, если цены остаются теми же, и, если либо корпорации, либо индивиды сберегают, отвлекая из обращения часть денег, получаемых ими, то конечный результат приводит промышленность к парализации.

Но следует рассмотреть факт существования других способов, кроме тезаврации в виде запаса, какими индивиды и корпорации могут производить сбережение.

Инвестирование.

Другой способ, которым корпорация имеет возможность сберегать без тезаврации, заключается в строительстве нового завода на те деньги, которые не были выплачены в виде дивидендов. Таким способом все деньги, в противном случае удерживаемые, возвращаются обратно через различные каналы зарплат, окладов и т.д., и корпорация владеет новым заводом. В точности подобным образом индивиды могут инвестировать свои сбережения в корпоративные акции, и этим помогать в строительстве новых заводов, или же помещать их в банковские сбережения, или же получать страхование жизни, в случае чего занимающиеся этим агентства инвестируют фонды в новое производственное оборудование.

Так, мы видим, что если сбережения, корпоративные или индивидуальные, реинвестируются в физическое оборудование, то они в итоге возвращаются и становятся покупательной способностью

индивидов. И в этом процессе производительная способность страны увеличивается.

То, что этот процесс бесконечен, можно понять, если учесть, что в последующем году новое оборудование начнет производить, а затем покупательная способность, которой до этого хватало лишь на покупку продуктов существующего завода, станет достаточной для покупки комбинированного выпуска старого плюс нового завода, если цены останутся теми же. Эта трудность может возникнуть только в том случае, если продолжать реинвестицию сбережений в новое оборудование (цены при этом не снижены): так как выплаченных потребителям за счет строительства нового завода денег, всякий раз достаточно, для того чтобы создать дефицит в потребительской способности, вызываемый из-за отвлечения денег в индивидуальные и корпоративные сбережения.

Результаты Процесса.

Как можно заметить, все это связано с типом составного роста. При рисках, существующих в Ценовой Системе, императивом являются сбережения индивидумов и корпораций. Сберегая путем тезаврации (отвлечения средств из оборота), они вызывают сворачивание производства существующего завода; сберегая путем построения новых заводов, они вызывают процесс, который будет функционален, только если завод начнет быстро и на большой скорости развиваться. То, что последняя политика невозможна, далее покажут простые физические соображения. *Как выявлено ранее, ни один физический процесс не может развиваться с составным показателем роста более чем в течение ограниченного периода времени.*

Ограниченность наших природных ресурсов с одной стороны, и наших физических возможностей с другой, вкупе способствуют этому.

References :

Theory of Business Enterprise,
Veblen. *Profits, Foster and Catchings*
(Out of print).

ПОЧЕМУ НЕ СОХРАНЯЕТСЯ ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ

Мы уже наблюдали, каким образом, при Ценовой Системе, показатель потока денег, идущего от потребителя к розничнику и услугам, функционирует в качестве механизма контроля над промышленностью. При этом обнаружилось, что, если позволить индивидумам и корпорациям делать сбережения, то необходимая покупательная мощность – способность покупать существующие продукты индустрии – может сохраниться лишь при условии, что деньги выплачиваются снова потребителю, через строительство новых заводов или других

капитальных товаров, с показателем, равным тому, при котором деньги изымаются из покупательной мощности индивидуальными или корпоративными сбережениями.

Неизбежная Поворотная Точка.

При первой мысли, вытекающей из этого простого рассмотрения, приходит на ум то, что наше физическое производство будет развиваться неопределенное время, до тех пор, пока не заблокируется либо физическими пределами способности производить, либо пресыщением нашей способности потреблять. Остается фактом то, что поворотная точка на кривой нашего промышленного роста имела место около 1915 г., и с того времени, как можно судить по всему, промышленное производство пошло на спад. Этот спад случился не из-за неспособности увеличивать производство, что видно, если учесть тот факт, что в 1929 г, в год самого пика физического производства за всю историю, не многое из нашего производственного оборудования работало с *фактором нагрузки*, большим 33 1/3 процента.

То, что подразумевается под фактором нагрузки, составляет отношение, когда действительное производство делится на объем производства при постоянной 24-часовой нагрузочной работе.

Среди наиболее непрерывно работающих частей нашего промышленного оборудования находятся система электрического питания и телефонная система.

Фактор нагрузки на электросистему во всех, кроме особых, отраслях редко превышает 40 процентов от ее производительной способности. Фактор нагрузки на телефоны гораздо ниже. Большинство другого нашего промышленного оборудования в 1929 г. работало только одну или две смены в день в течение ограниченного числа дней в году.

Сейчас стало традиционным при обсуждении нынешних показателей работы промышленности сравнивать их с показателем 1929 года, и ссылаться на последний, как на нашу «промышленную способность». Рассмотрение факторов нагрузки показывает вполне исчерпывающе, что это далеко от истины, не принимая во внимание «Brookings Institution» и других апологетов нашего status quo.

Попытки Сохранить Производство.

Нарастающая нехватка покупательной мощности, направленной на покупку нашей потенциальной продукции, вызывается другими сопутствующими факторами. Во время Мировой Войны мы впервые обнаружили, что играем значительную роль в мировой торговле. Это повлекло за собой механизм займов иностранным государствам, которые позволяли им покупать нашу сверхпродукцию. Причем это не требовало от нас ответного приобретения соответствующего количества их товаров. Из-за того факта, что наша внутренняя покупательная мощность после войны была недостаточна для того,

чтобы покупать товары с тем же показателем, с которым мы могли их производить, мы пытались продлить этот метод сбыта лишних товаров, продолжая дальнейшие иностранные ссуды и не давая нашим людям покупать за рубежом, выстроив такой высокий тарифный барьер, что импорт иностранных товаров стал практически невозможен.

Те факты, что эти займы никогда не будут выплачены, но поддерживают при этом «благоприятный баланс в торговле», и то, что это приводит нашу страну к явным физическим потерям, конечно же, хорошо известны. Однако такая практика не просто не согласуется с канонами «хорошего бизнеса»; она диктуется целесообразными нуждами самого бизнеса.

Значительный аспект этого лежит в том, что способность Америки производить в течение всего этого периода превосходила способность американской публики покупать. Поэтому объем сверхпродукции поддерживался за счет того, что за границу делался очередной взнос.

Согласно м-ру Джорджу У. Пику, по его отчету на 23 мая 1934 г. Президенту, чистый прирост задолженности нам со стороны иностранных государств на период с июля 1914 г. по июль 1922 г. составлял 19 305 000 000\$. За период с июля 1923 по июль 1929 этот долг возрос еще на 2 572 000 000\$.

Поскольку американская производительная способность все еще превосходила способность ее же публики покупать, плюс продажа за границу очередного взноса, то дальнейшее увеличение производства было достигнуто механизмом продажи очередного взноса у себя дома. В этом процессе долг, выстроенный на очередном взносе, купленном за период с 1924 по 1929 г., достиг 9 000 000 000\$, или примерно 2 000 000 000\$ чистого годового прироста.

Значение этого заключается в том, что действующая покупательная мощность, действительно использовавшаяся для приобретения товаров и услуг, а, следовательно, для поддержания работоспособности промышленности, падала всё ниже и ниже способности производить.

Следовательно, показатель работы в действительности поддерживался через механизм продажи за границу товаров на 22 миллиарда долларов стоимости, свыше той, что могла быть уплачена. Одновременно дома в более позднюю часть этого периода продавалось, по меньшей мере, товаров на 9 миллиардов долларов стоимости, превышающей текущую покупательную мощность.

Финансовая Структура.

Вопрос, к которому все это нас подводит: Почему действующей покупательной мощности было недостаточно? Почему она не шла в ногу с производительной способностью? Если сбережения используются для строительства новых заводов, разве они не превращаются в зарплаты и оклады рабочих, и, следовательно, снова

возвращаются в действующую покупательную способность? Это было верно век тому назад, во времена тяжелых денег; сегодня же деньги больше не соответствуют этой простой картине. Общее количество денег, существовавшее в Соединенных Штатах в 1931 г., составляло лишь около 5 миллиардов долларов. Количество денег, представленных золотым запасом, металлическими монетами, банкнотами и валютой Соединенных Штатов в целом лишь немного превышало 9 миллиардов долларов. Рассматривая то, что общие кратко- и долгосрочные долги, включая деньги, в 1933 г. достигли 238 миллиардов долларов, сразу же становится очевидным, как сравнительно невелико количество существующих действительных наличных денег на этой картине.

Процесс Инвестирования.

Простой факт: когда индивиды и корпорации сберегают путем реинвестиций, то эти сбережения, как наивно полагается, не расходуются, кроме небольшой части при последующем строительстве завода. Большая часть всех инвестиций в этой стране с 1900 г. перешла чисто на бумагу, без всякого сопоставления расширения завода с количеством инвестированных денег.

Выявить это поможет история почти любой крупной американской корпорации. Большая часть американских промышленных заведений, позднее достигших национального значения, начинала с малого, под собственностью индивидумов или партнерств; или же, - как это было с некоторыми железными дорогами на ранних этапах, - как акционерные компании, доленое участие в которых продавалось непосредственно публике и не фигурировало в списках Фондовой Биржи. Доходы снова пускались в дело, и предприятие развивалось на собственных сбережениях. Долги были небольшие, если были вообще. Обычно в форме краткосрочных займов у банков. За исключением акционерных компаний, собственность, как правило, сохранялась за одной семьей или небольшим числом партнеров.

На этих формирующих стадиях в практику спекуляции ценными бумагами вдавались редко, а деньги, получаемые от продаж ценных бумаг, практически все использовались для расширения предприятия.

В этих случаях обычная история, что после того, как находящиеся под вопросом предприятия прочно утверждались, к ним появлялся интерес у банкиров и «толкачей». Посредством их служб вызывались реорганизации или слияния. Заинтересованным в реорганизациях бывшим владельцам и банкирским группам выпускались облигации и привилегированные акции, как правило, в количествах, сильно превосходящих начальное вложение капитала. Помимо этого выпускались простые акции, обычно, в количестве равном облигациям и привилегированным акциям. Однако эти общие акции выставлялись корпорацией на рынок в основном в целях поднятия дополнительных капитальных фондов. Эти последние, однако, раздавались в форме надбавок (бонусов) банкирам, «толкачам» и другим заинтересованным

входящим лицам, или же выпускались как дивиденды по акциям, без всякого монетарного соображения, то есть, без добавки в предприятие.

Данные акции в свою очередь попадали на Фондовую Биржу через этих заинтересованных входящих, и, в конце концов, покупались американской инвестирующей публикой. Следует отметить, что сборы от таких продаж общих акций попадали к «входящим» лицам, а не в корпорации или в новое предприятие.

Подобные же бумажные манипуляции с облигациями и ипотеками (или иначе, закладными) выполнялись через механизм холдинговых компаний.

В этой манере бумага оперирующей компании используется как «ценная бумага» для выпуска другой бумаги, скажем, холдинговой компании, а эта в свою очередь реипотецируется (т.е. снова превращается в залог). Это происходит до тех пор пока не будет выпущено несколько поколений акций и облигаций, проданных ничего не подозревающей инвестирующей публике. И никакой банковской системы при этом не участвует, кроме как самого исходного неадекватного предприятия, которым и были выпущены первые акции и облигации.

Во многих случаях подобные облигации продолжают еще долго существовать, в то время как «инвентарь», обеспечивающий их стоимость, давно исчез с лица земли.

Принимая во внимание, что такие манипуляции являются принятыми методами финансирования, становится очевидным, почему реинвестируемые в промышленность деньги появляются в количестве, недостаточном для того, чтобы обеспечить дальнейшую покупательную мощность.

Если оказывается, что новое предприятие строится при достаточном показателе, покрывающем дефицит покупательной мощности (то, что у нас именуемой «покупательной способностью»), то всё отлично, но не видно никакой обязательной причины, по которой это должно соблюдаться. Большая доля сбережений, как индивидуальных, так и корпоративных, реинвестируется. Инвестирование, как мы видим, состоит, как правило, в купле клочков бумаги, с ярлыками акций и облигаций. Если бы деньги, израсходованные на эти клочки бумаги, использовались для строительства нового предприятия, то эти деньги, как мы уже показали, большей частью были бы выплачены рабочим, и таким образом превратились бы в эффективную покупательную мощность. Но если, однако, купленная ценность представляет собой, как в обычном случае, всего лишь бумагу, распространяемую «входящими» в уже существующее предприятие лицами, то это не усилит производящее предприятие, но при этом повлечет небольшие доходы. Таким образом, она, вместо своей исходной миссии, превратится в средство создания долга, которое находится в руках у

банкиров и «толкачей». А его росты, или дивиденды, пойдут на увеличение небольшого числа индивидуальных доходов, которые, в большинстве случаев, уже и так ошеломляющи.

Доход.

Чистый результат от такого рода процедуры заключается в создании все возрастающего диспаритета (неравенства) при распределении национального дохода. Этот диспаритет отлично выявлен отчетом Брукингз Инститьюшн об «Американской Потребительной Мощности», опубликованным в 1934 году. Согласно этому отчету, в 1929 г. в Соединенных Штатах было 27 474 000 семей, получающих совместный доход в 77 116 000 000\$. Их них 24 000 000 семей, или 87 процентов от общего числа, получало доход менее 4 000\$ в год, что составляло лишь 51 процент от общего дохода.

Согласно этому отчету:

«Около 6 миллионов семей, или более 21 процента от общего числа, имело доходы менее 1 000\$.

«Только немногим более 12 миллионов семей, или 42 процента, имело доходы менее 1 500\$.

«Около 20 миллионов семей, или 71 процент, имело доходы менее 2 500\$.

«Только немногим более 2 миллионов семей, или 8 процентов, имело доходы, превышающие 5 000\$.

«Около 600 000 семей, или 2,3 процента, имело доходы свыше 10 000\$.

И далее:

«11 653 000 семей с доходами менее 15 000\$ получало в целом около 10 миллиардов долларов. На другом краю 36 000 семей, имеющих доходы, превышающие 75 000\$, обладало суммарным доходом в 9,8 миллиардов долларов.

Таким образом, выясняется, что 0,1 процент семей, находящихся на самом верху, получает практически столько же, сколько 42 процента семей, находящихся в нижней части шкалы».

Эти факты ясно показывают, что большое число семей получает доходы, гораздо ниже своей физической способности потреблять, в то время как огромная часть доходов достается лишь горстке людей, причем в количестве, сильно превосходящем их способность к потреблению. Имея в виду, что потребление является физической функцией, и есть определенные физические пределы тому, как много пищи, одежды и т.д. может быть потреблено одним индивидом, из этого вытекает, что большая часть потребления должна бы производиться, исходя из разницы в числах, именно этими людьми с малыми доходами. Небольшое число людей с большими доходами может приниматься в расчет только как малая фракция от общего физического потребления. Верно, что они строят роскошные дома в пригородах, приобретают редкие, а потому дорогие художества, и поддерживают в разных формах сомнительное потребление. Но остается фактом, что количество угля, бензина, пищи, одежды и т.д., действительно потребленной семьей с миллионом долларов годового дохода, никак не сравнивается с величиной этого дохода. Верно и то,

что такие семьи могут нанимать целый комитет слуг, но нельзя терять из виду тот факт, что деньги, выплачиваемые этим слугам, составляют *их* доход, и что потребление, за которое они ответственны, не может быть кредитовано семьей миллионера, которая их нанимает. Из-за невозможности израсходовать даже при сомнительном потреблении общую сумму этого огромного дохода, из этого вытекает, что именно в них, вероятнее всего, находится источник самых немалых сбережений.

Эта презумпция вновь подтверждается Отчетом Бруклингз Инститьюшн, согласно которому совместные сбережения семей в 1929 г. достигли 15 139 000 000\$. Из них 34 процента происходило от 24 000 доходов свыше 100 000\$; а 67 процентов этих совместных сбережений происходило от 631 000 семей с доходом свыше 10 000\$ в год.

Другими словами, большая часть потребления осуществляется людьми, имеющими менее 10 000\$ годового дохода; большая же часть сбережений – теми, чьи доходы свыше 10 000 \$ в год.

Что самое значительное во всем этом, это то, что промышленность, как ранее упоминалось, переключается на скорость того показателя, с которым люди тратят деньги на потребительские товары. И теперь становится очевидным, что почти все те деньги, которые тратятся на потребительские товары, зачисляются за счет тех людей, чьи доходы гораздо ниже их физической способности к потреблению. Эти небольшие доходы в свою очередь почти целиком и полностью берутся из зарплат и окладов, или от сельского хозяйства. Зарплаты и оклады, выплачиваемые промышленностью, определяются на основе стоимости, при которой люди соревнуются с машинами.

Выгоды, Технология и Покупательная Сила.

Индивидуальный бизнесмен занимается бизнесом с целью «делания денег». Если отдельный бизнес будет, скажем, к примеру, работой фабрики, то он обнаружит, что имеется два основных способа, с помощью которых его выгоды могут возрасти. При постоянных других вещах, он обнаружит, что общие выгоды могут быть получены путем увеличения продаж, а, следовательно, и производства товара.

Другой способ, которым могут быть увеличены выгоды, - это понижение себестоимости продукции. Простой физический факт заключается в том, что человек при всем старании может сделать только работу с показателем около одной десятой лошадиной силы (одна десятая л.с. равняется одной тринадцатой кВ.)

Человеческое существо, при своих самых низких показателях на потогонной фабрике, не может получать оплату ниже, чем 25 центов в час. Механическая же сила, с другой стороны, производится с показателем 1 киловатт-час на полтора фунта угля, и может продаваться в розницу при промышленном показателе около 1 цента за кВ-Ч. Таким образом, нетрудно заметить, что, в то время как человеко-часы продаются по 25 центов или более за каждый, то одновременно

киловатт-часы можно купить по 1 или несколько центов за каждый. И, как далее выясняется, киловатт-час делает в 13-100 раз больше работы, чем человеко-час; и делает это быстрее и лучше; и без всяких сопровождающих труд неприятностей. Таким образом, вполне очевидно, что у человеко-часа остается очень мало шансов на выживание. Так, одним из самых эффективных способов снизить себестоимость является замена человеко-часов киловатт-часами.

Далее видно, что почти весь контролирующий механизм промышленного производства заключается в показателе расходования небольших зарплат и окладов. Если сумма мелких зарплат и окладов на данный год составляет 50 миллиардов долларов, то промышленное производство на этот год будет чуть выше 50 миллиардов долларов, поскольку мелкие зарплаты и оклады почти полностью расходуются на товары и услуги. Большие же доходы приходятся на столь низкий процент от общего населения, что составляют сравнительно неважную фракцию общего потребления.

Поскольку одно из фундаментальных правил Ценовой Системы состоит в том, что индивидuum может существовать только посредством приобретения покупательной силы, то из этого следует, что,- при единственном способе ее приобретения, открытом для большинства в виде трудоустройства или занятости,- кто не работает, тот и не ест. *Выражаясь собирательно, заработные платы и оклады прямо пропорциональны общим человеко-часам, необходимым для действия социальной системы. Занятость, как нам видится, повсеместно зависит от количества производства и от человеко-часов, затраченных на единицу продукции. Этот процесс, как мы уже видели, является таким процессом, в котором производство сокращается, а человеко-часы, затрачиваемые на произведенную единицу, постепенно уменьшаются.*

На ранних стадиях такого процесса, производство, пока еще возрастая, падает все ниже и ниже способности предприятия производить, поскольку зарплаты и оклады составляют уменьшающуюся фракцию от розничной цены произведенных товаров. Это сокращение производства на уровень, ниже способности существующего предприятия, стремится разубедить в строительстве нового завода. Если бы, например, способность существующей обувной фабрики составляла 900 миллионов пар туфель в год, то, когда публика раскупает туфли с показателем 400 миллион пар в год, это приводит к сокращению показателя постройки новых обувных фабрик. То же самое верно для любой другой отрасли производственной индустрии. Поскольку огромная часть заработных плат и окладов возникает из-за строительства нового предприятия, то это сокращение капитальной промышленности приводит к дальнейшему снижению заработных плат и окладов, и ведет к соответствующему снижению покупаемости, а, следовательно, и производства потребительских товаров.

Однажды установленный, этот спад само-разгоняется по наклонной, до тех пор, пока не столкнется с противодействием, которое более или менее инородно для промышленного процесса как такового.

Новая Промышленность.

Одним, из тех факторов, которые, как предполагается, способны противодействовать тому процессу, который мы только что описали, является рост новой промышленности. Давайте рассмотрим такой случай. Конкретно, что мы хотим узнать это: если нынешняя промышленность не обеспечивает достаточной покупательной мощности, чтобы позволить публике покупать ее продукцию, работая в то же время со всей мощностью, то улучшит или же ухудшит ситуацию новая промышленность?

Предположим, что строится предприятие, выпускающее совершенно новый продукт. Допустим, что оно стоит 1 000 000\$. Большая часть из этого 1 000 000\$ пойдет на заработные платы и оклады людей, строящих его, и этим увеличится покупательная мощность, с которой будут приобретаться продукты существующего предприятия. Теперь, допустим, что новое предприятие начало работу, и пусть розничная стоимость этих продуктов будет 10 000 000\$ в год.

Допустим, что только 4 000 000\$ в год из них расходуется на заработные платы и небольшие оклады. Тогда будет иметься ситуация, где к тем продуктам, что ожидалось быть раскупленными публикой, добавятся новые продукты стоимостью в 10 000 000\$. Но потребляющей публике – которая получает заработные платы и мелкие оклады – на покупку продуктов было выдано только 4 000 000\$. Другие 6 000 000\$, если весь продукт продан, пойдут небольшому числу людей, стоящему в больших скобках дохода. Если производство должно быть сбалансировано, то это небольшое число людей обязано потребить продуктов на стоимость 6 000 000\$. В наблюдаемом факте они этого не будут делать, да и не смогут. Если, тем не менее, удастся избавиться от всей продукции, то часть денег для ее покупки должна быть привлечена из уже испытывающих дефицит покупательной способности старых отраслей промышленности.

Этот сорт отношений не был истин в ранние дни промышленности, так как в то время занятость повышалась параллельно с повышением производства, и мелкие доходы составляли большую часть стоимости продукции. Это давало публике возможность раскупать произведенные товары и пожинало покупательную мощность, которая развивалась параллельно с развитием производительной мощности. Те же технологические факторы, которые позволили нам производить больше товаров с меньшим участием человека, одновременно сделали невозможным продавать товары, после того как они произведены. В более ранние дни новая индустрия вызвала дефицит в покупательной силе на текущую продукцию. И, если тогда мы могли предвкушать впереди промышленный рост с соответствующим процветанием; то сегодня мы впереди не видим ничего.

Создание Долгов.

Мы уже упоминали, что это нарастающее неравенство между действующей покупательной мощностью и способностью предприятия вначале ведет к понижению показателя прироста производства, а затем к абсолютному пику, за которым следует спад производства.

Из этого следует, что единственный путь, с помощью которого этот разворот событий может быть временно приостановлен, пролегает через *создание долга*. Когда у публики нет необходимой покупательной способности, у нас выдают ей фиктивную покупательную способность, реализуемую посредством механизма приобретения очередного взноса (кредита).

Также у нас находят, что подобным приспособлением, примененным к зарубежью, мы сможем продвинуть иностранную торговлю и сплавить свои товары, а взамен получить долги. Также, через механизм спекуляции «ценными» бумагами и другие формы бумажных манипуляций мы размножаем своих миллионеров. В свою очередь они позволяют небольшой части своих доходов впрыскиваться обратно в рынок, и делают это посредством слуг или других форм завидной жизни.

Простые размышления покажут, что долговой процесс балансирования нашей национальной экономики не способен продолжаться долго, ибо фундаментальное свойство долга, на достоверности которого покоятся все наши финансовые учреждения – банки, страховые компании, заведения по обеспечению и т.д. – заключается в том, что от долговой структуры ожидается экспансия с составным показателем годового прироста. Чтобы добиться 5 процентов годового показателя экспансии в нашей долговой структуре, и как-то связать ее любым фиксированным отношением с физическим производством, или, другими словами, поддержать постоянный уровень цен в течение данного времени, потребовалось бы, чтобы с соответствующим показателем развивалась индустрия.

Как мы видели, в период с Гражданской Войны по Мировую Войну американская промышленность расширялась с таким показателем, что продукция удваивалась каждые 12 лет – показатель прироста в 7 процентов годовых. Во время этого периода показатель монетарного «роста» оставался приблизительно стационарным, около 7 процентов в год, и наши финансовые учреждения были «надежны». С декады Мировой Войны промышленное производство спадало, и показатель ее роста снижался. В такой ситуации долговая структура может осуществить одно из двух (или сочетание обоих): (1) Показатель «роста» должен быть сохранен постоянным, в случае чего долговая структура станет расширяться быстрее, чем промышленное производство, и соотношение между долгом и физическими товарами постепенно повысится. Это чисто бумажная инфляция и она приведет к соответствующему росту уровня цен или к постепенному уменьшению

количества физических товаров, которые могут быть куплены каждый год от возврата каждого инвестированного доллара, что является, на деле, снижением показателя «роста». (2) Уровень цен может остаться стационарным. В этом случае инфляция прекращается, так как показатель увеличения долговой структуры должен будет удерживаться приблизительно равным средневековому показателю роста производства. Это приведет прямо к спаду номинального показателя «роста».

Эти дедукции, касающиеся падения показателя «роста», который может сопровождать спад в показателе промышленного расширения, обильно подтвердились событиями, последовавшими за 1920 годом.

В течение этого времени средний вековой показатель промышленного роста постепенно понижался. Сопровождающий его показатель «роста» в этот период также постоянно снижался, пока в настоящее время показатели «роста» не стали самыми низкими за последние сто лет.

Поскольку нет оснований ожидать большего, чем временных периодов будущего промышленного развития, то нет оснований и ожидать чего-то другого, кроме временных отмен этого понижающего отклонения ростового показателя. Все еще приближающийся к нулю ростовой показатель полностью подрывает наш комплекс финансовых учреждений, так как они зависят в своем существовании от конечного показателя роста.

Вся эта серия событий, которая более или менее обсуждена нами гипотетически, является тем, что на самом деле происходило в Соединенных Штатах с Мировой Войны. С Мировой Войны до краха на рынке акций в 1929 г, дефицит покупательной мощности, необходимой для поддержания увеличивающегося промышленного производства, возник по большей мере посредством механизма расширения частного долга, как в стране, так и за рубежом. После краха на рынке акций, с появившейся в результате армией из 15-17 миллионов безработных, и промышленным производством на уровне приблизительно 50 процентов от уровня 1929 г, для сохранения Ценовой Системы становится необходимым, чтобы *правительство приняло на себя функцию создания долга*.

Это сопровождалось тем, что Федеральное Правительство позаимствовало около 4 миллиардов долларов в год сверх своего текущего дохода, и жертвовало их, то с одной претензией, то с другой, публике, чтобы частично установить дефицит, проистекающий от так называемой нормальной деловой активности. Точно таким же образом, хотя, возможно, чуть меньше, расширение долга проводилось правительствами штатов и местными правлениями, многие из которых в настоящее время находятся в опасной близости к банкротству. В то же время банки, принадлежащие Федеральной Резервной Системе, репортировали в газетах, что, якобы, имеют самый высокий в истории

избыток, а само Правительство Соединенных Штатов стало, якобы, выгоднейшим полем для инвестирования.

Так Америка оказалась в своем нынешнем положении. Частное корпоративное предприятие практически перестало выполнять прерогативу создания долга и добровольно сдало эту прерогативу Федеральному Правительству Соединенных Штатов. Степень этого такова, что Федеральное Правительство в настоящее время стало практически единоличным создателем долговых претензий в больших объемах. Единая цель в этом – поддержать долговую структуру этой Ценовой Системы созданием дальнейшего Федерального долга на благо большинства держателей долговых претензий, главным образом, частного предприятия. Или, как умело заметил Говард Скотт, «Когда американские бизнесмены находят более невыгодным заниматься дальнейшим созданием долга, то это всего лишь справедливо и согласно с тем, что их правительство должно это делать вместо них».

Несмотря на все эти «заправки насоса» в виде правительственных расходов, промышленное производство все еще лишь слегка выше самой нижней точки, достигнутой с 1929 г. Безработица по разным оценкам составляет от 10 до 12 миллионов, цифры пособий быстро подрастают. Согласно администратору по пособиям Хопкинсу, сейчас 19 500 000 человек находится на одном лишь Федеральном пособии. Если играть в игру по правилам Ценовой Системы, то в будущем нет перспективы как-то исправить ситуацию, кроме как вместо улучшения, сделать ее хуже. И все это посреди потенциального изобилия!

References :

America's Capacity to Consume, Leven, Moulton and Warburton. *Security Speculation*, Flynn.
Theory of Business Enterprise, Veblen.
The Engineers and the Price System, Veblen
Statistical Abstract of the U. S.
The Economic Consequences of Power Production, Henderson. *History of Great American Fortunes*, Myer.
Robber Barons, Josephson.
Arms and the Man (Reprint from *Fortune*).

Пропаганда.

Среди самых мощных устройств социального контроля в настоящее время находятся радио и пресса. То, насколько сильна была пресса в прошедшем и настоящем, можно увидеть, обзревая пропаганду, которой нас кормили в прошедшую Мировую Войну. В начале Мировой Войны мы были нацией, находящейся в мире со всем миром, и большее число американцев почти не имело понятия о существовании Европы. Наконец, Палата Моргана опасно перегрузилась долгами Союзников, кроме того, последовало вовлечение большого числа американских бизнесменов. Затем, всего за несколько недель до объявления нами войны, наш посол в Англии, Пейдж, телеграфировал президенту Уилсону, что, в целях сохранения превосходства в мировой торговле и спасения Моргана, Соединенным Штатам не помешало бы вступить в

войну на стороне союзников. Мы вступили, и в свете этого наше вступление в Мировую Войну, «чтобы обезопасить мир для демократии», и последующие события представляют крайний интерес.

В целом американская публика знала немного и интересовалась еще меньше положением дел в Европе, и менее всего у нее было ненависти к немцам или любви к французам. Вследствие этого, чтобы война велась успешно, такую любовь или ненависть нужно было создать синтетическим путем. Наилучших лгунов и мастеров шумихи, каких только можно было найти, погрузили в работу по шлифовке лжи о зверствах Гансов и распространению ее с лекционных подмостков и из прессы среди американской публики. Результаты были, что надо: Америка вступила в войну, были сделаны большие доходы, а легковверная публика съела эту наживку.

Те же устройства, какие были использованы тогда в отношении войны, впоследствии использовались в отношении политических и экономических материй. Большинство главных газет и журналов с широкой циркуляцией, такие как «*Saturday Evening Post*» являются главным образом органами пропаганды во благо лелеемых интересов бизнеса. Одновременно с достаточной безличностью контроля, он не менее позитивен, так как все эти газеты очень сильно зависят от добровольных интересов бизнеса, направленных на рекламу, что составляет существенную часть их финансовой программы. Если ими печатается «правильный материал», то они получают рекламу и процветание; если это не так, то у них остается отличный шанс вылететь из бизнеса.

Очень интересный пример такого контроля над журналом проявляется в случае «*The American Mercury*». «*Mercury*» принял на себя воинствующую редакционную политику и открыл огонь с весьма значительной статьи о деятельности Американского Красного Креста, показав в итоге, что последний стал практически полностью инструментом финансовых интересов, и был втянут в предприятия с высоко сомнительной оценкой. Последовали статьи с подобной же точкой зрения. Почти незамедлительно банкиры Альфреда Кнопфа, издателя, оказали давление, и «*The American Mercury*» был быстро продан, перейдя далее под новую и, без сомнения, менее воинственную редакцию.

Такие примеры, как выше показанный, относящиеся к каждой сферы действия Ценовой Системы, можно приводить почти бесконечно. При Ценовой Системе, даже в наилучшем ее состоянии, нет ни одного поля изысканий, где возможно преобладание наивысших технических стандартов. Другими словами, нищета, расходование, преступления, нездоровое общество, плохие условия жизни, принудительный дефицит и низкий фактор нагрузки – всё это прямые и неизбежные следствия Ценовой Системы. Сделаем, однако, ударение на том, что хотя определенные индивиды и могут являться в чем-то гораздо большими обидчиками, чем другие, винить следует не индивидов. При той

системе, которая существует, если некто обязан занять политический пост, то он почти без всякого исключения найдет необходимым заниматься обычной политической практикой. Если некто должен стать успешным бизнесменом, то он будет заниматься этим только потому, что будет вовлечен в то, что характеризует практику успешных бизнесменов. *Фундаментальный закон выживания при Ценовой Системе заключается в том, что каждый вынужден создавать долговые претензии к другим быстрее, чем долговые претензии создаются против него, или иначе он не сможет остаться в бизнесе.*

Итог

То, что мы пытались прояснить, заключается в том факте, что сама Ценовая Система, а не индивидуальное человеческое существо, содержит дефект. Отдавая должное этой системе, человеческое существо обязано действовать в согласие с ее диктатом, с теми довольно обидными результатами, которые мы перечислили выше. В итоге, если оставить нетронутыми причины болезни, нельзя применить никакого врачевания симптомов. Никогда преступность не будет упразднена ни принудительными мерами чиновников, чья деятельность только едва-едва, если вообще не, заслуживает определения менее общественно-неприемлемой (чем та, которую выискивают для подавления); ни моралистическими оградками и внедрением доктрин «братской любви». Это невозможно до тех пор, пока продолжается устойчивая выдача вознаграждений тем, кто удачно «жульничает» в обществе. Общественно-неприемлемые виды деятельности возникают как следствие данного вознаграждения; убрать вознаграждение, и эти виды деятельности автоматически исчезнут. Сама Ценовая Система – правила, по которым ведется игра, - а не индивидуальный человек, содержит этот дефект.

References:

The Engineers and the Price System,
Veblen. Arms and the Man (Reprint
from Fortune).

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИВОТНОГО

В Уроках с 1 по 14 наше изыскание пыталось представить фундаментальные моменты научной основы того явления, которое составляет наш комплекс социальной деятельности. В Уроках с 15 по 19 мы проанализировали существующие общественные традиции, составляющие форму контроля нашей Ценовой Системы. Мы показали, что с одной стороны нет физических барьеров, кроме самих людей, для достижения на этом Континенте среднего физического стандарта жизни, который был бы самым высоким из всех, когда-либо известных, - и многократно превышающим стандарт 1929 года.

Подобным же образом мы показали, что наша социальная деятельность контролируется существующими социальными традициями, получившими у нас термин «правила игры Ценовой Системы». Эти традиции быстро приводят нас в тупик. Поскольку, по большому счету, они приобретены на стадии сравнительно примитивного технологического развития, которая характеризовалась в целом низкоэнергетическими показателями операций и дефицитом. При наличии технологического механизма, с помощью которого реализуются высокоэнергетические операции, - впервые в истории человечества – обладающие потенциалами изобилия, правилами принудительного дефицита, диктуемые Ценовой Системой, как обнаружилось, более неприемлемы.

Поскольку ныне мы обязаны иметь дело с человеческими существами и их обычаями, ясно, что прежде, чем продолжать далее, мы несколько глубже исследуем здесь природу этого человеческого животного.

Нет, вероятно, другого такого поля научного исследования, где бы встречалось большее сопротивление, чем в тех доменах, которые находятся под влиянием предрассудков, которые люди создали о себе самих. История науки омрачена сожжениями на колу, преследованиями за ересь, тюремным заключением ученых, чьи работы противоречили, или, иначе, бросали тень сомнения, на популярные предрассудки.

Солнечная Система.

До времени Коперника Вселенная рассматривалась обитателями Западной Европы как состоящей из Земли, расположенной в центре, с вращающимися вокруг нее Солнцем, Луной и звездами. Ужасный фурор был создан дерзким предположением Коперника о том, что вещи станут гораздо проще, если рассматривать солнце зафиксированным в центре солнечной системы, а Землю и другие планеты вращающимися вокруг по своим круговым орбитам. Прежняя система мысли, в которой в центре стояла Земля, известна как *геоцентрическая* система; последняя, выдвинутая Коперником, известна как *гелиоцентрическая* система.

Теперь нам все это представляется вполне разумным, и любой может задать вопрос, а с чего начался весь сыр-бор. Какая вообще разница, когда кто-то считает, что земля вращается вокруг солнца, или же он считает, что солнце вращается вокруг земли?

То, что в этом была определенная разница, доказывается тем фактом, что хотя Коперник и избежал неприятности, успев умереть ранее выхода в свет своей известной книги, но его яркий последователь, Галилей, был посажен в тюрьму за ее защиту. Его здоровье было сломлено настолько, что в результате он умер.

Если в суть этого немного углубиться, то причина станет вполне очевидной. Согласно превалирующим предрассудкам, или обычаям, поддерживаемым всеми авторитетами церкви, бог создал человека по

своему собственному образу, а землю сотворил как место его пребывания. При таком раскладе вещей, бог не мог сделать меньшего, чем поместить человека, свое самое совершенное и важное творение, в центре своей вселенной, со всеми вращающимися вокруг него менее важными частями. Теперь же, если в качестве центра солнечной системы рассматривать солнце, а все планеты вращающимися вокруг него, то Земля будет перемещена в положение всего лишь одной из планет, и притом не самой огромной. В результате такое еретическое учение представляет, если допустить ее преобладание, подрыв веры, если не говорить вообще об ударе по самому Богу. Следовательно, эта доктрина ни при каких условиях не могла быть принята толерантно.

Вопреки всему эта еретическая доктрина победила, хотя, кажется, удар пришелся по эгоизму человека, который был перемещен из центра вселенной и осужден на пребывание на маленькой планете. Человеческие же существа, кажется, смогли привыкнуть к этой перемене, и продолжают и далее более или менее прекрасно существовать.

Возраст Земли.

Следующий великий удар по человеческому эгоизму и предрассудку пришелся тогда, когда геологи и биологи начали выполнять немаловажные наблюдения над скалами земной поверхности. В конце восемнадцатого века шотландец по имени Джон Хаттон провел расширенное изучение ручьистых долин и ущелий шотландских высокогорий. После долгого и тщательного изучения Хаттон пришел к ошеломившему тогда выводу, что каньоны, в которых бегут ручьи, были прорезаны в скалах самими же ручьями. Снова разгорелся бой. Вопрос был смешным и нелепым, поскольку разве из писаний не было известно, что земля создана в 4004 году до рождества Христова? Поскольку каньоны не были наглядно углублены в течение исторического времени, и поскольку возраст земли лишь чуть меньше 6 000 лет, то разве не очевидно, что такие ущелья не могли быть произведены текущей водой за столь короткое время, а потому уже должны были присутствовать, когда земля была сотворена?

В этом случае, как и раньше, научные наблюдения и выводы произвели результаты, диаметрально противоположные унаследованным обычаям. Хаттон подвергся нападкам, не на основе самих фактов, а на основе того, что люди *думали, что им это уже известно*. И этим критикам не приходило в голову, что, возможно, их собственный источник информации, попавший к ним от примитивных и невежественных людей из удаленного прошлого, сам по себе мог быть ошибочным. В таком коренном противоречии, как это, кто-то должен быть неправ, и чем больше изучалось свидетельств, тем прочнее укреплялась теория Хаттона. И ученый мир постепенно склонялся к тому, что земля, вне всякого понимания, гораздо древнее, вопреки библейской традиции.

Наметки исследований Хаттона и его последователей были на самом деле очень важны для последующей научной мысли, ибо, если история земли не согласуется с библейской традицией, то нет сомнений, что отдаленная история человеческого вида, возможно, имеет некий другой вариант, расходящийся с тем же писанием?

Следующий огромный шаг в этой прогрессии сделали биологи.

Еще даже до Галилея, высоко в горах на больших расстояниях от моря, Леонардо да Винчи заметил присутствие в скалах Италии морских ракушек. Да Винчи это показалось указанием на то, что данные скалы когда-то составляли часть морского дна, что после отмирания, ракушки были похоронены под песком и грязью, которые впоследствии поднялись над сушей и сплотились в скалы.

Эти идеи да Винчи были восприняты современниками едва ли не большими, и им не уделили должного внимания. В конце восемнадцатого и начале девятнадцатого веков другие люди, однако, стали изучать содержащиеся в скалах морские раковины, и вынуждены были прийти большей частью к таким же выводам, к каким ранее пришел да Винчи. Далее было обнаружено, что одни и те же strata, или слои горных пород, на протяженных территориях всегда содержат одинаковые ракушки, но ракушки, содержащиеся в разных strata, различны. Наконец, догадались, что если эти скалы являются осадками, отложенными в море, то самые старые породы должны находиться на самом дне, а последующие, более молодые, находиться последовательно выше, один над другим, как слои в слоеном торте. Затем в определенных районах Англии и Франции было замечено что, чем ближе к текущему уровню моря, тем последующие молодые слои содержат все больше ракушек, которые ближе напоминают те, что находятся и в нынешнем океане.

Помимо морских ракушек то тут, то там начали раскапывать целые скелеты больших животных, подобных которым сейчас на земле не существует.

Действительно, это было загадкой. Люди были вынуждены прийти к заключению, что земля чрезвычайно стара, а районы, которые ныне представляют сушу, в прошлые времена несколько раз находились под водой. И не только это! Животные в прошлые времена были совершенно иными, чем те, которые обитают здесь сегодня.

Все еще продолжая изо всех сил цепляться за фольклор и теологические доктрины, в начале девятнадцатого века людям пришлось переделать свои идеологии, включив в них эти новые факты. Они делали это, решив, что вместо одного божественного творения, их было несколько.

Бог, очевидно, создал небеса и землю задолго в прошлом. И, будучи любителем в искусстве творения, он населил ее какими-то низкими формами жизни. Эти, якобы, ему не понравились, и тогда он

разработал новые идеи, и, чтобы испытать свои новые идеи, вызвал гигантский катаклизм, чем стер с лица земли все ранее созданные формы, а затем переселил землю набором новых тварей несколько улучшенного образца. Этот процесс повторялся – так думали в то время люди – до тех пор, пока не было достигнуто последнее совершенство, когда Бог сотворил по своему образу человека вместе с низкими полевыми зверями к его услугам.

Эта прекрасная картина вскоре была расстроена, так как английский геолог, Чарльз Лайель выпустил в 1831 году свой известный учебник «Основы Геологии», в котором показал, что не существует никаких свидетельств великого всемирного катаклизма или катастрофы, и что, вероятнее всего, творение высочайших гор сопровождалось не более заурядным феноменом, чем случайные землетрясения и вулканы, какие бывают и сегодня.

Сверхъестественность Человека.

Примерно в это же время новые споры ереси посеялись исследованиями в области химии и медицины. Химики обнаружили, что вся материя на поверхности земли состоит из небольшого числа элементарных веществ, которые они назвали химическими элементами.

С этим знанием появилась способность анализировать различные вещества химически и определять, из каких элементов они состоят.

Как следствие этого вскоре было обнаружено, что человеческое тело, вместо бытия чем-то загадочным или сверхъестественным, состоит из идентичных химических элементов, какие обнаруживаются в воздухе, воде, камнях и других распространенных субстанциях. В дополнение ко всему этому, немецкий физик, Роберт Майер, обнаружил, что энергия, освобождаемая внутри тела из съеденной пищи, по количеству равна той энергии, которая может быть получена из пищи, сожженной вне тела.

Картина сверхъестественности человека и специальных творений получила окончательный удар, когда в 1859 году Чарльз Дарвин выпустил свою книгу «Происхождение Видов». В этой книге Дарвин показал, что, вместо отдельного создания видов, животная и растительная жизнь подвергается постепенному и очень медленному изменению, и в течение этого эволюционного процесса, при достаточном количестве времени, из примитивного истока развиваются полностью новые формы жизни. Таким образом, согласно новому взгляду Дарвина, жизнь на земле началась в какой-то столь удаленный момент времени, что не может быть никакой летописи, и из этих простых примитивных форм должны были подняться все разнообразные виды растительной и животной жизни, включая *самого человека*.

Это было слишком. И теологи снова были во всеоружии. Собаки, лошади, коровы и обезьяны, возможно, и вывелись из низких форм жизни, но человек – никогда! У человека, в конце концов, есть душа и сознание. Он может мыслить и понимать разницу между добром и злом. Он – нечто, находящееся выше и немного в сторону от этих brutальных bestий полей. Пока это сражение длилось около 30-40 лет, как обычно, факты сделали свое над традицией. И человеческие существа, как это ни ранило их эгоизма, были так далеко свергнуты с пьедестала, на котором они изначально себя воображали, что, в конце концов, им пришлось признать свое кровное родство с другими членами животного царства.

Но традиционный образ мысли упрям и выживается непросто. Хотя и признано, что человеческий вид всего лишь один из многих видов животных, имеющих с ними один исток, все же продолжает превалировать мнение, что, так или иначе, некая аура сверхъестественности отделила человека от остального животного мира.

Разработки в области физиологии, биохимии и биофизики, главным образом начавшиеся с 1900 года, окончательно прижали нас к земле. Уже обращалось внимание на тот факт, что человеческое тело состоит из химически ординарных веществ, из которых состоят горные породы. То же с собаками, лошадьми и свиньями. В раннем уроке, обсуждая «человеческий двигатель» мы вывели, что человеческое тело подчиняется тем же основным законам преобразования энергии, что и паровой двигатель. Это верно и в отношении собак, лошадей и свиней. Эти факты, вероятно, в каждом вызовут подозрение о том, что человеческие существа очень далеки от полусверхъестественных созданий, какими они до этих пор себя предполагали.

Объективная Точка Зрения.

Однако до сих пор остается вековая загадка человеческого поведения и того, что именуется «мышлением». Вероятно, нужно заметить, что ни одно анатомическое расчленение никогда еще не вскрывало того, что должно соответствовать «уму», или «сознанию», или «воле». Причину этого нетрудно обнаружить, если учесть, что все эти термины унаследованы от невежественного, варварского прошлого, и никогда не подвергались научному изучению.

Вспомним, что реальный научный прогресс во все времена основывался на взаимосвязи объективно наблюдаемых (зрением, осязанием, слухом, вкусом, обонянием и т.д.) явлениях. Когда мы подвергнем такие понятия, как человеческий «ум» такого сорта испытанию, то они очень быстро перестанут существовать.

Когда мы *наблюдаем* человеческое существо, мы явно воспринимаем некий объект, который производит разнообразие движений и звуков. То же самое верно, когда мы наблюдаем собаку или автомобиль Ford. В

каждом случае отличаются лишь формы, и конкретный образец движений и звуков. Также мы наблюдаем определенные причинно-следственные связи. Если, например, мы нажмем кнопку сигнала на автомобиле Ford, то Ford издаст гудок; если наступим на хвост собаке, собака взвизгнет. Так, в случае этих двух механизмов мы можем сказать, что:

Нажатие кнопки сигнала производит гудок.

Наступание на хвост собаки производит визг.

Таким образом, мы видим, что, начиная соотносить друг с другом то, что мы действительно наблюдаем, не впуская никаких унаследованных предпонятий, мы можем относиться к собаке с той же бесчувственной объективностью, с какой относились к автомобилям Ford или же к радиоприемникам.

Стимул и Ответ.

Именно с таким подходом известный русский ученый, Павлов, начал серию экспериментов, которая уже привела к некоторым, еще более глубоким, переменам в том, что люди думают о себе. В начале нынешнего века Павлов приступил к изучению собак в той манере, которую мы уже описали. К примеру, он обнаружил, что, когда собаке показывают бифштекс, то ее рот начинает увлажняться и течет слюна. Имейте в виду, что это простой род наблюдения, какой можно сделать и над Ford'ом.

В случае с автомобилем: нажимают кнопку, звучит сигнал.

В случае собаки: показывают бифштекс, течет слюна.

В случае автомобиля мы знаем, что сигнал соединен с кнопкой электрической цепью, и если эта цепь нарушена, то нажатие кнопки более не будет вызывать гудок сигнала.

Подобным же образом, в случае с собакой, Павлов узнал, что существуют нервы, которые из носа и глаз собаки проходят через мозг к железам, выделяющим слюну. Таким образом, вид и запах бифштекса в случае с собакой является таким же механическим процессом, как нажатие кнопки в случае с автомобилем Ford. Если эти нервы отсечь путем операции, что было сделано в лаборатории Павлова, то слюна более не будет выделяться в присутствии бифштекса.

Эта причинно-следственная связь между бифштексом и слюновыделением, и прочие подобные реакции у животных, называются *рефлексами*. Если использовать такую же терминологию к случаю с автомобилем, то он сказал бы, что сигнал является рефлекторным действием, возникающим вследствие нажатия кнопки. Нажатие кнопки называется *стимулом*; звук гудка называется *ответом*. В случае собаки стимулом является вид и запах бифштекса, ответом же – поток слюны.

Теперь, с целью более точного наблюдения и измерения этого потока слюны, Павлов сделал на морде собаки небольшую операцию и вывел наружу «слюновод» собаки так, чтобы можно было собрать и взвесить выделяющуюся слюну.

Затем собаку изолировали так, чтобы она не могла видеть и слышать то, что происходит снаружи помещения. Установили механическое устройство, которое показывало собаке бифштекс без участия оператора. Также был установлен метроном.

Оператор включал метроном, но на его звук слюна не выделялась. Следовательно, стимул, или звук метронома, не производил никакого ответного потока слюны. Теперь собаке показывали бифштекс, и одновременно звучал метроном. Это было повторено от 30 до 40 раз. Затем метроном звучал отдельно. На этот раз слюна выделялась на звук метронома. То есть, стимул, *звук метронома*, теперь производил ответ, *выделение слюны*. Другими словами, повторный звук метронома, совмещенный с показом бифштекса, каким-то образом вызвал в мозгу у собаки нервную связь между ушными нервами и слюнными железами, которой ранее не существовало. Это Павлов продемонстрировал, удалив часть мозга собаки содержащую данную конкретную связь. И, как это происходит, когда перерезают провода между кнопкой и сигналом, слюна на звук метронома больше не выделялась.

Теперь разберемся в смысле. Если бы собаки умели говорить, то этот пес, несомненно, сказал бы, что он так часто слышал метроном, и одновременно видел и чувствовал запах бифштекса, что в итоге каждый раз при звуке метронома начинал «думать» о бифштексе. Но мы имели возможность наблюдать, что в действительности внутри собаки происходила серия легких нервно-мышечных реакций, приводящая к выделению слюны. Это утверждение можно преобразовать так: серия незначительных нервно-мышечных реакций, включая выделение слюны, - это то, из чего состоит «мысль о бифштексе». Следует сказать, что количество слюны, текущей при звуке метронома, было несколько меньше количества слюны, выделяющегося в присутствии самого бифштекса. Таким образом, реакции, происходящие в собаке, когда она «думает» о бифштексе, подобны тем, когда она действительно видит его и чувствует запах, за исключением их несколько пониженной интенсивности.

Ответ, возникающий таким путем на стимул, на который никакого рефлекса ранее не существовало, Павлов назвал *условным ответом*.

Новый рефлекс, устанавливающийся таким путем, он назвал *условным рефлексом*. Практически бесконечное разнообразие подобных экспериментов было проведено с собаками, обезьянами, людьми и всеми видами низших животных, даже с улитками. Было обнаружено, что могут быть установлены условные рефлексы второго и более высокого порядка. К примеру, если показать собаке черный квадрат, то сразу не последует никакого слюновыделения. Но если

показывать ей этот квадрат 30 или 40 раз, за 15 секунд до звука метронома, а затем показать этот черный квадрат без всякого последующего сопровождения, то слюна будет выделяться. Это называется условным рефлексом второго порядка. В некоторых случаях у собак были установлены рефлексы третьего порядка. Рефлексов более высокого порядка установить не удалось.

Мышление, Речь, Письменность.

Эксперименты с человеческими существами привели к подобного рода результатам, за исключением того, что человеку требуется меньшее число повторений для установки условного рефлекса, чем собаке, и он способен поддерживать большее число порядков условных рефлексов. *Именно из этого по большому счету и состоит высший интеллект.*

Мы уже отмечали, что серия нервных и мышечных сокращений, составляющая секрецию слюны, которая имеет место при звуке колокольчика или иных условных стимулах в отсутствие бифштекса, составляет то, из чего складывается «думание о бифштексе».

Это неопровержимо свидетельствует о том, что всякое мышление осуществляется подобным же образом. Если определенный объект поместить перед человеком и произнести одновременно определенный звук, повторив этот процесс несколько раз, то при произнесении звука без присутствия объекта, человек начнет «думать» об объекте. Это означает, что внутри него происходят такие же нервно-мышечные реакции, какие изначально вызывались только самим предметом. *Это основа любого языка.*

Допустим, что объектом будет известный инструмент для вскапывания почвы, а звуком, издаваемым в связи с ним, слово «лопата».

Если оба их «повторять» человеческому существу, которое ранее не видело такого предмета, или не слышало такого слова, совокупно, то вскоре он будет доведен до условия той стадии, когда звуки слова «лопата» начнут вызывать в нем условный ответ, существенно похожий на ранее вызывавшийся самим объектом.

Теперь, переводя это ко второму порядку, допустим, что произносится слово «лопата», и одновременно индивидууму показывается определенная конфигурация черных меток на бумаге. После нескольких повторений эта определенная конфигурация меток начнет вызывать тот же ответ, только слегка менее интенсивный, какой прежде вызывался только словом «лопата», или самой лопатой. *Это физиологическая основа письменности.*

И наоборот, никакого условного ответа на данный стимул не будет получено, пока объект не пройдет через обуславливающий опыт, в

который вовлечен этот стимул и соответствующий ответ. Так, предположим, что вас попросили подумать о слове «райдек», и вы подумали «изо всех сил». Но ничего не произошло. Причина того, что ничего не происходит, заключается в том, что в вашем опыте никогда не устанавливалось никакого условного рефлекса между словом «райдек» и некоторым безусловным ответом на некую другую причину. Если, однако, вы услышите слово «райдек» завтра, то по всей вероятности у вас будет очень похожий ответ, но лишь слегка отличающийся от того, что вы имеете сейчас. Завтра звук слова «райдек» заставит вас «подумать» об этом уроке.

Предположим, что аналогичным образом прозвучало слово «Лондон». Если вы никогда не были в Лондоне, то этот стимул вызовет в вас ответы из ваших многочисленных опытов из прошлого, связанных с этим словом. Эти ответы будут теми же, которые ранее были вызваны увиденными вами фильмами, учебниками географии, статьями и рисунками из газет и, вероятно, некоторыми из прочитанных вами книг. Более того, эти ответы будут, вероятно, более или менее смутными и неопределенными, и, конечно же, иными, чем те ответы, которые были бы вызваны, если бы вы когда-либо побывали в Лондоне лично. Подобным же образом следующие черные метки на бумаге, «Франклин Делано Рузвельт», заставят вас произнести определенные звуки, и вызовут в вас ответы, напоминающие об определенных рисунках, виденных в газетах и выпусках новостей, и об определенном голосе, который вы слышали по радио. Эффект от этого для вас будет тем же, - если считать это пределом вашего опыта, - как если бы весь бизнес был мистификацией, а картинки и голос принадлежали полностью кому-то другому, и были просто представлены для вашей иллюзии.

Последний трюк фактически был проделан во время первой Мировой Войны, когда в журналах и газетах вам рассказали о немцах, отрезающих руки у бельгийских детей. Всё, что мы видели, было лишь черными метками на бумаге, но мы видели и слышали определенных говорящих людей. Затем мы пошли и стали действовать так, как будто у бельгийских детей на самом деле отрезали руки; это было как раз тем, что от нас и ожидалось.

Однако никто никогда не видел - ни тогда, ни впоследствии - ни одного из бельгийских детей, которого можно было бы предположить пострадавшим от такого рода несчастья. Другими словами, это было пачкой преднамеренной лжи, а мы, одноформная публика, стали ее ни о чем не подозревавшими и беспомощными жертвами.

Подавление Ответов.

Другое, что Павлов обнаружил при своих экспериментах над собаками, - это то, что ответы могут не только производиться условными стимулами, но также и подавляться или *тормозиться*. В одном случае на лапу собаки произвели электрический разряд. Это вызвало защитную реакцию. Когда, однако, разряд применялся

несколько раз вместе с выдачей собаке корма, защитная реакция притормаживалась, и электрический разряд, наоборот, вызывал слюновыделение.

Было обнаружено, что, когда на собаку воздействуют стимулы, инородные для эксперимента, всегда устанавливаются временные торможения условных ответов. Так, необычный шум или вид кошки может полностью затормозить такие условные ответы, как выделение слюны. Как правило, странные стимулы всегда производят сильное торможение ординарных условных ответов, хотя они могут производить, а могут и не производить позитивные ответы другого рода.

В случае с людьми ошеломляющие примеры временного торможения такого типа обнаруживаются на таких примерах, как боязнь сцены (частичный паралич в присутствии аудитории), боязнь микрофона, неспособность того, кто к этому не привык, диктовать на стенограф, и неспособность свободно выполнять движения на высоте.

В случае с собакой определенный раздражающий фактор, если повторяется довольно часто, теряет свою тормозящую способность. Так же и в случае с человеком все указанные выше формы временного торможения быстро пропадают при частом повторении. Средством преодоления страха перед сценой является частое появление на публике. Об исчезновении заторможенности движений на большой высоте свидетельствует безразличная манера и раскрепощенность, с которой монтажники работают на каркасах небоскребов.

Другим типом торможения, вызываемым у собаки, была подача звука метронома без выдачи какой-либо пищи. При последовательных повторениях условный ответ постепенно понижался, пока, наконец, не исчезал полностью и окончательно. Этот факт очень ценится фермерами и хозяевами ранчо. Фермер устанавливает у своих боровов условный рефлекс, издавая определенный звук во время кормления. При ежедневных повторениях в течении нескольких недель свиньи настолько привыкают к этому звуку, что он заставляет их приближаться к кормушке с любого расстояния, на котором они способны его расслышать. Если, однако, боровов несколько раз подзвать, не выдавая корма, то условный ответ скоро будет приторможен и исчезнет, и свиньи перестанут отвечать на зов. Пример такого типа подавления у человека можно найти в известном рассказе «Мальчик, который кричал волком».

Точно так же, попав впервые в большой город, мальчик с фермы буквально был ошарашен тысячами различных стимулов, которые обрушиваются на него. Он практически на все обращает внимание.

Он видит мигающие светофоры, автомобили, людей, трамваи, метро - всё одновременно. Так сильны и неподдавлены его ответы на эти

разнообразные стимулы, что движения его кажутся непостоянными и непоследовательными.

Только спустя не одну неделю городских впечатлений он сможет идти по загруженной улице и не обращать ни на что внимания. Другими словами, понадобится несколько недель на то, чтобы его ответы на неадекватные стимулы были подавлены.

Вынужденный Процесс.

В целом, экспериментируя с собаками, Павлов смог показать, что существуют определенные врожденные рефлексy, которые так же механичны, как взаимосвязь в автомобиле между нажимом кнопки сигнала и его звучанием. В дополнение к этому, он продемонстрировал, что в собаке есть некий нервный механизм, в котором, через процесс повторения или обусловливания, любые из этих врожденных рефлексов могут быть расстроены посредством стимулов, ранее с ними невязанных. Также он обнаружил, что путем операции можно удалить верхнюю часть мозга собаки, кору мозга, при этом не умиряя собаку и не воздействуя на ее врожденные рефлексy. После такой операции собака сможет и далее ходить; если ей предложат пищу, она ее съест; но вид и запах пищи более на нее не производят никакого воздействия.

Позднее, после такой операции, если о собаке не позаботиться, то она умрет, так как абсолютно не сможет поддерживать свою жизнь. Причина того, что вид и запах пищи более на нее не действуют, в том, что в удаленной коре головного мозга располагалось, как минимум, то соединение, что обуславливало рефлекс между видом и запахом пищи и ее поеданием.

Таким образом, собака – это механизм с некоторыми врожденными ответами и способностью настраиваться, в полной зависимости от своего личного опыта, почти на бесконечное число ответов на новые стимулы. Этот процесс автоматичен и механичен. Собака, будучи подвержена такому опыту, абсолютно не может избежать установки условного рефлексa, вытекающей из этого опыта как следствие.

Мы столь долго задержались на экспериментах Павлова с собаками, по той причине, что, не подвергая себя опасности утратить объективность точки зрения, проще всего проследить за этими его классическими экспериментами.

Время от времени мы отклонялись в сторону, чтобы выяснить эквивалентные случаи в поведении человеческих существ. Другие ученые, как здесь, так и за границей, обнаружили, что все, что наблюдал Павлов у собак, подтверждается и на человеке. Всякое образование привычек, языка и «мышления» ни что иное, или ни более, ни менее чем, ответ человеческого существа на разные стимулы, внутренние и внешние, сообразованный с существующими условными рефлексами. Человек отличается от собаки, прежде всего, тем, что

может приобретать условный рефлекс после меньшего числа репетиций, как это бывает у собаки. Кроме того, он поддерживает большее число порядков условных рефлексов, чем собака.

Контроль над Поведением.

Практически всякий социальный контроль осуществляется через механизм условного рефлекса. Водитель автомобиля, например, видит впереди красный свет и немедленно тянется к сцеплению и тормозу, чтобы остановиться. Такое поведение ни на йот не отличается от поведения собаки, которая слышит метроном и выделяет слюну.

Не меньшую важность в социальном контроле имеет условное торможение. Если люди еще молоды, то перед ними может быть выставлено условие не делать под солнцем почти ничего. Им могут создать условие не употреблять такой-то язык, не есть определенную пищу в определенные дни, не работать в такие-то дни, не жениться в отсутствии определенных церемониальных слов, произносимых над ними; не вламываться в универмаг за едой, даже если не ели несколько дней. Конечно, человек рационализует все это, говоря, что это «плохо»; или что его будет беспокоить «совесть». Самое, что интересно в «делании плохо» и в «сознании вины», - то, что они вспоминаются в тех случаях, когда чьи-то тренировки в прошлом строго тормозили этого человека от выполнения рассматриваемых действий.

Интересно понаблюдать за человеком с «совестью». Допустим, что этот человек поставлен перед обстоятельствами, вынуждающими его делать те вещи, которые его учили не делать. Далее допустим, что эти вещи сами по себе приятны, то есть не требуют никаких рефлексов защиты или противодействия. Первые несколько раз, когда человек вынужден делать эти вещи, он делает их с огромным колебанием и проявляет заметные признаки затруднения. На этой стадии, обсуждая вопрос, он, вероятнее всего, скажет, что «это просто нехорошо». Но если, после нескольких повторений, действие не произведет плохих последствий, то признаки затруднения начнут исчезать, и, наконец, это действие будет выполняться без всяких колебаний. Если на данной стадии лицо прокомментирует свои действия, то, вероятнее всего, скажет «как же глуп я был раньше, относясь иначе к столь безобидному вопросу».

Если понаблюдать за собакой, то обнаружится в точности эквивалентная форма поведения. Допустим, что эта собака с фермы, и ее со щенячьего возраста приучили оставаться на порошках и не входить в дом. Допустим, что как-то, холодной зимой, у кого-то появляется сострадание к собаке, и он решает впустить ее погреться у очага. Дверь открыта и собаку позвали, но она не входит; она мнетя у двери, словно ожидает, что кто-тоогреет ее бревном. Вид у нее озадаченный. Наконец, ее втаскивают силой за ошейник. Хотя огонь явно отличается от мороза, собака сидит беспокойно и при малейшем жесте готова бежать. После того, как собака слегка обогрелась, ее вновь отправляют на порошки. Второй раз, когда собаку зовут, она входит, но

с колебанием. После этого она, скорее всего, уже начнет слоняться у двери, дожидаясь третьего зова. Еще немного, и собака, не дожидаясь зова, станет врываться самостоятельно, чтобы погреться в холодный день.

Эти два случая, с человеком с «совестью» и с собакой, приученной оставаться снаружи дома, идентичны во всех существенных составляющих. Оба представляют условные торможения и показывают, как рассматриваемое животное (человек или собака) подвергается тормозящему воздействию, приобретенному в предыдущих тренировках.

Легко можно увидеть подобное и у животных фермы. Большинство ограждений на ферме имеет природу красного света в уличном движении. Многие животные способны легко их перепрыгнуть или сломать. Например, дикие лошади, рогатый скот или кабаны сделали бы это с теми ограждениями, которые эффективно удерживают более одомашненных животных тех же видов. В чем причина? Разве одомашненные особи не так же сильны, как их дикие родственники? На это, как правило, отвечают «взбунтовавшиеся» кони, свиньи или боровы со скотного двора, которые находят способ, как перепрыгнуть ограждение, или открыть ворота или двери сарая. Автор знает одного поросенка, которому хватало храбрости и знания, как проникнуть в амбар с зерном. Наконец, когда он вырос, и был помещен в бас с жирующими свинками, он выбрался и оттуда. Это продолжалось до тех пор, пока бас не был обделан лесом, высотой почти в пять футов, с уклоном внутрь, так, что стало просто физически невозможно перелезть. В этом наиболее интересно то, что любой другой боров на ферме смог бы сделать то же самое, если бы не тщательно культивированные в нем условные торможения. В связи с этим крайне поучительно понаблюдать различные формы «пересечения» людей любого сообщества.

Определенное малое число индивидов всегда пользуется большей свободой действия, чем большинство их «приятелей». Эти немногие всегда делают разные вещи, которые другие делать не смеют. *Эта разница по большей части заключается в торможениях.* Чтобы создать контраст противоположностей, рассмотрим лицо, которое полностью воспитывалось на ферме, и впервые оказалось в большом городе. И хотя, как правило, у него имеется спокойная самоуверенность, все же, он будет крайне застенчив и неохотен в ведении у незнакомцев расспросов о способах поведения. Попад в общественные круги иного, незнакомого образа жизни и нравов, он будет практически полностью заторможен в своих действиях. В противоположность ему, лицо, выросшее в городе, помещенное в сельское окружение, вероятнее всего, будет чувствовать легкость в присутствии людей, но, оставшись в одиночестве, ощущать затруднения, так как не сможет ни у кого спросить, как ему поступать.

Часто возникают вопросы о том, до каких крайностей люди могут быть доведены в их условных действиях.

Нет лучшего испытания, где можно найти ответ на этот вопрос, чем устраиваемое военной службой. В этом случае миллионы взрослых мужчин собираются в полки и проходят через обуславливающий процесс, состоящий из известных «направо, налево» - военной подготовки и практики владения оружием. А также из воспитания условных ответов, то есть проявления надлежащего отношения, к более высоким знакам отличия, чем те, которые находятся на униформе рассматриваемого солдата. Сделаем ударение на том, что отношение отличия и повиновения со стороны солдата к офицеру – это случай чистого обуславливания, зависящего от надетой на офицере униформы, а не от самого человека. Помести человека в униформу рядового, и он будет вызывать у приятелей ответ, который они обусловлены выдавать в присутствии рядового. Помести того же человека в униформу генерала, и его будет сопровождать то же почтение и отличие, которое подобает генералу.

Эти условные ответы со стороны солдата, на такие стимулы, как устные команды, тревоги, погоны, флаги и т.д., так сильны, что, манипулируя ими, солдата можно поставить перед автоматным огнем или шрапнелью.

Типы желез.

До этих пор мы говорили о реакциях определенного организма на внешнюю среду, и обнаружили, что существует большое подобие в ответе на внешние стимулы не только у самих людей, но и у других животных. Но уже давно признано, что у различных людей одного пола в ответах на одинаковые внешние обстоятельства существует огромная разница, и еще более значительная разница в ответах членов противоположного пола. Даже Шекспир признавал эту разницу, как показывает фраза Юлия Цезаря:

*«Пусть будут вокруг меня мужчины, что полны,
Лысоголовы и храпят ночами:
У Кассия младого тощий вид,
Он много думает: такие мне опасны».*

Общеизвестное наблюдение показывает, что толстые люди добродушны и забавны, в то время как худые, «голодного» типа, гораздо вероятнее бывают едкими, нервными, переменчивыми, и, как это выразил Шекспир, опасными. Только недавно, однако, физиологическое знание пришло к тому, что разница между полнотой и забавностью, и худостью и опасностью это исключительный вопрос разницы во внутренней секреции некоторых эндокринных желез тела. При определенном сочетании секреции этих различных желез человек становится полным и забавным; а при ином сочетании – худым и имеет образец того поведения, которое чаще всего наблюдается у худых людей.

Эта фундаментальная разница в поведении даже еще более значительна между разными полами. У млекопитающих и многих других животных самцы, как правило, крупнее самок, и склонны к воинственности и упорству. Например, кабан не только крупнее самки, но еще и имеет длинные выступающие клыки по бокам рыла. У самца оленя есть рога. У самца курицы есть большой гребень, длинный хвост и перья на шее, а также боевые шпоры. Самка не только иначе выглядит, чем самец, у большинства видов, но и имеет характерно отличающуюся манеру поведения. Кроме того, это поведение широко различно от случая к случаю, как например, между курицей, высиживающей яйца, и курицей с цыплятами, или у этой же курицы в других случаях. Или между самкой млекопитающего с малышом, в противоположность поведению этой же самки в другое время.

Эндокринные железы.

В прошлом мы были склонны затемнять эти формы поведения под такими выражениями, как «материнская любовь» и другими терминами, равноценно бессмысленными. Ныне известно, что эти разные формы поведения, а также различия в телесных формах, главным образом обязаны разнице во внутренней секреции *эндокринных желез*, при разных обстоятельствах.

Фермерам давно известно, что кастрация самца животного фермы дает значительные физиологические изменения, а также изменение в образе поведения. Например, бык с большой холкой и квадратной конституцией, крайне упрям и опасен. Кастрация изменяет это немедленно. Кастрированное животное становится послушным и легко управляемым; кроме того, оно теряет всякий интерес к противоположному полу. Его квадратная конституция пропадает, и он становится выше и пухлее. Подобные изменения наблюдаются и у самцов других видов. Следовательно, наиболее мощная секреция может быть у некастрированного самца, и она пропадает после кастрации. Эта секреция была названа *мужским гормоном*.

Подобный же феномен наблюдается и с женскими яичниками.

Как и в случае с самцом, когда кастрация вызывает метаморфозу в форме, становящейся средней между мужскими и женскими характеристиками, точно так же удаление яичников вызывает исчезновение женских характеристик. Если, например, яичники удалены у курицы, то у нее развивается более длинный хвост, шейное оперение и другие внешние черты, средние между несушкой и петухом, и более напоминающие каплуна.

Отмечен случай, когда курица-несушка, за которой велось наблюдение, в итоге перестала откладывать яйца; у нее начал развиваться большой гребень, длинный хвост и шейное оперение, а также боевые шпоры, как у петуха. Но курица не только стала *выглядеть* как петух, она стала и *вести себя* как петух. У нее развилась

мужская тенденция сражаться, а также мужское сексуальное поведение.

В результате эта бывшая несушка действительно стала выполнять оплодотворение. Таким образом, перед нами случай с одной курицей, которая в течение своей жизни успешно побывала и матерью и отцом своего потомства.

Большей частью в прошедшую декаду или две различные единицы этой внутренней секреции были выделены химически и, в некоторых случаях, произведены синтетически. Было обнаружено, что одинаковое количество высоко активных химических веществ, таких как *адреналин*, выделяемый *адренальной медуллой*, *тироксин* – *тироидной железой*, *гипофизарный экстракт* – *гипофизарными железами*, *женский гормон* – *яичниками*, *мужской гормон* – *яйцами*, и различные другие секреты других эндокринных желез, впрыскивается в кровяной поток, и в очень большой степени от этого зависит состояние здоровья, очертание тела и фундаментальные формы поведения. Если эти вещества впрыскиваются в тело извне, то они вызовут тот же самый эффект, как если бы были произведены самим телом.

Мы уже упоминали о метаморфозах, происходящих с физиологическими процессами, очертанием тела и формами поведения у животных, которых искусственным путем лишили некоторых из этих секретов, мужских или женских гормонов. Оба этих гормона уже получены в концентрированной форме и экспериментальное исследование их воздействия на животных продолжается. Несколько лет назад были произведены эксперименты, ныне ставшие классическими, над курами. Например, у нормальной несушки удалили яичники. Это лишило несушку женского гормона, и она развила внешние черты каплуна, как это уже описывалось. Затем ей ежедневно вводили концентрат мужского гормона, в данном случае, полученный из яиц быка. При таком «лечении» стали развиваться гребень, шейное оперение, шейные и хвостовые перья начали расти, и через несколько недель бывшая курица полностью внешне преобразилась в петуха – несколько щуплого, но, тем не менее, петуха.

После того как инъекцию мужского гормона прекратили, эти черты постепенно опали, и щуплый петух снова стал каплуном.

Подобные эксперименты проводились и с морскими свинками.

Нормального молодого самца морской свинки кастрировали, и некоторое время подождали, пока не наступит стадия сексуально-нейтрального равновесия при отсутствии мужского гормона. Затем в его тело трансплантировали яичники, которые начали выделять женский гормон. Под влиянием этого у морской свинки развились грудные железы и общее очертание тела, напоминающее очертания женской особи. Наконец, когда эта метаморфоза закончилась, ему

ввели экстракт, взятый из (пред)гипофизарной железы. Следует заметить, что этот секрет (пред)гипофизарной железы устанавливает молокоотворящую функцию грудных желез. После инъекции этого экстракта появилась лактация, и этот бывший самец морской свинки на самом деле выкормил молодой помет, который ему подбросили. На этом эксперимент окончился. Вполне вероятно, что есть еще и другие гормоны, возможно из (пост)гипофизарной железы, которые, если бы морской свинке сделали инъекцию, вызвали бы у него полноценный случай «материнской любви».

Поскольку предшествующие эксперименты затрагивали главным образом разные виды животных, а не человека, так это в основном по той причине, что данные виды более поддаются экспериментам, чем человек. Однако клинические данные показывают, что, как правило, те же явления, какие наблюдались у собак, кошек, морских свинок и животных фермы, верны и для человека. Повышенная или пониженная секреция любой из этих эндокринных желез в случае с человеком вызывает патологические состояния, воздействующие на все тело и в разных степенях на формы поведения. Больные яичники, например, вызывая недостаточную секрецию женского гормона, часто отражаются в появлении грубого, мужского голоса и прочих мужских характеристик, включая рост бороды. Эти патологические условия в некоторых случаях удачно устраняются операциями по удалению опухоли или иных расстраивающих факторов, либо путем продолжительных инъекций гормона, в котором пациент в противном случае испытывает дефицит.

Отражение на Поведении.

Очень важно видеть разницу между формами поведения, исходящими от внешней обусловленности, и теми, что возникают как результат секреторных или подобных им различий, которые зачастую наследуются. Эти различия прекрасно показаны на примере животных фермы. Разные экземпляры домашних животных часто весьма отличаются от других животных того же вида по фундаментальным формам поведения, даже когда у них практически одинаково внешнее обусловливание.

Прекрасной иллюстрацией могут быть боровы. Поросят рейзорбек можно подрашивать вместе с пометом поросят Поланд-Чайна одинакового возраста.

Весь помет может подвергаться практически одинаковому обусловливанию. Но, все равно, когда подрастает, рейзорбек становится тощим и диким, и вступает в драку при малейшем поводе, защищая свое потомство. Поросята Поланд-Чайна при хорошем кормлении склонны полнеть; и они вырастают смирными, равнодушными и невозмутимыми. Даже при скрещивании с Поланд-Чайна, дикие и «возмутительные» характеристики рейзорбека преобладают в течение нескольких поколений.

Это же относится и к рогатому скоту. В дни пионеров местный скот и свиньи рейзорбек, также как и пони мустанг, были породами, выведенным из домашнего стада, импортированного из Европы. Ранее одомашненное стадо прошло здесь быструю эволюцию, развивая те характеристики, которые лучше всего подходили для выживания в диких окружающих условиях. Среди самых проявившихся качеств были дикость, склонность защищать молодь и способность выдерживать умеренное кормление. Именно эти характеристики отличают данное стадо от его одомашненной противоположности, которая биологически хуже. Старая местная корова была не только дикой, как рейзорбек, но еще и драчливой. Когда загоняли старую рейнджерную корову с телятком, любой, кто приставал к телятку, делал это на свой страх и риск, и была огромная вероятность, что он окажется на дереве или перелетит через изгородь. Склонность рейнджерного скота обращаться в бегство, будучи собранными в стада, сейчас известна по песням и легендам.

Одомашнение рейнджерного скота лишь слегка или совсем не затронуло этих присущих ему форм поведения. В течение переходного периода, пока рейнджерный скот заменялся беломордыми хиарфордами, не так уж и редко рейнджерный теленок подрастал среди хиарфордов. Это более мягкое (так сказать) окружение едва ли повлияло на фундаментальные наклонности рейнджерного скота. Рейнджерный теленок вырастает худым, диким, со склонностью вступать в бой.

Похожее наблюдаем мы и у индеек. Нынешняя местная порода индеек была выведена со дней заселения Америки европейцами из местного стада, родина которого этот континент. Эволюционный процесс здесь противоположен тому, что мы наблюдали у рейзорбека и рейнджерных коров. В случае с индейками часть изначально дикого стада постепенно одомашнивалась, при этом другая часть оставалась дикой, как бы для сравнения, в качестве биологического контроля.

Были случаи, когда находили яйца диких индеек и подкладывали их домашним, вместе с яйцами, отложенными домашней индейкой. Мы снова имеем такие условия, когда молодь диких и домашних индеек выращивается при одинаковых условиях с момента вылупления. При подрастании этих молодых индеек дикие члены легко обнаруживались по разнице между их образом поведения и поведением домашних индеек. При малейшем беспокойстве на скотном дворе, вроде лая собаки, одомашненные индейки взлетали на ближайший забор, а вот дикие – на верхушки высочайших пеканов, расположенных по соседству.

То, к чему мы здесь подводим, состоит в следующем: при всех похожестях в основном физиологическом строении разных индивидов одинакового вида, существуют унаследованные индивидуальные различия, которые, по всей вероятности, частью секреторные. Эти отличия не могут сгладить ни обусловливание, ни тренировки.

Некоторые индивиды легковозбудимы. Они очень быстро вспыхивают на краткое замечание или при малейшей провокации, и также одинаково быстро остывают. Другие долготерпящи и медленно выводимые из себя, но, разозлившись, могут несколько дней или недель возвращаться в нормальное состояние.

Основной метаболизм некоторых разновидностей гуманоидов, через некоторый эволюционный процесс, специфически приспособился к тропикам. Другие таким же образом приспособлены к жаре, в то время как иные к арктическому климату. Все это ни в коей мере не связано ни с превосходством, ни с низшим состоянием одной разновидности или расы людей по отношению к другой. Это, скорее всего, наблюдение того, что люди бывают разными, индивидуально и расово, и это различие фундаментально.

Право Клюва.

В последние годы было пролито немало света на проблему индивидуальных различий посредством наблюдений, проведенных над разными видами животных. Например, обще признано такое наблюдение, что на любом скотном дворе некоторые особи, по непонятным причинам, пользуются приоритетом и предводительствуют над другими членами того же вида. В молочном стаде, к примеру, идущем с пастбища на скотный двор, какая-либо корова всегда входит в ворота первой, а другие идут в определенном порядке. Или наблюдалось, как одна корова бодает другую, и при этом вторая не отвечает. Если чужая корова попадает в стадо, то может последовать небольшая «бойня», пока она не выяснит свой ранг, но как только этот ранг установлен, он остается фиксированным.

Последние несколько лет немецкий биолог проводил интенсивное изучение подобных отношений среди цыплят. Он обнаружил, что в данной стае цыплят существует фиксированная система, которую он назвал «правом клюва» - кто кого клюет. Например, между А и Б, скажем, А клюет Б, а Б не клюет А. А, таким образом, имеет «право клюва» над Б. Этот человек изучил права клюва между каждой парой цыплят из данной группы, и обнаружил систему, хотя и сложную, но довольно строгую. Иногда система прав клюва может формировать замкнутую цепочку. То есть, А будет клевать Б, Б клюет В, В клюет Г, а Г клюет А.

Согласно отчетам прессы, серия похожих экспериментов над человекообразными обезьянами недавно была проведена в Висконсинском университете.

Согласно данному отчету, пару «незнакомых» человекообразных обезьян сажали в одну клетку и оставляли в ней до тех пор, пока они не установят взаимной терпимости. В каждом из случаев было обнаружено, что между членами пары не существует такой вещи как равенство. На ранних стадиях могла присутствовать некоторая ссора, но как только устанавливалось равновесие, после этого один из них

обязательно имел приоритет перед другим. Один был определенно №1, а другой определенно №2. №2 из одной пары мог стать №1 в другой паре, но ни в какой из пар не существовало того, что соответствует понятию равенства.

Каждый наблюдает вещи подобного рода среди детей, играющих на игровой площадке, или среди группы рабочих одного ранга на какой-либо работе. Некоторые индивиды доминируют, а другие выполняют приказы. Эти доминанты не обязательно, а часто так оно и есть, должны быть крупного телосложения, но доминируют они так же эффективно, как если бы были таковыми.

В Декларации Независимости имеется известная строка: «Мы считаем эту истину очевидной, что все люди созданы равными...». По своему истоку это понятие философично, поскольку мы знаем, что оно не имеет основы в биологическом факте. По биологическому факту теории демократии разлетаются вдребезги.

Приоритет Действия.

Наибольшая стабильность в социальной организации была бы достигнута там, где индивиды помещались бы как можно ближе к другим индивидам в согласии с «правом клюва», или же там, где отношение приоритета сложилось бы естественным путем. И наоборот, наиболее неустойчивой формой социальной организации являлась бы та, в которой эти «права клюва» вопиющим образом нарушались. Примеры нестабильности этого последнего типа можно найти в случае с армией в ходе последней Мировой Войны, и во многих бизнес-организациях в настоящее время.

Что касается армии, то несколько миллионов людей было спешно поставлено в штыки, так, что не было ни малейшей возможности продвижения, не было заготовлено никакой провизии, не было выбора офицеров на основе спонтанного, естественного приоритета. Вместо этого, следуя хорошо знакомой вест-пойнтской традиции обхаживать «правильных людей», и тому, что «социально корректно», офицеры по большей части выбирались на основе социального престижа их семейств, подготовки в колледже, и на основе других поверхностных соображений. Самое малое внимание, или вообще никакое, было обращено на их способность командовать поставленными под ними людьми.

Их позиции впоследствии главным образом поддерживались силой военной полиции, и многие из офицеров сильно поплатились, как только протекция этой полиции была снята. Этому свидетельствует наблюдавшаяся высокая смертность офицеров от пули в спину, и численность других, которые получали надлежащую взбучку после разжалования служивших под ними людей.

Это же верно и для бизнес-организаций. Орудием контроля в данном случае является полицейская власть государства и клуб экономической

небезопасности, который держится в подвешенном над головами рабочих состоянии. Сегодня мало бизнес организаций, чей административный штат, избранный преимущественно на основе фаворитизма к родственникам и на денежных соображениях, не был бы инвертирован (извращен) до крайней степени с точки зрения вопроса естественного приоритета. В таких организациях это инвертированное состояние поддерживается под покровительством полицейских властей государства и средствами орудия экономической небезопасности, которое сравнительно некомпетентным штатам доверено возносить над головами рабочих. Если бы эти искусственные контролирующие рычаги были убраны, что едва ли требуется говорить, то эти функционально-некомпетентные нашли бы свое существование крайне небезопасным, пока не притяготились бы обратно на тот уровень, где для них надлежащее место.

Немалой величины конфузия возникает в результате перепутывания социального положения и способностей. Например, немногие из толпы на «Парк Авеню», - многие из которой унаследовали деньги, но никогда в жизни своей не сделали ничего, что засвидетельствовало бы их высокую интеллектуальность или функциональную мощь, - не предпринимают крайне снисходительного отношения к таким людям, как фермеры, представители мастеровых профессий. Да и к прочим, чьи ежедневные труды более жизненны (и к тому же, требуют более высокой интеллектуальности), нежели любого из ныне здравствующих. Подобным образом, со значительной снисходительностью, университетские профессора взирают на занятия мастеров-механиков в машинном зале ВУЗа, едва ли размышляя о том, что, чтобы работать мастером-механиком, нужен гораздо более высокий порядок интеллекта, - как в подготовке, так и в ежедневном исполнении, - нежели для того, чтобы сделаться и остаться «ученым» Профессором Так Себе.

Нет лучшего примера такого типа интеллектуальной дерзости, какой позволяет себе Профессор Ортега-и-Гассет в книге «Мятеж Масс». В этой книге писатель осуждает подъем масс и использует иллюстрацию с африканским дикарем, который научился управлять автомобилем и пользоваться аспиринном. То, что профессор, кажется, недопонимает – это иронию его собственной ситуации. А именно: то, что в мире действия его собственное положение практически идентично положению того дикаря, которого он описывает. Человек с полнейшей функциональной некомпетентностью. Профессор Ортега-и-Гассет является Иезуитским Профессором Философии в Университете Мадрида, и, как таковой, насколько это общеизвестно, ничего более важного не сделал в своей жизни, кроме чтения книг, разговора, и написания новых книг.

Социальные устои.

Эти факты приводят нас к признанию двух вещей. Первой: что все человеческие существа реагируют на окружающую среду с помощью отдельных причинно-следственных отношений, через механизм

условных рефлексов. И второй: что, в то время как все люди реагируют на среду таким манером, существует значительное индивидуальное разнообразие в специфических реакциях разных индивидов. Несмотря на индивидуальные различия, степень однообразности реакций на похожие условия среды у большинства людей действительно примечательна.

Этот факт неплохо проявляется в социальных устоях примитивных народов. У всех примитивных народов биологические потребности в пище, одежде и приюте в какой-то мере совпадают; но именно социальные традиции и устои, такие как свадьбы и другие церемонии, владение имуществом и т.д., в широких пределах различны. Все возможные формы брачных отношений, такие как полигамия, моногамия и полиандрия, и все сочетания последних, являются у некоторых общинных народов фиксированным и строгим обычаем. Это также верно относится к закреплению прав собственности. Данные обычаи простираются от почти полного, коммунального владения имуществом племенем в целом, до культур с высоко индивидуалистическими устоями в правах собственности.

Дело в том, что такой вещи, как «правильная» или «корректная» система социальных традиций, не существует. В каждом отдельном племени за базис принимается свой собственный частный набор традиций, через который судят о традициях других племен, – и почти непременно осуждают. В любом племени есть необыкновенная широта диапазона индивидуальных различий, но, несмотря на них, раннее «обусловливание» молодежи племени настолько сильно, что, по вырастанию, все члены племени одинакового пола проявляют необычайную уподобленность в обычаях и поведении. Другими словами, неважно, каким является частный набор традиций и обычаев. Обусловливание молодежи племени в каждом случае таково, что гарантирует их поведение в согласии с наилучшими традициями племени.

В образовательном процессе в целом творятся такие же вещи. Например, столь между собою похожи колледжи и университеты этой страны, что существует примечательная одноформность в полученных результатах. С другой стороны, в случае одного университета можно наблюдать прекрасную иллюстрацию уподобленности реакций простых студентов на разные окружающие условия при разных профессорах. В колледжах нередко бывает некий Профессор А, который совершенно неинтересен и преуспевает в затормаживании или усыплении почти всех студентов, которые у него учатся. Под руководством Профессора Б, наоборот, практически все студенты, ходящие на лекции, весьма заинтересовываются в данном предмете. Если бы каждого из этих профессоров попросили высказать свое личное мнение об интеллектуальности студентов колледжа, то Профессор А, вероятнее всего, сказал бы, что все студенты глупы и ленивы; а Профессор Б сказал бы, совершенно противоположное, что в целом студентов колледжа он видит внимательными и

размышляющими. И оба будут правы, так как при Профессоре А даже самые блестящие из студентов будут казаться глупыми, а при Профессоре Б даже самые отсталые проявят, как минимум, хоть проблески интеллекта.

Вещи такого же типа происходят с рабочими на разных работах. Простое дело стоять в сторонке и критиковать бригаду за отсутствие энтузиазма и бездействие. Но если кто-либо сам берется за работу, как член бригады, при тех же обстоятельствах, то мы видим, что вскоре он ведет себя ничем не лучше других. Прекрасная иллюстрация такого рода, попавшая в поле зрения автора, проявилась на железной дороге Union Pacific в случае известной «супербригады». В эту бригаду входило около 80 человек, и ею руководил жесткий швед по имени Джон Свенсон.

Под руководством Свенсона это была эффективная и организованная группа людей с прекрасным «духом тела». Сделав запись о прокладке четырех полных железнодорожных стыков за день, Свенсон обводил людей взглядом и замечал: «Так, ребята, сегодня мы не постарались, но завтра мы-то уж точно дадим дрозда. Правда же?»

Однажды Свенсон покинул бригаду на двухнедельный отпуск. В его отсутствие руководящим боссом был давний мастер участка, который за все годы не сделал ничего более энергичного, кроме как, сидя на краю полотна, наблюдал за мексиканцами, удаляющими сорняки. Обе недели этот мастер участка провел в вагоне, куря трубку, и как только у людей появлялось малейшее притязание по поводу работы, делал недовольное лицо. В первую же неделю эта высокоэффективная бригада рабочих была полностью деморализована. Они недовольствовались по поводу работы, и вслух желали скорейшего возвращения Джона Свенсона.

Важная вещь в данный момент – то, что мы имеем дело в обоих случаях с одними и теми же людьми. Сторонний наблюдатель, следя за работой, выполняемой под руководством Свенсона, описал бы этих рабочих как отличную бригаду. Другой наблюдатель, описывая бригаду под надзором мастера участка, отметил бы, что она состоит из полнейших увальней. И в данном случае оба, вновь, были бы абсолютно корректны. Обыкновенная группа рабочих отвечает на компетентное руководство тем, что превращается в компетентную команду, в то время как эта же группа индивидов при некомпетентном руководстве склонна к состоянию полной деморализации.

Другими словами, когда сколь угодно большое число индивидов при одном стечении внешних обстоятельств склонно вести себя определенным образом, то можно уверенно сказать, что и любая другая, подобная ей, группа людей в таких же обстоятельствах будет отвечать подобным же образом.

Этот важный факт показывает бесполезность всех моралистических подходов к решению социальных проблем. Такой подход всегда состоит из тщетной надежды на то, что инструкции смогут заставить людей делать «правильные» вещи, не учитывая того, насколько они могут противоречить тому, что диктуют людям управляющие факторы внешней среды.

Это тот самый моралистический подход, который поддерживается глупостями текущих либералов, коммунистов и прочих, главная форма деятельности которых заключается в подписании нот протеста – протестов против войны, протестов против фашизма, протестов против капитализма и т.д. Или же в равноценно бесполезной надежде, что они научат толпу отдавать свои голоса должным образом. При этом всем факторам, создающим противодействующий эффект, позволено оставаться нетронутыми.

То, что нами выяснилось, таково: неважно, чем занимается человек, все шансы говорят в пользу того, что он обязательно будет выполнять это занятие в примерно такой же манере, как это делают другие. Кому-то могут не нравиться банкиры, юристы, полисмены и политики, но вскоре выяснится, что если он не станет «погрязать» в аналогичной отвратительной практике, общей для этих профессий, то вскоре будет искать вакансию где то в другом месте. Таким образом, банкиры, юристы, полисмены, так же как и представители других профессий, всего лишь обыкновенные люди, которые обязаны действовать по набору управляющих факторов, специфичных для рассматриваемой профессии. Любой другой человек при таких же контролирующих факторах со всей вероятностью ведет себя таким же самым образом.

В таком случае единственным возможным способом упразднения этих типов поведения, общественно неприемлемых, и замены их типами поведения, которые общественно приемлемы, является соответствующее изменение этих контролирующих факторов. Никаким количеством общественной морализации ни до этого, ни в будущем, повлиять на них до какого-либо ощутимого предела невозможно.

Социальные перемены.

Это, конечно же, вызывает вопрос, касающийся того, каким образом наступают социальные перемены. Ответ: социальные перемены наступают спонтанно. Люди, будучи сыты, одеты и укрыты не таким уж и неприятным образом, и при дозволенных между ними нормальных социальных отношениях, стремятся кристаллизовать свои повседневные занятия в неизменных социальных традициях. Эти привычки подпираются фольклором и санкцией религии. Любая попытка их изменения производит реакционный ответ. Если, однако, по какой бы то ни было причине, эти традиции становятся несовместимы с теми же биологическими потребностями в пище, одежде и т.д., то социальные традиции, как наблюдается, подлежат пересмотру и переделке в форму, более совместимую с удовлетворением этих потребностей.

Как уже указывалось, в более ранних уроках, социальные комплексы настоящего времени развиваются и проходят преобразование со скоростями, более высокими, чем в любой предыдущий период истории. Что, более того, эта эволюция является однонаправленным и необратимым процессом. В двух любых последовательных временных точках наш социальный механизм неодинаков. Поскольку сами люди являются только одной из составляющих этого развивающегося механизма, то они неизбежно находят себя прикованными к этой эволюции. И поскольку стационарные традиции возможны только при стационарных окружающих условиях, то из этого следует, что при окружающей среде, находящейся в состоянии постоянного изменения, соответственно изменяются и социальные традиции.

В настоящее время мы находим, что те из наших социальных традиций, какие мы обозначили термином «правила игры Ценовой Системы», все более нарастающе конфликтуют с биологической потребностью 150 000 000 человек – потребностью кушать. Из этих обстоятельств вытекает, что социальные перемены произойдут спонтанно. И будут длиться до тех пор, пока не установится новый набор относительно стабильных традиций, совместимых с высокоэнергетическим социальным механизмом, с одной стороны, и, с другой стороны, с биологическим фактом, что 150 000 000 человек хотят кушать, одеваться и иметь приют.

«Социальные перемены» - как сжато заметил Говард Скотт, - «склонны происходить со скоростью, прямо пропорциональной приближению фронта желудка к позвоночнику».

Сводка

В начале урока было отмечено, что большинство фундаментальных шагов человеческого познания наталкивалось на противодействие, так как эти шаги противоречили тому, что люди считали о себе уже известным. Мало помалу, с продвижением научного познания, человеческое невежество и предрассудок отступали, и теперь, впервые в истории, мы способны довольно объективно видеть фундаментальную натуру человеческого животного, которую можем свести к следующему:

(1) Человеческое животное состоит из химических атомов, произведенных из простых неорганических материалов земли, которые в итоге возвращаются в то место, откуда пришли.

(2) Человеческое существо является двигателем, который берет потенциальную энергию в форме химических сочетаний, содержащихся в пище, и превращает эту потенциальную энергию в тепло, работу и телесную ткань.

Задействованные термодинамические процессы, детально более сложные, в точности соответствуют термодинамике, и, в сущности, не

отличаются от соответствующих процессов, наблюдаемых в созданных человеком двигателях.

(3) Человеческое животное отвечает на окружающую его среду через механизм условного рефлекса, который полностью автоматичен, но невероятно сложен,- механизм нервного контроля.

Однако, эти условные рефлексы подвержены управлению и манипуляции через устройство манипулирования внешней средой индивидуума. Текущее обусловливание индивидуума всегда является результирующей всего его личного опыта в прошлом. Чем более тесно поддерживается идентичность окружающей среды, состоящей из большого числа людей, тем теснее идентичность человеческих продуктов. Это причина подобия между индивидуумами из разных групп, например, студентов колледжа, полисменов, политиков, ротарианцев, фермеров или солдат. Другими словами, в пределах, допустимых физиологическими различиями, все человеческие существа отвечают на одинаковую внешнюю среду похожим образом. Эти условные рефлексы достаточно сильны, поэтому, до тех пор, пока человеческие существа достаточно снабжены в реализации основных биологических потребностей, – в пище, в соответствующем количестве одежды, в приюте, в общении и сексе, – они работают рутинным образом, не нарушая ни своих условных ответов, ни своих условных торможений. Они, буквально, предпочтут пули, нежели социальное неодобрение.

(4) Между индивидуумами существуют физиологические различия, которые частью наследственны, частью приобретены из-за разницы в диете, секрети эндокринных желез и т.д. Именно эти основные физиологические различия между разными человеческими существами расстраивают всякие философские теории равенства, а, следовательно, и любую правительственную теорию демократии. В любой группе человеческих существ, имеющей практически одинаковые условия внешней среды, некоторые индивиды склонны быть доминантами, а другие уступчивы в отношении них и составляют их последователей. Если бы на острове было только два человека, один из них был бы №1, а другой - №2. Если этот спонтанный, естественный порядок приоритета между людьми инвертировать искусственным путем, причем уступчивый тип будет поставлен выше доминантного типа, то создастся социально-неустойчивая ситуация.

(5) Человеческие социальные традиции и учреждения стремятся оставаться стабильными, или же крайне медленно подвергаются изменению. За исключением тех случаев, когда имеет место крайне быстрое изменение окружающей среды - в особенности, когда это последнее затрагивает основные биологические потребности. Когда человеческие существа сыты, одеты и укрыты совместимым с крепким здоровьем образом, не принуждены выполнять неудобное количество работы, и им позволено нормальное социальное пересечение с приятелями, то социальные обычаи и устои стремятся

кристаллизироваться на этом конкретном режиме процедуры. Как только развивается какое-то изменение среды таким образом, что биологические потребности более не могут совмещаться с деятельностью, соответствующей старым традициям, то эти последние очень быстро отбрасываются. Например, прямо сейчас обычаи и устои 20 000 000 человек, большинство из которых до недавних пор поддерживало себя, и при том многие из них благополучные граждане, но в данный момент находящиеся на пособии, подвержены быстрой и глубокой перемене. С другой стороны, социальная стабильность восстанавливается только тогда, когда формируется новый набор общественных традиций и устоев, которые настолько соответствуют диктату новой среды, что могут удовлетворить основные биологические потребности.

References :

Conditioned Reflexes, Pavlov.

Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage,

Cannon. *Sex and the Internal Secretions*, Allen.

Folkways, Sumner.

Под Плащом Обмана

Глава 8

Будущее за молодежью

Следующие две главы (не принадлежащие к Курсу Изучения «Технократии») принадлежат к современному урожаю и завершают книгу.

БУДУЩЕЕ ЗА МОЛОДЕЖЬЮ

Социальные преобразования, встающие сегодня перед молодыми людьми, представляет перед ними новый набор обстоятельств, к которым их не подготовили. И от одноморфного, всецело уподобленного и недоученного молодого поколения нельзя ожидать того, что оно унаследует и должным образом совладает с управлением этой громоздкой и сложной технологической машиной, и всеми теми социальными проблемами, которые идут вместе с ней.

Отношения и ценности в обществе не вписываются в обстоятельства сегодняшнего существования. В прошлом родительские и прочие общественные силы объединялись вместе, чтобы подготовить молодых людей к исполнению некоторой роли в общественных делах. Молодежь практически была активом в их обществе. Ее учили работать, и потому она могла внести свой вклад. Ее учили общественным правилам. Дом

был главным базовым источником образования. Но такие отношения в нашем обществе далее непригодны.

ВРЕМЕНА ИЗМЕНИЛИСЬ

В последние несколько десятилетий мы стали свидетелями самых огромных социальных перемен, гораздо более грандиозных, чем случались когда-либо прежде. И, из-за ограничений износившейся системы, общество не смогло совладать с этими изменениями.

Нам нужна социальная система, которая находилась бы в балансе с созданным нами технологическим комплексом.

Последовательное возрастание уровня безработицы должна бы прояснить этот момент. Те важные работо-создающие фигуры, политики, продолжают подкидывать разные «джобсы», но это только витражи, так как большинство этих работ находится в секторе с минимальной оплатой. Так с какой же стати станут студенты гнутья на трех работах, чтобы оплатить образование, которое, в конце концов, реально не научит их на будущее ничему?

Молодые люди видят очевидное: все эти бизнесы не создают работ и не стремятся нанимать людей ради того, чтобы люди смогли получить взамен за свой труд достойную и стабильную жизнь. Они создают работы только с единственной целью - делать доходы, или, как говаривал известный шеф, «ковать железо, не отходя от кассы».

В любой момент им может потребоваться реализовать способ срыва выгоды за счет меньшей оплаты человеко-часов, и, они непременно, примут такой курс. «Ciao» и «au revoir» постоянная - в тройных кавычках типа этого «постоянная» - (и это в том мире, где все течет и изменяется!) работа. Сюда входит ряд тактик, включая автоматизацию производства и перемещение фабрик в иные страны, туда, где возможен дешевый труд (цена которого менее 25 центов/час). В любом из этих случаев, это именно она, Северная Америка, потеряет свою покупательную силу.

БУДУЩЕЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДРУГИМ

Каким образом желания молодых людей могут удовлетворяться в предельно изменчивой среде Северной Америки сегодня?

Повсюду предлагается немало тренировок в хитростях культуры соперничества, конкуренции в маркетинге и т.д. Но образовательным заведениям следовало бы полно, нацелено и более ответственно заботиться о посвящении молодежи в природу современного технологического общества. Роль их должна бы заключаться в подготовке к будущему, а не во внедрении ценностей морально износившейся социальной системы. Учителям следует знать общую картину технологических перемен в этом обществе - в производстве, в

транспорте, в коммуникациях и в передаче энергии - и то, как эти изменения воздействуют на социальную систему, в которой мы живем. Главная проблема всего сегодняшнего образования на всех уровнях состоит в конкретной, текущей точке зрения самих же преподавателей. По всей стране образование испытывает сейчас трудности с движением в ногу с технологическими переменами: проблемы с планированием курсов, с учебными методами и учебными материалами, а заодно и с недостатком фондов. Образовательная система, определенно, не успевает за происходящим физическим изменением. И пока у нас нет надлежащей социальной системы, которая согласовалась бы с нынешней реальностью, любое изменение могло бы только усилить данное замешательство.

Критическая же задача общества должна состоять в стимулировании интереса молодежи к реальному участию в служении этому континенту. Им требуется знание физического мира, добытое как опытом собственных рук, так и академическим познанием. Молодежи необходимо чувство социальной ответственности, чтобы она смогла правильно обходиться с континентом, которому, более чем никогда, ныне требуются интеллигентные управляющие. И, далее: путь, позволяющий жить легко, комфортно и ответственно, причем в высокоэнергетической цивилизации, должен быть для них ясен, понятен и прозрачен.

Вуаль суеверия и недоверие к науке, кажется, все еще присутствует в публичном сознании. Но настоящая проблема коренится в неправильном использовании науки и технологии. Людям следует понять, что производительная сила технологии создает для них возможность иметь пищу, одежду, приют, образование, рекреацию и медицинскую помощь. Им следует осознать, что теперь для своего выживания они зависят от технологии. Технология же используется теми способами, которые направлены ныне против наших самых заветных интересов.

Большая часть перемен, выплеснувшихся на общество, случилась за пару последних поколений – и этот процесс возрастает. К несчастью, сегодняшняя молодежь решает проблему с целым миром в своих руках – готовы ли они на такой массовый вызов? Перед молодыми людьми встает грозный массив проблем. До какой-то степени они уже приучены относиться к деньгам как к средству - средству от всех социальных неурядиц, неувязок и проблем; проблем, в которых, и на самом деле, практически единственное средство – это деньги. А их недостаток, точнее говоря, отсутствие, становится для нас с каждым днем всё более величайшей проблемой! Это не просто растрата жизни, это ловушка, поджидающая вас и ваших детей – взять на поруки финансовые учреждения. Именно, взять на поруки и везти трудом своей спины, как в той сказке, где «битый» везет «небитого» - тянуть ценой постоянного расхода, выплаты кредита, займа, ипотеки и наращивания национального долга и его процентов. Это никак не зависящая от вас забота, и никому добровольно не нужная ноша; ведь у

нас никогда не будет денег, чтобы рассчитаться с этими долгами, и мы это знаем. Так почему бы просто не забросить эти дурацкие игры, и не научиться эффективно иметь дело с реальностью?!

НАУЧНОЕ РЕШЕНИЕ

«Технократия» - это не политическое движение. Это организация с динамичным планом на будущее – планом безденежной, немонетарной системы распределения, управляемой самыми квалифицированными в своей сфере людьми. Но никак не мнениями политиков и финансистов – то, что они делают, мы уже видели! Наши стандарты жития, или то, что принято называть «условиями повседневной жизни», ее уровнем, берутся не из ниоткуда - мы обязаны и должны быть благодарны за них науке и технологии. Наука и технология, в свою очередь, обязаны находиться в руках тех, кто знает, как все это работает, иначе нам не за что будет «быть обязанными». Если же эти руки неправильные, то это означает, что где-то там, не так уж и далеко, нас поджидает неопределенное будущее. Перед кем Вы лично обязаны этим? Да только перед самим собой: просто обратить внимание на проект «Технократия». В конце концов, это ведь напрямую касается того самого «где-то там», где вы проведете большую часть своей жизни - это касается *нашего будущего*.

Под Плащом Обмана

Глава 9

Общественная Наука

Рон Миллер

Член «Технократии»

Наука

Если кто-то ищет полной определенности, то в науке ему искать ее не стоит. Наука – это такой процесс, который гораздо глубже смотрит в природу реальности, в ее естество. Реальность вчерашнего дня перерастает в суперструктуру, надстройку для нового дня сегодняшнего, а еще вернее - завтрашнего. Сегодняшняя наука воплощает в возможность создание - с великой точностью - новейших инструментов. Гораздо более мощные и лучшие телескопы и микроскопы обещают возможность видеть дальше и глубже, открывая все более новые чудесные вещи. Наука похожа на лепесток цветка, который не перестает раскрываться. Те, кто ищет абсолютную, конечную истину, шлифованную в граните, вновь прибывшие с вершины горы, пусть не пытаются искать ее в науке.

Данные

Самая большая драгоценность в науке – это данные. Они драгоценны, мерьте их хоть в деньгах, хоть в усилении, хоть во времени, а хоть в энергии.

Абсолютными данные бывают редко. Степени точности измеряются вероятностями. Чем большее число измерений оказывается около данной точки, тем выше степень точности, но она не абсолютна.

Данные получают люди. Люди не являются объективными наблюдателями.

Часто они видят, то, что они ищут, то, что им хочется видеть, но не то, что есть на самом деле. Иногда данные используют так, как изначальный их сборщик никогда бы не позволил себе их использовать, и даже в мыслях не намеревался. Поиск данных следует выполнять очень тщательно. При каких условиях они появились? Что не было учтено, и могло повлиять на то, что было учтено? Чего не доставало в том, чему следовало бы проявиться?

Всякие, действительно измеренные, данные существуют в определенном диапазоне. Все, что возможно высказать о некоторой точке данных, – то, что она существует в таком-то диапазоне с вероятной степенью определенности. Степень определенности можно увеличить; следует сузить диапазон, или и то, и другое, приложив к этой точке ряд последующих измерений. Уменьшить диапазон возможно лишь до пределов диапазона инструментов, которые используются, но диапазон никогда не исчезает.

Анализ данных является попыткой понять смысл образцов, которые видят в данных, и из этого вывести правила, которые можно будет применить к подобным ситуациям. Следует избегать ошибок логики, например, пытаться доказывать негатив (то есть «если “это” так, то “неэто” противоположно») и так далее. Озвучивая правило в языковых единицах, необходимо пояснять, что оно опровержимо. В правиле должно обязательно находиться требование к его опровержению.

Математика

– это язык науки, и это именно в ней следует искать те правила, которые вписаны в бетоне. Виртуально все отщепы или трещины в каждом определении или правиле, открытом для возможного другого определения, уже обследованы некоторыми отличными умами, которые были произведены за последние несколько столетий человеческой расой. Вопрос, на который необходимо ответить в большинстве математических анализов, заключается в следующем: корректно ли выполнена математика? Если математика выполнена правильно, то корректны ли лежащие под ней предположения? Уместным ли образом были интерпретированы данные? Включены ли все данные, связанные с исследованием?

Обычно, как только опубликован отчет, начинается шумиха.

Если выводу совершенно противоречивы, не важно, насколько хорошо они обоснованы, то будут делаться попытки дискредитировать результаты. В частности это верно в тех случаях, когда то, что открыто, противоречит общепринятой идеологической догме данного времени. Иногда открытия и находки противоречат общепринятому и вступают в конфликт с простой человеческой инерцией.

Вне сферы науки существует множество вещей.

Любовь кажется вполне реальной, но ее никогда не мерили. Красоту искусства измерить невозможно. Нельзя объективно проверить такие концепции, как «утилитаризм» в классической экономике или «рабочая теория стоимости» в марксистской экономике. Однако со всеми этими понятиями можно иметь научное отношение. Математические процедуры применимы к чему угодно. Математическая мишура затеняет отсутствие основания под чем-либо, но все же способно давать интересные результаты.

Технология Общества.

«Технократия» декларирует, что деятельностью социальных механизмов управляют законы термодинамики. Мудрость этого предположения довольно очевидна, если несколько поразмыслить.

Термодинамика заключается в законах энергии и способах ее перемещения (движения). Не очень блестящая, но такая, как есть, формулировка энергии состоит в том, что энергия – это «способность совершать работу». Работа, в свою очередь, – это сила, умноженная на расстояние перемещения, производимого ею.

Мощность – это работа, помноженная на затраченное на ее выполнение время.

К счастью, при исследовании систем применяется только два закона термодинамики. Первый закон гласит, что нельзя создать что-либо из ничего. Обязательно используется исходная данность. Эту исходную данность можно преобразовать из одной формы в другую, как это делается на предприятии с паровой энергией. Вторым законом гласит, что за все, что производится, требуется заплатить ценой, выраженной в энергии. При любом преобразовании что-то неизбежно теряется. Это нечто называется энтропией.

Движение или перемещение чего-либо невозможно без расхода энергии. Человеческие существа, автомобили и ядерная электростанция имеют одну общую вещь – все они являются устройствами, преобразующими энергию. Ядерная электростанция преобразует энергию расщепляемого урана, или другого расщепляемого элемента, в энергию. Автомобиль преобразует энергию,

содержащуюся в бензине, в движение. Человек преобразует пищу в полезную работу. Иногда.

Природные ресурсы нуждаются в энергии для того, чтобы их транспортировали от месторождения в товары потребления. Урожай нуждаются в энергии для посева, вскармливания, уборки, транспортирования и приготовления пищи. В каждой субстанции, температура которой выше абсолютного нуля, присутствует энергия. Конечно, большая часть из них реально не может быть использованы ни в каких целях, если нет способа этого достичь.

Первичные двигатели, т.е. устройства, производящие энергию (генераторы), или, для большей точности, преобразующие энергию из топлива в работу, устроены таким образом. Для того чтобы вырабатывать энергию, которая может быть использована в общественных целях, им необходимо вырабатывать энергии больше, чем потребляется.

При размышлении это становится вполне очевидным. Энергии, возвращенной взамен израсходованной, должно быть больше. Если это не так, то у вас просто прибор, а не источник энергии.

Все другое, отличное от первичных двигателей, потребляет энергию для производства работы, которая от него ожидается. Каждому устройству, производящему работу, требуется на производство этой работы определенный минимум энергии.

Во всех случаях, этот минимум при работе устройства превышает.

Другими словами, на выполнение работы всегда требуется больше энергии, чем может быть получено по расчетам.

Ножки стола всегда получают из солидного куска древесины. Если мы получаем ножку, которая просто-напросто представляет собой круглый вал, то довольно несложно вычислить требуемое минимальное количество энергии. Требуемая сила равняется напряжению сдвига вдоль грани для данного вида древесины, умноженному на площадь поверхности ножки. Если ножка просто выдавливается (выпрессовывается) из древесины, то сила в начале выпрессовки равна полному необходимому количеству, а в конце выпрессовки падает до нуля. То есть, это означает, что необходимая работа составляет произведение между половиной длины ножки на силу.

Но ножки стола не производят таким образом. Вместо этого кусок древесины вставляют в шпиндель токарного станка.

Заготовка вращается на высокой скорости приводящим токарный станок мотором. Подрезающее лезвие строгает древесину до тех пор, пока не будет получена необходимая форма. Если к силовой линии, питающей мотор на токарном станке, подключить преобразователь

тока, то можно будет измерять требующуюся для ее производства энергию.

Если теперь разделить минимальную энергию, необходимую на производство ножики, на энергию, которая была действительно использована, а затем умножить результат на сто, то будет получена эффективность процесса. В большинстве случаев это окажется разочаровывающее малым числом. Аналогичным образом может также быть определено и измерено большинство, если не все, из процессов, необходимых для действия нашей социальной системы.

Если бы мы проделали это с каждым процессом, происходящим в нашей системе, то мы получили бы общее потребление энергии и эффективность всей социальной системы. Энергия, потребляемая нашей системой, является действительной физической ценой ее функционирования, и ценою нашей жизни.

Ценность такого учета очевидна. Но почему же это не делается? Причина проста. Мы живем в обществе, озабоченном только одним – деньгами. И что же такое деньги? В небольшом мысленном эксперименте представьте, что некто вынужден отправиться на Луну. При этом у него имеется миллиард долларов, но нет достаточного для возвращения обратно количества топлива. Насколько полезны будут все эти деньги? Все, что Вы сможете, это сидеть там и рассматривать свои деньги, пока у вас не закончится либо кислород, либо пища. Затем, увы, Вам придется умереть.

Деньги сами по себе не имеют никакой ценности. Ценность имеет вещь, которую за эти деньги можно выменять. Наше общество сфокусировало все внимание свое на мираже. Большое количество денег иметь можно. Но они-то ведь никому не принесут никакой пользы. Не важно, как много их может быть, но они не смогут купить ничего.

Человеческое Уравнение

Деньги – они контролируют наше общество. Они заставляют нас делать то, что в физическом смысле, противоречит нашим наилучшим интересам, если вообще не состоит к ним в прямой оппозиции. Увеличение до максимума доходов по большей части означает максимальное потребление. Это расшифровывается как потребление с самой высокой скоростью природных ресурсов Земли, при максимуме потерь и расходов. Исчезнув однажды, природные ресурсы не смогут быть воссозданы. В настоящее время даже возобновимые ресурсы человечество потребляет со скоростью, превышающей скорость их восстановления. Из океанов выкачивается рыбный запас, а суша лишается растительного покрова.

Экономисты проталкивают политику поощрения быстрого роста населения, так как это означает новых клиентов, и, как правило, более

низкие цены на труд. В результате человеческое население плодится, как тараканы в трущобе. Если населению нации не удастся разрастись до удовлетворения интересов бизнеса, то поощряется иммиграция из регионов с более высоким показателем рождаемости. Тех, кто протестует против иммиграции, часто путают с теми, кто противостоит самим иммигрантам. Эти двое – не аналоги. Если те нации, у которых низкий или отрицательный показатель роста населения, вынуждены работать как пропускная система для тех наций, которые не хотят или не могут себя контролировать, то все мы очень быстро окажемся в одной загнившей бочке.

Люди всегда хотят верить тому, что создает для них комфорт.

Люди хотят верить, что их правительство всегда находится на правильной стороне вещей, и всегда говорит им правду. В результате весь механизм принятия решения обществом основывается на мифе, а не на действительном знании. Во Вторую Мировую Войну солдаты двинулись воевать, веря в то, что «Gott Mit Uns». Что в переводе «С Нами Бог». При виде кровопролития и хаоса, который они причинили, остается только догадываться, на какой сорт Бога они ссылались.

То, что они видят и слышат, люди фильтруют через свой прошлый опыт. Вполне вероятно, что именно этот факт, более всяких других, ставит человечество на попятную. Новый способ воззрения на старую ситуацию часто рассматривается как с непониманием, так и со страхом.

Человеческая раса развила прекраснейшие способы анализировать проблемы, но лишь немногие люди имеют опыт в этих методах. И кажется, что немногие из тех, кто умеет пользоваться этими методами, способны применять их для решения, или хотя бы для анализа, социальных проблем.

Те, кто имеет выгоды от работы текущей социальной системы, потратили множество усилий на то, чтобы иметь возможность контролировать, свергать, кооптировать, истреблять, или, если это возможно, то и всецело уничтожить группу или организацию, которая рискнет поставить под вопрос доминирующую идеологию. Даже те, кто замечает некоторые очевидные трудности в работе системы, хулят технологию, неверное политическое управление, отсутствие «нравственного стержня» и множество тому подобных причин; но на работу самой ценовой системы не многие обращают внимания.

Настоящая опасность, как случилось при коллапсе всех других цивилизаций, таится в том, что те, кто способен разглядеть приближающееся разрушительное несчастье, продолжают делать все, что в их силах, чтобы уберечь систему от любых возможных альтернатив. Быстро раскрывающаяся раковина, ищущая способа, каким защитить себя, - любой ценой, - становится еще более хрупкой, и еще более лишенной каких-либо позиций для отступления, кроме

полного коллапса. Когда ресурсы истощены, дальнейшая экспансия становится невозможной. А ценовая система не может существовать без расширения.

Этим озабочена «Технократия». Она способна смотреть сквозь барьер и видеть полностью новый уровень человеческого социального существования. Хотя довольно часто даже ее собственным членам не удается увидеть этого достаточно явственно. Но отчетливое видение этого становится, более чем когда-либо, необходимым. Тем более, что та подделка, какой является наша текущая ценовая система, становится всё более хрупкой и пустотелой.

Список Рекомендуемой Литературы

The Ancient Near East Vol. 1—Pritchard
Egypt, Canaan and Israel in Ancient Times—Donald Redford, Princeton University Press
The Classical Greeks—Michael Grant

В особенности части об ораторе Демосфене, и Сократе, Панэллинском Просветителе. Свои стилистические корни эти три памфлета берут отсюда.

Conversations with Kafka—Gustav Janouch
Meetings with Remarkable Men—G. I. Gurdjieff
The First and Last Freedom—J. Krishnamurti
The Theory of the Leisure Class—Thorstein Veblen
The Thirteenth Tribe—Arthur Koestler
The Technocracy Study Course— Опубликованная впервые в 1934 г, эта книга - ключ к пониманию Технократии.

Технократия является просто культурно-философской концепцией, такой же, как и Ценовая система. Но разница между ними огромная. Это два разных взгляда на две различные культуры. Оба жизнеспособные. У одного, однако, есть сердце, и он возвышает нас; второй жесток, и он деградирует. Сила Технократии – в поэтическом, освободительном воззрении, заложенном в глубине ее сердца. Это реалистический план выживания со всеми, улучшающими жизнь, выгодами.

“Many of the ideas in this book have never been said more directly or eloquently.”

Robert Ahmann

Director of the Dalmatian Literary Review

«Многие из идей, присутствующих в этой книге, никогда ранее не выражались более прямо и красноречиво».

Роберт Аман

“A classic for thinking people, it peels off layers of the lies and misconceptions concerning our most fundamental views of the world. Very Liberating!”

Media Clearing House

«Классика для мыслящих людей, она снимает слои лжи и неправильных понятий, связанных с нашими наиболее фундаментальными формами мировоззрения. Очень Освобождающе!»

«Медиа Клиринг Хауз»

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Пока выполнялся перевод, появилось такое стихотворение. Думаю, я могу добавить его в финале данной работы, так как это некоторое обобщение тому, что я здесь познал. А также, выражение того, что было навеяно материалом.

Спасибо всем, кто нашел время познакомиться с данной волной, «Технократией», достаточно интересной, как мне кажется.

Вне всякого сомнения, что в политике отсутствуют такого рода движения по вполне определенным причинам. Хотя на их месте уже давно следовало бы собрать все лучшие умы еще раз, и на ООН-овском уровне порешать главный вопрос Эры Новой Технологии — вопрос о Системе Распределения Материальных Благ между индивидами, живущими в эту технологическую эру.

Хотя, возможно, кто-то скажет, что Россия, мол, не Северная Америка...

Вполне очевидно, что в недалеком будущем (если не в настоящем) нашу страну ожидает (как и весь остальной мир) принятие решений по аналогичным вопросам. Остается надеяться на спонтанность, о которой упоминалось в книге. Но, честно говоря, безработица - штука, с которой долго не протянешь.

Я сам — первый живой пример безработного.

Спасибо тем бурных годов конца прошлого века. Они лишили сбережений родителей, не дали возможности реализовать свои образовательные стремления; отняли практически десятилетие на то, чтобы ... по-прежнему неустойчиво держась на ногах ... по человечески продолжать на что-то надеяться, вспоминая недалекое милое детство, как это делают многие из моего поколения.

Итак, стихи!

Увы, назвать как-то это «творение лиры» мне почему-то затруднительно. Сойдет и так (?) В общем, к вашим услугам!

Кстати, изучение «Технократии», возможно, будет продолжено.

Кто побывает на ее сайте, поймет, что у них есть еще интересный материал. В принципе, неплохо бы собрать все это в одну хорошую общую энциклопедию.

Всех благ вам энергетических: здоровья, пищи, любви, а иногда - работы! А также тепловой энергии солнечного света и тепла!

Каждый знает, о чем мечтает, и что имеет.
Но не каждый то, что имеет, изменит.
Есть реальность. Она зависит от многих.
Потому-то у всех едины должны стать дороги.
Мы сквозь невежество мыслью пробьемся,
Мы - по отдельности - каждому - счастья добьемся.
Счастье в том, что, бредя своею дорогой,
Наблюдаешь, что вместе с другими идешь в одну ногу.
Счастье в том, что мысль каждого – маленький лучик:
Вместе прогонят они густейшие тучи.
Счастье в том, что границы предельно условны
В том, наконец, что весь мир из одной отлит домны.
Счастье в том, что история плавит весь мусор,
И всё ярче венчают наш разум прозрения бусы.
Счастье в том, наконец, что мученьям конец подходит,
И система насилия тихо себя низводит -
Та система, берущая корни свои от древних злодеев,
С каждым часом всё больше у нас почет не имеет.
Да, когда-нибудь свалим мы деньги в кучу как мусор,
И поймем – как же проще без этой обузы...
Это прадедушка мой, ремеслом вручную страдавший,
Был первым, свой труд за бешенный бартер продавший.
Потом для размена на свет появилась монета,
А с ней – и система, козлов отпущенья гонять без просвета.
Повсюду враги у нее! Повсюду напасти!
И жертвы всегда ей нужны, не утратить чтоб власти.
Теперь же спустились пары: энергия пара
Стала началом системы былой перегара.
Она еще тлеет. Она еще мечется. Больно
Смотреть на это: пора бы сказать «довольно».
Мы все отлично читать и считать умеем,
И знаем, в чём новую эру почти, вот-вот уж, сегодня имеем.
Когда машина – от пара взведенная – дедов метод побила,
Она и систему дедовских жидовств зацепила.
Товар, что машина кует, дается дешевле.
Машина творит быстрее...
Стоп.
Разуму внемлем!
Счастье в том, что мысль каждого – маленький лучик,

Но вместе они прогонят густейшие тучи.
Счастье в том, чтобы в НОВЬ пролагать дороги,
Вновь и вновь не сбивая о Камень столь нужные ноги.
А зачем же ходить, коль на месте одном спотыкаться?
Хватит спать, пора уже просыпаться!
Спящий люд за рулем - всегда причина аварий:
Пока спит Разум, невежество миром правит.
Кто сказал, что счастье где-то за гробом:
Не тот ли, что жизнь – и не только твою – загробил?!
Кто сказал, что нет в мире святей затеи,
Кроме как гробить себя, загробье свое лелея?
Ну, конечно, сказала система предка,
Которая в «души» стрелять научилась метко.
Уши развесил, чудак! Пред тобою – призрак.
Как звездный свет – клон бывшего свеченья. Звездная тризна.
Оглянись: ты в каком появился столетьи?
Неужели и здесь вокруг – одни малые дети?
Неужели и здесь разум ничто пред ничтожью?
Да ты очумел, на шоссе у тебя бездорожье!
Но, став реалистом и ближе сойдясь с физическим миром,
Ты вскоре поймешь: человек стал своим же вампиром.
Он природу порой называет «мамой».
Но в этом названии есть одна драма:
Дитя человечье теряет, взрослея, родителей.
Но это сказать невозможно о маме – природной обители.
И ты, человек, это новая почка на ветке
Единого древа мира. (Выводы, «детка»?)
Вывод такой: часть от части частей
Всецелого в частности древа.
Люди – направо, природа – налево!-
Тоже сказала когда-то система...
Ну, вот, почти что исчерпана тема.
Не будем цеплять вопрос о природных ресурсах –
Они земли общая кровь... (Это опустим).

Теперь ты всю истину, друг мой, о Жизни знаешь.
Так в чём же теперь для себя смысл её понимаешь?
Как жаль, но слова – лишь слова. Когда на бумаге.
А у всех свои темперамент, понятия и тяги.
Не за рифмой гнался поэт, но за смыслом.
Да пребудут у всех мысли чистыми!

Итак, мы познакомились с материалом, который описывает главные идеи Северо-Американской Всеконтинентальной Организации «Технократия». Делая перевод, я, естественно, старался привести его в соответствующую литературную форму, и иногда несколько расширял текст, как этого требовалось из соображений полноценности русского эквивалента. Так, в некоторых местах оригинал содержал некий намек, или же эмоциональное обобщение, возможно, понятное для английского читателя. Для русского читателя это показалось бы просто небрежным окончанием главы, где у нас по всем традициям предполагаются «самые сливки». В общем, моих добавлений не так уж много. Вы их обязательно заметили.

Но дело не в этом.

Хотя я и представил в конце книги свой комментарий со стихотворной патетикой, это только оттого, что полностью согласен с несуразностями «Ценовой системы» и необходимостью ее пересмотра, а, по возможности, и замены более функциональной системой.

Однако, кроме доказательств необходимых изменений и объяснения причин, по которым их следовало бы внести, у «Технократии» (в данном материале) очень немного действительно ценных находок по поводу того, каким образом все это может быть реализовано.

Единственно, что ясно из всего прочитанного, это желание заменить систему оценки стоимости с непонятной утраченной эквивалентности «одной коровы десятку овец» на эквивалент затраченной на корову и овцу энергии (в КВт и т.д.). Тогда, сколько коров придется на одну овцу, выяснится на научно-неподкупном основании, и равноценность одной коровы десяти овцам станет несомненной.

Однако на деле реализовать это будет непросто. Судите сами. Во-первых, энергия начинает расходоваться еще с рождения животного. Помимо энергии израсходованных кормов, прибавляется энергия ухаживающих людей. Необходимо учитывать и некоторые другие факторы. В целом, как известно из текущей системы расчетов, процесс разбит на множество секторов. Поэтому, стоимость кормов (в КВт) будет определяться на кобмикормовом заводе; стоимость скошенной травы – иным путем; а стоимость откорма составит в итоге сумму множества стоимостей, взятых совместно по нескольким секторам. Сюда еще войдет надбавка, выплаченная фермером при покупке кормов у их сбытчиков, и надбавка, компенсирующая труд самого фермера по выращиванию.

Все это довольно смутно, так как требования к приборам, оценивающим стоимость, оказываются весьма огромными. (А таких приборов пока нет!)

Другой момент заключается в том, что человеческий труд оценен в 1/10 лошадиной силы. Но, для того чтобы применить эту свою единицу

производительности практически, человек вынужден расходовать массу других вещей, имеющих «стоимостный эквивалент». Так, например, существует дневная корзина потребления, в которую входят не только продукты питания, но и, допустим, бензин, электричество, вода. Ведь, чтобы разобраться с порядком оплаты, нужно знать общий расход человека, коль уж сравнивать его с «прочими двигателями». Причем у любого двигателя есть разные режимы расходования энергии.

То, что мы наблюдаем сейчас, даже при денежной системе расчета, показывает, что ежедневно большую часть энергии человечество просто восстанавливает своим трудом. Имеется в виду энергия, необходимая для существования общества в целом. Общество просто вынуждено (и по большей части, увы, именно денежной системой) постоянно балансировать между нулем и некоторым диапазоном, после которого наступает «профицит» (А потому у него всегда есть только две «угрозы»: оказаться в «профиците», либо же оказаться за нулем. Причем катастрофа наиболее ощутима в последнем случае.)

Кроме того, у нас какая-то треть населения планеты составляет трудоспособных граждан, а две другие трети приходятся на пенсионеров и детей. То есть 1 треть граждан планеты вынуждена выполнять тройную работу, чтобы обеспечивать другие две трети (про четвертую треть не скажем ничего – это наши миллионеры). И эта часть «обреченных» вынуждена будет совершать все «дела земные и реальные» практически всегда.

Итак, давайте измерять расходы энергией, в энергетическом эквиваленте!

Суть такого перехода, боюсь, может еще хуже отразиться на самом человеке, если к нему станут относиться как к маломощному двигателю, чего о нем сказать не следовало бы. Да и при всем причислении человека к животным, наука, несомненно, обнаружила и то, что кроме человека нет другого такого животного, у которого имелось бы столь огромное число уровней ассоциаций. А, следовательно, человек – вершина животного мира.

Поэтому, дальнейшая оплата человеческого труда должна зависеть не от его физической мощности, а от интеллектуальной емкости. К сожалению, образование у нас не у каждого человека блещет, так как ныне этот блеск непосредственно связан с блеском иного рода, который имеется в кармане не у каждого.

Да, вот еще, несмотря на то, что не все граждане задействуются как работоспособное звено, тем не менее, машины и агрегаты большинство из этих граждан, на самом деле, оставляют без работы. И этот процесс продолжает нарастать. И проблема, которая волнует «Технократию», взята не из басен. С этой реальностью живет уже практически всё население планеты.

Думаю, данный перевод, хотя он и имеет некоторые знакомые до банальности вещи, все же, кое-кому покажется полезным и актуальным. Тогда он, действительно, выполнен не напрасно.

ЗДРАВСТВУЙТЕ! ЭТО СНОВА ПЕРЕВОДЧИК ВАС БЕСПОКОИТ.

Неужели вы подумали, что на этом бреде, основанном «на мотивациях текущей превалирующей системы» (по большей части), эта книга и завершится?

Напрасно, разрешите вас снова побеспокоить, ведь книга продолжается. Нам нужна полная ясность!

Вот другая статья, взятая непосредственно с сайта «Технократии». Она более полно передает стратегию «Технократов». И вы, думаю, поймете, как это случилось в свое время со мною, что эти люди искренно намерены обыграть Ценовую Систему, а потому они и «сублимируют», скрывая в полупамятах то, что знают. Потому и непонятно во всей полноте, поддерживается ли в технократическом варианте будущего вообще какая-то система оценок стоимости, либо у них все превращается в пропорции и так далее.

Кроме прояснения, в следующей своей статье «Технократия» снова наносит удар по тому эгоисту в человеке, которого я недавно называл «царем животного мира». Этот царь, по сути, становится у них, выражаясь на тюремном жаргоне, «зарвавшимся» недоумком.

При этом сам я ныне, или точнее в некоторых предыдущих рассуждениях, вероятно, был похож на одного тошнотворного типа, о котором рассказывается в следующей статье... Надо исправляться! Причем, немедленно.

Итак, добро пожаловать! Новая пища для размышлений от «Технократии».

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

«Technocracy» всегда настаивала на том, что тип предлагаемого ею механизма общества не просто желателен; но и необходим. Просматривая этот памфлет, мы задаемся вопросом: «Сможет ли человек вообще существовать на этом Континенте, если коренным образом не изменит своих методов управления?»

Из Журнала 'The Technocrat' Vol. 16, No. 12. Copyright 1948

Этот памфлет не очень приятен для чтения. Он испугает читателя осознанием того, насколько близко привела нас плутоватая Ценовая Система к краю, и как настойчиво наши невежественные политические и финансовые лидеры игнорируют этот факт. И именно этот устойчивый отказ, иметь дело с фактами, является причиной всех наших трудностей как нации за последние тридцать лет.

Экология – это изучение организмов в их связи с окружающей средой. Так как ни один организм в мире не живет строго только для себя самого, то в изучение экологии входит взаимосвязь многих организмов, а также отношения этих организмов с неорганической средой.

«СЕТЬ ЖИЗНИ»

Об этом комплексе часто говорят как о «сети жизни». Главными составными компонентами окружающей среды являются растения, животные, минералы и вода, вместе с другими факторами различной важности, которые в нашей текущей дискуссии будут опущены.

Когда в окружающей среде заметна существенная стабильность, то есть когда условия и взаимоотношения из года в год не претерпевают большого изменения, мы говорим об этом как о «природном балансе». Когда между растениями, животными, минералами и водой существует устойчивый, динамический баланс, преобладает в частности немаловажное условие – возврат ингредиентов в окружающую среду год за годом в основном равен тому, что из нее вынимается.

Например, отмирающие растения и животные заменяются аналогичными растениями и животными. Воды за год изымается не более, чем накапливается. Плодородие, вынимаемое из почвы, восстанавливается. При подобных условиях, не учитывая общего геологического изменения, преобладающий вид окружающей среды может поддерживаться неопределенный период времени.

Однако природное равновесие нередко нарушается. Целая территория может оказываться под влиянием геологического изменения; такого как изменение климата (температуры и влажности) или изменение ландшафта или топографии. Местное изменение гораздо меньшей величины происходит тогда, когда территория выжигается, или на нее наползают песчаные дюны или вулканические отложения.

Вслед за событиями, стирающими с лица земли всю, или почти всю, жизнь, должен иметь место период повторного заселения. Первая жизнь, появляющаяся на территории, называется «пионерской» флорой и фауной. Пионерская жизнь временна; вскоре она заменяется другими видами жизни, как только для них подготавливается подходящая среда. За этими в свою очередь следуют иные формы. Таким образом, наблюдается жизненная последовательность – серия изменений в органических компонентах среды, при которой последовательно сменяются переходные виды, всего лишь ради того, чтобы вновь сойти со сцены.

В конце концов, создается новое равновесие, которое так же устойчиво. Окончательная ассоциация растений и животных в экологической последовательности известна как климактическая (от *climax*) ассоциация. Она может оставаться устойчивой на протяжении долгого периода времени.

Как пример для последующей иллюстрации, можно использовать выжженную лесную территорию. В этом случае, пионерскими видами растений, вероятнее всего, будут различные типы трав, вид которых зависит от географической местности, влажности и рельефа (высоты над уровнем моря). Как доминантные виды они не смогут оставаться надолго, и вскоре их положение будет узурпировано другими видами – вероятнее всего, различного рода кустарниками. Эти, очевидно, заменят деревья, а эти первые деревья сменятся другими видами деревьев.

В конце концов, разовьется климактическая флора, которая перманентна. Эта флора, и связанная с ней фауна, составят уравновешенную, не только с органическими компонентами, но и с водным запасом и минералами этой

территории, ассоциацию. Однако для того чтобы переходные изменения привели к климактической ассоциации, могут понадобиться многие годы. Эта климактическая ассоциация может и не состоять из тех же видов растений и животных, которые преобладали до пожара. Вопросом главной важности является то, чтобы данная ассоциация была уравновешена, и способна поддерживать себя в плане органической конкуренции за данную территорию.

СЕЙЧАС ПРЕОБЛАДАЮЩИЙ ВИД - ЧЕЛОВЕК

Среди экологических ассоциаций этого мира человек сейчас является самым доминирующим видом животного, за исключением небольших территорий, куда он не смог проникнуть в больших количествах. Хотя человек является составной частью мирового природного баланса, с недавних пор своей историей он стал оказывать возмутительное влияние на этот баланс. Благодаря врожденным высокому интеллекту и изобретательности, а также его социальной организации, человеку все более и более удавалось склонять динамический баланс в свою пользу.

Изобретение оружия и инструментов, использование огня и развитие языка (как средства общения и общественной памяти) дали человеку решительное преимущество в борьбе за выживание перед другими животными, сравнительно такого же, как и он сам, или даже большего, размера. Одомашнивание растений и животных, и другие технологические разработки, веками повышали это преимущество, до данного этапа, когда человек практически повсеместно стал самым доминантным видом в окружающей среде. Или, как минимум, по цифровым значениям произведенного им воздействия.

В течение 98 процентов 7000-летнего цивилизованного существования человека на Земле, этот технологический прогресс был настолько медленен, что возмущение экологического равновесия имело небольшую величину, и являлось лишь локальным по своему воздействию. Но последние два процента этого времени - последние 140 лет - показывают другую историю. За это время человек превратился в естественное зло для Земли. Он истребил и истощил многие виды, которые когда-то ходили по земле, летали по воздуху или плавали в воде сотнями миллионов. Он взрыхлил дерн и настолько подстегнул рост растений, что многие территории, которые ранее были зеленеющими и покрытыми лесами и травами, ныне истощены. Экологическая среда, в которой человек может процветать как вид, ныне сокращается из-за его собственного безответственного поведения.

Человек также допустил рост своей собственной популяции до такой точки, где он стал фактором саморазрушения. Ему приходится не только воевать с другими элементами окружающей среды ради своего выживания, но и бороться внутри собственного вида, чтобы определить, какие группы и какие индивиды должны выжить. Не важно, кто и как пытается рационализировать значение человеческой жизни, но никто не ускользает от заключения о том, что на Земле слишком много человеческих существ.

В результате этой перегрузки человеческой популяцией, разрушение лесов и прочей органики, потребляемой в процессе человеческой жизнедеятельности, во много раз больше, чем сопутствующее восполнение определенных видов. Выедание скотом просторов на западе Соединенных Штатов, например, настолько понизило количество съедобных трав и вызвало эрозию почв, что эти просторы не могут поддерживать более чем небольшой части от того поголовья, которое они поддерживали пятьдесят, и более, лет назад. Народ Северной Америки вырубает леса быстрее, чем они восполняются. Даже в океанах определенные виды жизни иссякают; и не только большие киты, но и некоторые виды моллюсков и рыб, используемых в пищу.

ЧЕЛОВЕК СОЗДАЕТ УГРОЗУ СВОЕЙ СРЕДЕ

Но не только одни эти, органические, факторы окружающей среды потревожены на Земле недавней деятельностью человека. Возмущение также распространяется и на неорганические элементы. Среди них находятся подземные воды. Миллионами лет твердь земли была насыщена до определенного уровня водой. Этот уровень известен как «водный

пласт». В очень многих местах эта часть земли затронута человеком. Им производится отбор воды, в результате которого водный пласт опускается ниже. Во многих местах им уничтожен растительный покров, по этой причине ускорилось испарение, и, следовательно, меньшая доля воды просачивается в почву. Он бурил скважины и откачивал воду из-под земли, с большей скоростью, чем она восстанавливается естественным путем. Он превратил многие озера, ручьи и подземные потоки в водные резервуары для больших городов, а затем увеличил население этих городов до уровня, превышающего возможности удовлетворения их потребности в воде. Таким образом, на многих территориях,- там, где когда-то существовал адекватный - для снабжения на долгосрочной основе умеренного (в численности) населения – водный запас,- сейчас наблюдается дефицит воды, возникший из-за неконтролируемого роста населения и близорукой эксплуатации водных ресурсов.

Другой неорганический фактор, который неправильно используется человеком, - это пахотная почва Земли. По оценке около четверти исходной пахотной почвы на Земле разрушено, причем большая часть остальных почв повреждена. Только на основании фактора пригодности почв можно утверждать, что на Земле уже более чем на 600 миллионов человек больше, чем почва может прокормить на самой скромной диете. Но население увеличивается со скоростью более 20 миллионов в год, а площадь продуктивных почв в акрах уменьшается.

Но самые критические факторы влияния человека на экологический баланс не в этом. Во время своего индустриального роста, сопровождавшегося расточительной практикой эксплуатации бизнесом недр, человек хищнически использовал многие минералы, от железных руд до фосфорных удобрений. Ряд наиболее редких из этих минералов подходит к стадии дефицита, а некоторые другие быстро приближаются к истощению. Например, Соединенные Штаты более не в состоянии обеспечивать свои собственные текущие потребности в меди, олове, цинке, вольфраме, марганце и бензине. Для удовлетворения своих внутренних потребностей все это ими экспортируется. В этот список скоро будет добавлена железная руда.

Еще немного, и встанет вопрос, сможет ли человеческий вид поддерживать на этом Континенте свой текущий индустриальный шаг следующие десять или сто лет. При взгляде на общую картину мы пренебрегли деталями, которые поддерживают общие выводы, но этих деталей более чем предостаточно.

Важная вещь, которую мы пытаемся преодолеть,- это широкоформатная проекция экологического тренда человека, особенно в ее отношении к североамериканскому континенту. Самое большее, что мы можем сказать: Человек не сможет жить на Североамериканском Континенте в следующем своем поколении так, как жил в своем прошлом поколении. Он вел себя слишком расточительно со своим наследием. Это привело к его отречению от окружающей среды.

Люди Северной Америки не смогут, даже сколько-то лет еще, продолжать свои свободные предпринимательские действия с текущим размахом.

Окружающая среда уже не долго будет снабжать сырьем человеческий натиск подобного рода. То, во что превратится будущее людей, ныне живущих на континенте, страшно вообразить. Однако граждане Северной Америки, вместо того, чтобы признать этот уклон, слепо и крикливо продолжают наращивать показатели тех самых факторов, которые делают наиболее весомый вклад в падение его хваленой цивилизации.

При своем текущем образе действий человек не является в окружающей среде климатическим видом. Он представляет собой переходный вид; поскольку он берет из среды больше, чем туда возвращается. Следовательно, в ходе событий запланирована утрата им доминантной позиции в органической ассоциации; возможно, его заменой как «вида номер один» на что-то другое. Будет ли это «нечто другое» насекомым, грызуном или сорняком,- коль уж человек уступает, для нас не столь важно.

Такие же факторы, как и те, что указывают на тенденцию вниз, здесь, в Северной Америке, в большей или меньшей степени относятся и к другим частям света. В сумме они таковы: Перенаселение; эрозия и истощение почв; уничтожение лесов и просторов; избыточное использование подземных вод; истощение запасов жизненно-важных минералов.

Человеку, изучающему тенденции, будущее человеческой расы на Земле представляется мрачным. И самый мрачный аспект состоит в апатии и вопиющем отрицании этого уклона со стороны так называемых лидеров. Бизнесмены и политики создают шум в пользу еще большего ускорения этих тенденций, которые уже и так в силе. Эти две группы социальных предателей даже предполагают третью мировую войну – самую мощнейшую из всех подобных войн, хотя те, кто хоть что-либо в этом понимают, предупреждают, что такая катастрофа истощит все ресурсы, от которых зависит промышленная цивилизация и «высокие стандарты» жизни.

Немногие изучающие людские дела признают то, что происходит. Они делают довольно усердный анализ ситуации. Их определения ясны. Их анализ преобладающих тенденций и оценка опасностей не оставляет сомнений в вероятности страшных последствий. Но они доходят до синтеза в пользу выживания, причем большинство из их предположений ребячески и фантастичны – им недостает смелости концепции и реализма, требуемых для данного анализа.

Типична для этого типа литературы книга Уильяма Вогта «Дорога к Выживанию». Автор выводит довольно четкую картину опасностей, перед которыми стоит человеческая цивилизация, и приводит некоторые из их основных причин. Его описание живо, анализ неплох, но синтез патетичен. В ранней части книги он рассказывает историю о китайце по имени Вонг. Вонг и его семья умирают от голода; поэтому Вонг отправляется проверить, не сможет ли он где-либо наскрести что-либо, чтобы поест. Наталкиваясь повторно на неудачу, Вонг в конце концов сдается и садится, чтобы умирать.

Уильям Вогт чем-то похож на Вонга. Он изучает ситуацию, видит факты, указывает на тенденции, показывает в целом, что должно быть сделано; но, глядя в будущее, он не видит никакой надежды. Сделав несколько ребячьих жестов в направлении синтеза, он спихивает проблему «в ноги богам», и, выражаясь интеллектуально, садится, чтобы умирать.

Вогт устанавливает, что в программе должно быть три части: «исследование, воспитание и действие на земле». Он понимает, что такая программа должна быть организована, но не знает, как следует организовать ее; он молится некомпетентности и выражает надежды, что ООН каким-то чудом приобретет видение и единство, необходимые для того, чтобы осилить эту задачу. Он выражает ненависть к большим технологическим операциям (типа Tennessee Valley Authority) и централизованным отраслям промышленности; ему хочется видеть некий ретрогрессивный шаг в сторону мелкомасштабного производства. Он желает наличия программы по контролю рождаемости, такой, чтобы она была добровольной, никому не обидной, ни человеку, ни учреждению. Он провозглашает свою веру в демократию и рекомендует, чтобы мы приготовились «затянуть пояса и принять долгий период воздержания». Он надеется, что, если эта дилемма станет известной всему человечеству, то люди каким-то образом увидят свет. Далее он заключает:

«Если мы вскорости не предпримем этих шагов и не перейдем к ним – короче говоря, пока человек не переделает свои жизненные манеры, в полнейшем смысле, под императивы, поставленные ограниченными ресурсами его среды – то нам можно просто отбросить всякую надежду на продолжение цивилизованной жизни. Как свинья Гадарена, мы скатимся по драчливому откосу к варварскому существованию в очерненных развалинах».

Это печальный комментарий к человеческому интеллекту, не способному составить адекватный план для своего собственного выживания. Теперь, когда человек стал доминантом в органическом мире и имеет все преимущества, кажется парадоксальным, что он должен в неразберихе угодить в забвение.

ТЕХНОКРАТИЯ ПРЕДЛАГАЕТ

Картина может, и в самом деле, быть столь темной, как рисует Уильям Вогт, но только в мыслях одного человека. Но у одного человека был интеллект, стратегический гений, и целостность в разработке идеи человеческого выживания, которая гармонизирует с фактами и социальными нуждами человека. В свое время, почти единоручно, этот человек, Говард Скотт, выработал стратегию социального поведения, которую можно было бы сделать шаблонным планом социальных действий для североамериканского континента. Эта идея со временем получила известность как «Технократия».

Но «Технократия» не стала популярной программой. Если бы человеку пришлось выживать, то ему понадобилось бы изменить свое поведение во многом; ему пришлось бы отбросить свои понятия об индивидуальной анархии; также ему пришлось бы отречься от своей политики, от деловых предприятий и бесконтрольного расходования природных ресурсов. Это не ладит с народом Северной Америки; и не в угоду его мягким, сентиментальным иллюзиям. Она нажила врагов и встретила с каменной стеной человеческой инерции. Она не являлась той идеей, которая могла бы завоевать народное признание и поддержку в один миг. Это была идея, которой нужно было медленно проникать в социальное сознание людей; этой идее требовалось расти и развиваться, чтобы ее время пришло. Но далее отрицать ее невозможно.

«Технократия» сегодня является единственным опровержением предсказания о том, что цивилизация обречена на провал. «Технократия»

утверждает, что у человека есть возможность остаться доминирующим видом на Земле, и в то же время продолжать наслаждаться высоким стандартом жизни в течение многих грядущих веков. Он может стать климатическим видом при новом экологическом равновесии; и он сможет поддерживать это при уровне существования даже более высоком, чем считается сегодня средним по Северной Америке. У нее есть единственный стереотип высокоэнергетического социального механизма, обороты которого не спадают.

Чтобы воплотить его, человеку необходимо принять новую стратегию своей социальной деятельности и изменить свой образ жизни в соответствии с этой стратегией. Он обязан возвращать в экологическую систему ровно столько, сколько берет из нее. Если человек сможет добиться этого, то он сможет выживать и процветать на Земле тысячелетие и более того. Если не сможет, то природа в своем отношении к человеческому виду примет очень безжалостный курс.

Шаблон «Технократии» относится к Северной Америке особо - как к некоторой операционной единице. Если в мире когда-либо потребуется установить научно-социальный контроль, то где-то это должно начинаться. Причин, по которым «Технократия» выбирает Северную Америку, две: (1) Именно в Северной Америке «Технократия» впервые возникла; (2) Северная Америка – наиболее легкое место, где можно реализовать такую работу.

Это не означает, что «Технократия» полностью игнорирует остальной мир; наоборот, ее серьезно заботят все территории Земли. Возможно, что «Технократия» будет введена и налажена и на других континентах; но вначале ее следует установить в каком-то одном месте. Где попало это сходу проделать нельзя. Самые неблагоприятные части мира должны быть оставлены в состоянии виртуальной покинутости, пока более благоприятные зоны не будут настроены и приведены в работу.

Вышесказанное не внушает того, что «Technocracy Inc.» располагает всемирной программой. Скорее всего, это расширенное предположение о будущем идеи. Единственная шаблонная программа «Технократии» предназначена для Северной Америки. Когда «Технократия» обоснуется здесь, для нас наступит время для более серьезного размышления над эпидемиологическими проблемами других частей Земли. «Технократия» - это сильная и реалистичная программа с превосходной стратегией, нацеленная на поддержку человеческого выживания и продвижения. Это не слабая философская мечта, зараженная вирусом благоволения, наполненного пожеланиями.

Концепция этой программы достаточно строга, чтобы довести до конца данную работу. Она также бескомпромиссна, как и жуткий вопрос, на который вскоре предстоит ответить, - вопрос выживания.

Существование человека при Ценовой Системе традиционно, ибо Ценовая Система не предоставляет концепции для долгосрочного выживания. Она позволяет человеку лишь «срубить» мимоходный барыш и «дергать» дальше. Bonanza предприятия Ценовой системы даже сейчас заводит в borasca. Новая концепция и новый образ экономической жизни для будущего обязателен, если экологическое положение человека войдет для него в область почитаемого. Это значит, что североамериканцы не в праве долее продолжать заниматься тем, чем они занимаются. Они могут либо упрямо придерживаться концепции status quo и совершать катастрофическую ошибку, либо же должны принять продвижение по плану, намеченному Говардом Скоттом, и в будущем двигать вверх. «Технократия» готова показать путь.

Для того чтобы продолжать находиться на высоком уровне цивилизации в течение неопределенного периода, североамериканцам следует выполнять следующее:

Они должны законсервировать пресную воду Континента и возвращать ее в почву таким образом, чтобы восстановить водный пласт; и поддерживать его на самом благоприятном уровне. Наиболее эффективно это можно сделать с помощью Континентальной Гидрологической Программы, разработанной «Технократией». Эта программа обеспечивает максимальное использование ресурсов пресной воды континента на сбалансированной основе.

Они должны вернуть в почву плодородие, которое вынута из нее в процессе выращивания растений и животных. По большей части это означает, что плодородие никогда не должно покидать почву. Мы не можем бесконечно зависеть от редких отложений минерального удобрения для того, чтобы наводить макияж на расточительное истощение естественного плодородия. Для такой программы требуется континентальная агробиология, научно разработанная, при которой урожай растений и приплод животных континента будут обеспечивать изобилие пищи для населения и продукцию для промышленности континента, не истощая продуктивность почв. Только «Технократия» может предложить стратегию, необходимую для решения данной проблемы.

Им следует быть осторожными в употреблении невозстановимых минеральных ресурсов континента. Вместо редких материалов везде, где возможно, должны использоваться более изобилующие материалы; а возобновимые материалы следует использовать вместо невозстановимых. Далее: Должна быть запущена программа максимального использования и максимального восстановления. Например, не следует позволять себе ежегодно выбрасывать 48 миллиардов металлических консервных банок и 26 миллиардов бутылок на национальные мусорные кучи, как и щедро использовать свинец в качестве основного ингредиента для красок. Эта программа может быть реализована, но не при Ценовой Системе. За ответом нам вновь стоит обратиться к «Технократии».

Им потребуется установить сбалансированное использование энергии. Не следует на долгое время планировать в качестве главного источника энергии ископаемое топливо. Вместо этого должна быть принята такая система потребления энергии, которая извлекает максимальное количество энергии из возобновляемых источников и минимум из невозобновляемых. Программа «Технократии» обеспечит такой энергетический баланс. Ценовая Система же, напротив, отказывается иметь дело с этой проблемой, но ищет способы истощить ограниченный запас ископаемого топлива с максимальным показателем, который принесет «чистый возврат» в смысле доходов.

Им следует внедрить программу по контролю над численностью населения, которая будет удерживать население в границах широкого диапазона возможностей, связанным с запасами пищевыми, водными, минералов и энергии. В настоящем Северная Америка всерьез не перегружена населением, но постепенно приближается к этому условию. Население Северной Америки не должно превышать 200 миллионов. Никакая

политическая партия не сможет коснуться проблем, касающихся населения, но готовый ответ всегда найдется у науки.

Здесь мы представили проблему Северной Америки в краткой форме. И указали несколько целей, которые должны быть достигнуты. Но вполне очевидно, что проблема не сможет решиться сама собой – по крайней мере, она будет решаться ничуть не похоже на тот способ, каким хотели бы сделать это мы. Она может быть решена лишь преднамеренным и скоординированным усилием части североамериканских граждан. Это будут те, кто выполняет тактику, поддерживающую стратегию для выживания.

У Ценовой Системы нет никакой стратегии на выживание; у нее нет даже механизма, которым может быть реализована эффективная стратегия. В своем долгом пробеге Ценовая Система накопила пораженческие операции. Она может только выкапывать ресурсы и двигать их. Но когда ресурсов не осталось – что далее? А этот день уже близится. Наше технологическое развитие приложило к этому такой момент, какого не прилагалось никогда ранее. Текущему поколению предстоит столкнуться с этой проблемой лицом и найти ответ.

«Технократия» всегда доказывала, что ее методы социального оперирования будут приняты не потому, что они желанны, а потому что необходимы. Выбор буквально остается между хаосом или «Технократией».

Наука, примененная к общественному порядку - вот единственный действенный способ для осуществления этого. Это метод «Технократии». Наука еще никогда не подводила человеческую расу; а бизнес и политика никогда еще не поступали иначе. «Технократия» - не бизнес, не политика, она - строго научна. Только она соответствует всем требованиям.

Как это для вас ни болезненно, вам следует принять решение. Ход Событий не позволит вам сидеть на заборе или долго колебаться. Так что, лучше всего решать немедленно. За кого вы – за «плутократов» Ценовой Системы, или же за Технократов? Не важно, насколько вы ловки в манипуляции непосредственным моментом, под «плутократами» вы не в безопасности. Единственное, стоящее чего-то, будущее – это будущее при Технократии.

Для того чтобы быть технократом, не требуется быть гением. Но вы должны обладать цельностью и разделять подход коллективного «пытания». Вы должны быть готовы функционировать в качестве

интегральной части самодисциплинирующегося органа, состоящего из людей с определенной социальной целью. При технократии будет множество «мелких» работ. При ней не будет места для индивидуальной анархии, напыщенного Эго или мнительности. Но там много места для действия, а именно действие выполняет работу. Там нет материальных наград и нет славы, выходящей за пределы удовлетворения от того, что делается именно то, что должно быть сделано.

Для всех, кто может квалифицироваться на этой основе, при Технократии найдется место и найдется работа. Вы способны квалифицироваться?

Уилтон Айви

(Wilton Ivie)

Published by Continental Headquarters, Technocracy Inc., Ferndale, WA 98248

Website: WWW.TECHNOCRACYINC.ORG

НЕБОЛЬШОЙ АНАЛИЗ И УТОЧНЕНИЕ

Во-первых, нужно признать, что несуразность всяческих религиозных доктрин в наш «высокоэнергетический» век уже осознана многими. Ученые более полтора века назад (если не двух тому) пришли к материалистическому воззрению на мир, то есть на природу, человека и на все остальное. И между ними, условно говоря,- то есть между истинными учеными,- с богами все давно покончено. (Я удивлюсь встреченному мною реально верующему ученому, пользующемуся научным методом и научным подходом (без «зазрений», в смысле, религиозной своей совести! Видимо, он принимает крещение для пиара церкви, которую поддерживает только как эклезиастицизм, служащий для удержания граждан.... Но если он ищет истину, то с наукой он прелюбодействует, изменяя Богу! Пусть ищет абсолют там, где ему посоветовал один из технократов. Наука – это детище материализма, а материализм и бог – понятия несовместимые).

То, что каждый человек, как правило, продолжает на любом этапе своей жизни вести себя «эгоистично» вполне естественно. Ведь Эго само по себе – это же нормальная связь человека с внешним миром, причем эта связь весьма динамична. Нет ни одного статического Эго, как нет в природе ни одного полностью статического объекта. Человек имеет две реальности – внешнюю, объективную, и внутреннюю, субъективную. Эго – это для каждого человека «интерфейс» (API) между его самолюбием (эгофилией) и ... его любовью к другим (альтерофилией или отрофилией и т.п.). А именно эти две вещи составляют показатель существенной уравновешенности человека как общественного существа (их пропорция — это показатель гармоничности Эго). (Подробнее об этом как-нибудь в другой раз).

Все в этом мире динамично. Если статичность и существует, то только в форме заикленности – когда внутренние силы настолько уравновешены, что пребывают в консервативном состоянии, осуществляя лишь внутреннее движение, не взаимодействующее ни с чем внешним. Это хоть и равновесие, но – динамическое.

В природе нет ни одной частицы, которая не находилась бы под влиянием определенных сил, вынуждающих ее постоянно выполнять различные движения. Потому говорят, что главное свойство материи есть движение («вечное движение», кстати, один из эпитетов, другая форма выражения того, что вообще именуется материей!).

В конце-то концов, то, что характерно для нынешнего общечеловеческого этапа истории, заключается в начале осознания людьми гигантской связи всех вещей в мироздании - между собой и друг с другом, - выраженной в определенных динамических отношениях всего со всем.

В прочитанной только что статье слышатся определенные нотки. В них доносится отголосок знакомого вопля юродивых о конце света.

Вопля тех людей, которые сладко дремали, пребывая в неприкосновенном невежестве, и вдруг были разбужены (и выведены из псевдостатического, то есть динамически уравновешенного, состояния возникшим извне динамическим напряжением, обращенным в их сторону). Эти люди напуганные неадекватностью, делают бессознательный порыв к новому возможному состоянию собственного «эгоистичного» равновесия.

Причем, дело не в доминировании. Отнюдь нет. Теория клюва – фикция.

Беда всех чудовищ и пугал – в собственном страхе.

Именно он вызывает у них боязнь за собственное равновесие (иначе называемое псевдостабильностью, поскольку в динамичном мире допустима только псевдоформа этого понятия). Этот страх заставляет их причинять нестабильность другим, более или менее, уравновешенным системам или, другими словами, людям и окружающей среде.

Именно эти «доминанты» (или истерики, выражаясь иными словами) в сражении за собственную псевдостабильность вызывают всяческие гигантские возмущения в любом окружающем их поле. (Некоторые из них поступают правильно, так как иного пути изменить ситуацию не находится; другие же доминируют, так сказать, где надо и где не надо). Большинство из нас делает это из-за создавшегося уклада, Ценовой Системы.

Как мы знаем, «иерархии» появляются на научной сцене еще на атомном уровне. Псевдостабильность (или иными словами, динамическое равновесие) в атоме зависит только от типа концентрирующего электроны ядра, и от количества этих самых электронов. Чем слабее ядро, тем динамичней и неуравновешенней движение электронов. Или, чем больше электронов, тем «радиоактивнее» (нестабильнее) ядро, поскольку его гравитационное влияние, удерживающее составленную из электронов периферию, слабее.

Это говорится для того, чтобы далее вспомнить про некий «общественный атом», который появлялся в свое время у некоторых философов как концепция.

Так вот, разница между реальным атомом и общественным атомом состоит в том, что в то время как в реальном атоме «народ» (т.е. электроны, отрицательная энергия) удерживается естественной, т.е. гравитационной, (положительной) силой ядра, то в обществе, атоме «общественном», эта сила весьма неестественна и именуется она «влиянием авторитета власти» и т.п., хотя реально исходит не от ядра, а скорее возникает как некий призрак (или фантом).

Хотя эти силы и различны (положительная гравитационная ядра атома, и авторитет власти или т.п.), в целом весь процесс, справедливо говоря, внешне выглядит практически одинаково: как электроны «клубятся» вокруг ядер, создавая друг другу все неприятности, выражаясь грубо, так и народ, находясь под влиянием своего

«ядерного» авторитета, готов бить морды и терзать друг другу тела лишь за то, чтобы власть ядра допустила его, причем в лице каждого из массы, а на практике чаще в лице конкретных индивидов («прошедших по конкурсу»), в те «орбитальные круги», где с динамическим равновесием (лично для данного индивида) все в порядке и ему можно будет далее бесконечно (или псевдобесконечно) наслаждаться псевдостабильностью.

Технократы, при всем своем научном мудрствовании, хотели выразить то, что выражу ниже я:

Технократия стремилась развеять иллюзию «общественного атома», так как сила, на которой весь этот атом всегда держался, строилась на невежестве и страхе самого народа, искусственно ставящего самого себя на колени перед определенными псевдоядрами общественного «атома», не важно были это языческие идола, бог, авторитет власти или же что-то иное (у «Технократии» это сконцентрировано под понятием Ценовой Системы).

Фокус заключался в том, что этот псевдоцентр общества всегда имел в своей собственности главную вещь – знание.

С его помощью он мог устраивать контроль над всем и каждым.

Причем контроль этот приводился в исполнение самой же человеческой массой, разделенной, и таким образом «прибранной к рукам» верховным идолом.

В целом можно во все века уверенно провозгласить данным идолом некую авторитарную, кастовую, иерархическую систему, искусственно созданную (из иллюзии, из ничего и, как правило, кучкой мудрецов, очень заинтересованных в этом) и поддерживаемую самими же людьми (всеми остальными и этой кучкой в большей степени). Для них это – светоч мудрости и ума, не важно монархия это, то есть культ личности, или же идея, то есть культ вроде денег.

Кучка эта, естественно, когда-либо «вымирала». А вот бой за наследование «титолов» продолжался. Если прямого наследования не было, то продолжение этой игры зависело далее от всего одураченного идеей народа.

Вполне очевидно, что сам народ, – как индивидуально, так и в виде разных группировок, – просто был задавлен гнетом того, что *сам же* хотел применить принцип индивидуального динамического равновесия, – ничего в нем не меняя, и никак не перестраивая, – к обществу в целом. То есть, в его стремлении к индивидуальному равновесию каждого из членов общества, находящегося среди таких же, изначально равных, членов общества, народом не учитывалось то, что в обществе такое равновесие становится подчиненным уже не индивидуальным, а общественным факторам.

Естественно этот принцип никогда не мог быть реализован.

Потому как ответ заключается в том, что уравновешенная личность и уравновешенное общество – это две совершенно разные вещи, две во многом отличающиеся друг от друга формации. И концепции

динамической гармонии по отношению к индивиду и обществу на вполне научном основании должны быть несколько иными.

Когда дороги всех людей сходятся на одном и том же, то есть в некоем центре, создается определенное напряжение, похожее на напряжение в атоме.

Это неплохо иллюстрирует следующее мое ироническое стихотвореньице («Желание»):

*Хочу я купить весёлую жизнь,
И долгие годы купить для счастья;
О смерти, горе хочу забыть,
Не ощущать чтоб одни напасти.
Но кто продаст мне мою весну
И не доведет к ней листопада?
И как другие меня поймут?!
(Ведь мне того, что и всем им надо.)*

Здесь кратко выражено осознание того, что кто-то уже занял место того умника, которым «должен» бы стать я, и мне остается только неясным путем с ним «конкурировать». Хотя, на самом деле, все лавры наперед принадлежат ему.

Общество создает культ личности, беря его прямые побег от культа личного эгоизма. При этом оно забывает, что в обществе есть множество других индивидов, которые ничуть не менее заслуживают того же самого олимпийского кубка или боевой награды.

Эта коллизия личностей, которую именуют конкуренцией, возникает из-за априорно неправильной ориентации целой массы человеческих индивидуумов на какую-то одну «святую» точку, или одно «святое место». Зачастую эти точки носят под собой очень реалистичный фундамент. Поэтому вся сумма факторов в сложившейся системе динамического «диспаритета» индивидуумов, вынуждает большую часть индивидов пассивно пребывать «не у дел».

Уверен, технократы давно это поняли, и они именно эти основы хотели изменить в обществе.

Теперь, когда положение со светочами и истинами изменилось, когда знание достаточно растеклось по обществу, и сознание человека все более выходит из его детского состояния, ирония технократии подкрадывается к нам ближе и ближе. Впрочем, это одновременно и ирония коммунистов; и ирония всяких прочих теоретиков... Фокус в том, что, получив абсолютное представление о себе самом и об обществе себе подобных, всякий индивид начинает утрачивать интерес в каких-либо несуразных лазаниях по вертикалям.

Когда сознание человека прозреет полностью, уверен, в обществе перестанет существовать большинство из ныне здравствующих

атавистических идеологий, которые все еще продолжают толочься в ступе политики. Обществу не нужны будут никакие партии. Ибо нормальное общество – это и есть в целом одна большая партия сознательных общественных индивидуумов.

Когда информация станет распространена по всем частям мира, благодаря революции в распространении знания, устроенной подспудно «Билами Гейтсами» и кибернетиками, человечеству не потребуются никаких иных центров и централизирующих систем, разве что хороших серверов с общественно-приемлемыми блогами и прочими способами коммуникации.

И ради денег никто более не будет шевелить пальцем – все будут заняты тем, что им кажется наиболее «общественно-полезным». Хотя, негласно, каждый человек будет следовать таким же точно нормам общественного поведения, как и другой, подобный ему человек. Причем у любого человека в правильном обществе будет присутствовать так называемое динамическое равновесие между эгофилией и отрофилией, а во всем обществе мы будем наблюдать так называемую Динамическую Гармонию.

Факт в том, что истина обычно успешно прилагается везде, где угодно. Она зависит от определенных элементарных свойств материального мира, которые распространяются и на все мироздание в целом, несколько трансформируясь на каждом отдельном уровне дискретизации, но не до столь уж неузнаваемой формы. Она имеет практически однообразные проявления.

Но люди придумали для одних и тех же вещей массу синонимов, и поделили их на множество разных сфер и т.д. Хотя, как технократы пытались везде применить «термодинамику», так и я утверждаю, что: неважно, как эта теория называется у индивидуального человека, но, как утверждает тезис технократии, у любого другого человека, живущего на этой же планете и при подобных же обстоятельствах, всегда будет практически такая же теория. (Не принимая во внимания ту «индивидуальность», которая выражается обычно в стилистических и прочих различиях формулировок). Масса идеологий, многопартийность и т. д. – все это свидетельствует лишь о том, что общество еще не нашло того единственного и естественного пути, по которому ему следовало бы развиваться, гармонизируя при этом как внутри себя (как единый разумный организм), так и с окружающим его миром.

В принципе, важная задача для любого, осознавшего свою общественную сущность, общества - пересмотреть все свои знания и максимальными усилиями создать нечто, что могло бы называться универсальной научной теорией. Которая, при всем прочем, еще и единственна. (Что звучит пока достаточно «утопично»).

Инерция общественного развития заключается в этом плане в том, что в обществе постоянно сохраняются в функциональном состоянии те формы, которые однажды уже исторически были выявлены как

несостоятельные. Если и есть у этих форм какие-либо приверженцы, то их следовало бы сдерживать тем, чтобы они позволяли молодому поколению осуществить свой собственный *выбор*, но не принуждали бы его (не «кондиционировали», или, как переводилось мною в тексте книги, «не обуславливали» им сознание молодого поколения).

Эти несостоятельные формы могли бы спокойно отжить и уйти в небытие, если молодое поколение не нашло бы в них никакого интереса и практической мудрости.

В принципе, все научно опровергнутые тенденции должны подавляться принудительно (!), если их не удалось доказать повторно.

Если общество жаждет своего перехода в новое, более независимое и сознательное, гармоническое состояние, то ему следовало бы интеллектуально избавляться от своих старых, давно опровергнутых временем, иллюзий.

«Технократия» правильно заметила, что человечеству мешает его историческое прошлое, по причине чего оно очень скептически настроено ко всему новому, что естественным путем познается и открывается, ведя его далее, в его, обязательно прогрессивное, а потому несколько иное и новое, и динамически более стабилизированное, будущее.

Давайте далее познакомимся с основоположниками «Технократии», с некоторыми мнениями о ней и с историческими основами этого течения. Тогда у нас будет полная информация о «Технократии». Останется только каждому сделать для себя определенные выводы. Хотя, как я сказал ранее, не важно технократы, коммунисты или же священнослужители, агностики или кто-то еще принес миру достойные внимания идеи. Человечество должно использовать все свои ресурсы для того, чтобы найти единственно правильное решение. И оно на самом деле единственно и общечеловечно, так как двух истин быть не может.

Пока в обществе «противоборствуют» какие-то идеи, это свидетельствует о том, что в нем продолжается диалектический процесс выработки истинного, абсолютного знания; фактически это означает, что общественное сознание еще не пришло в свою окончательную форму, и человечество продолжает все так же пребывать в состоянии «детства» своего общественного сознания.

Другими словами, можно сказать, что прошлое водит человечество кругами, как Моисей водил свой народ по пустыне.

В, член сообщества «Философия».

Подлинный Американский Радикал - Уильям Шеридан -

(Оригинал находится на веб-странице
www3.sympatico.ca/cypher/radical.htm)

ВРАГ БУРЖУАЗИИ
(лично предпочитавшийся им эпитет)

Мышление, Речь, Письменность.....	75
(Оригинал находится на веб-странице www3.sympatico.ca/cypher/radical.htm).....	131
ВРАГ БУРЖУАЗИИ (лично предпочитавшийся им эпитет).....	131
Первый «Think Tank».....	132
Парадигма Инженера.....	133
Континентальная Гидрология.....	134
Другие Высокотехнические Решения.....	134
Машины для Проживания.....	135
Проект Новой Жизни.....	136
Пределы Эффективности.....	137
Новая Термодинамика.....	138
Предсказание Будущего.....	139



Говард Скотт, единственный ребенок американского (... промышленного...) барона 19-го века, родился в Западной Виргинии 1-го апреля 1890 г. Это был чудо-ребенок, который читал (и понимал!) эволюционную биологию уже в свои четыре годика. Кроме чудесного

интеллекта, у него было удивительное физическое развитие, и ко времени посещения лекций в университете Западной Виргинии шестифутовая фигура сделала его таким же знатоком футбола, как и инженерии. За всю историю университета его удар ногою с рук по мячу был самым длинным, и, к огорчению, это запомнилось больше, чем остальная его университетская летопись. Безвременная смерть отца оборвала университетское образование, и он стал практикующим инженером.

Преобладающее интеллектуальное влияние на Скотта оказал Дж. Уиллард Гиббс (1839 - 1903), Йейльский Профессор Математической Физики. Хотя у него не было возможности лично встретиться с Гиббсом, Скотт познакомился с большинством его студентов. Он прочел все его работы, и мастерски освоил инновационные математические приемы, выдвинутые впервые Гиббсом для представления термодинамики изменений фазы в физической химии, а конкретнее, для анализа линейного вектора. Познавательные способности Скотта позволяли ему мысленно проводить анализ линейного вектора с шестью составляющими. Эта способность делала его одним из миллиарда.

Работа жизни, которую он выбрал для себя, заключалась в разработке «науки геомеханики, для операций с большими территориями земной поверхности, как снаружи, так и в подземной части». Используя анализ линейного вектора, он разработал Математическую Теорию Энергетических Детерминант, инструмент для описания промышленной экологии всего континента Северная Америка. Для получения дохода Скотт работал инженером-консультантом в исследовательском центре высоковольтной электропередачи штата Нью-Йорк и технологом-конструктором на Muscle Shoals Power Plant, располагавшейся на реке Теннесси, и проч.

Первый «Think Tank»

Сразу после первой Мировой Войны, совместно с такими видными людьми, как Чарльз П. Штейнметц, Ричард Си. Толмен и Бассетт Джонс, он сформировал один из первых американских «think tanks», «Технический Альянс» (The Technical Alliance). Будучи директором «Технического Альянса», Скотт в качестве главного задания группы наметил проведение «Энергетического Обследования Северной Америки» ("The Energy Survey of North America").

Предпосылка размышлений Скотта заключалась в том, что все, что функционирует, выполняет роль «энергопотребляющего устройства». В это определение входило все, от геофизических систем, до экологических систем, организмов, популяций, инструментов и машин. В каждом случае требовалось определить показатель потребления устройством внешней энергии и его эффективность при преобразовании этой энергии в работу. Как инженер, Скотт определял

расход (потерю) в качестве любого процесса, задействованного для обеспечения эффективности энергетического преобразования.

Он спорил, что использование энергии социальной системой может быть оценено аналогично с паровым двигателем, исходя из его эффективности. В этом утверждении он постулировал, что «явления, входящие в функциональное действие социальной системы, являются метрическими». Применив свою Математическую Теорию Энергетических Детерминант к данным, полученным от Энергетического Обследования Северной Америки, он, якобы, с легкостью продемонстрирует, что общество расточает ресурсы, расходует энергию и вызывает деградацию экосистемы.

Мышление требует, чтобы у вас имелось нечто, чем можно мыслить!
Говард Скотт

Парадигма Инженера

Применяя анализ линейного вектора, Скотт также разработал систему исчисления и проектный модуль, которые позволили ему предложить оптимизированные решения для всех промышленных процессов. Он задумал полностью автоматизированные фабрики, интегрированные транспортные системы, коммуникационные сети и сети электропередач, и планирование жизненного цикла продукта. И все это было выполнено в 1920-х годах.

Свои экспертные знания в исследование «The Energy Survey of North America» вложили все члены Технического Альянса. Другие светила, с которыми дружил Скотт, такие как Николя Тесла и Торштейн Веблен, также были готовы приложить свои умы к этому проекту. Посредством своих многочисленных контактов в промышленных и правительственных кругах, Скотт добился доступа к таким данным, как инвентаризация ресурсов, собранная Комиссией Консервации (Commission of Conservation) (Канада); к данным Геологического Обследования (Geological Survey), Лесной Службы (Forest Service) и Бюро Восстановления (Bureau of Reclamation) (Соединенные Штаты).

Скотт обнаружил, что в течение геологической истории континента, в частности вследствие ледника плейстоценового периода, отток воды прорезал ледниковые впадины между большинством дренажных бассейнов главных рек. После того, как большая часть льдов сошла, и водоразделы приобрели свои предыдущие очертания, ледниковые впадины сохранились. Скотт задумал план по возведению дамб на стратегических стыках, перезаполнению водой ледниковых впадин и повторному соединению всех главных рек в интегрированный внутренний водный путь для всего континента. Водный транспорт работал бы от Мексиканского залива до дельты Макензи, от Сент-Джона в штате Ньюфаундленд до Сиэтла в штате Вашингтон.

Континентальная Гидрология

Согласно «The Energy Survey of North America», водный транспорт для большинства товаров составил бы 1/10 энергетической стоимости железнодорожной и автодорожной форм транспортировки. Так, не требуя загрузки большинства ГЭС континента, стоимость транспортировок могла быть значительно понижена. Скотт сделал чертежи «морских поездов», которые были бы пущены по этим водным путям. Они приводились бы дизель-электрическими тяговыми блоками, электрически связанными с баржами. Чтобы решить разницу в подъеме на шлюзах, он разработал проект гидравлических подъемных запоров, которые допускали бы подъем воды на 400 футов за несколько минут.

Для удовлетворения широкого спроса на электроэнергию Скотт разработал силовую линию постоянного тока в один миллион вольт. Его исследование показывает, что по некоторым соображениям энергия могла бы передаваться на расстояния более 5 000 миль с потерей всего 10%, в то время как линии переменного тока теряют 10% уже только на пятистах милях. Он предложил Континентальную Электросеть (Continental Power Grid), которая бы связала главные источники электрической энергии. Электричество перемещалось бы по временным зонам так, что на локальных участках не потребовалось бы лишнее оборудование для удовлетворения потребностей в пиковые периоды. Вместо этого энергия перемещалась бы от участков с легкой нагрузкой к участкам с тяжелой нагрузкой. Она понижалась бы до рабочих напряжений. А для местного снабжения преобразовывалась бы в переменный ток.

Проекты железных дорог у Скотта были также гораздо эффективней, чем стандартные модели. Он предлагал расширить колею до трех метров, установить гимбалическую систему подвески и снизить зазор между вагонами и путями до шести дюймов. С таким низким центром тяжести и регулируемой подвеской можно было бы безопасно увеличить скорость до 200 миль в час. Промежуток между путями мог быть заполнен бетонными секциями, которые доходили до высоты треков, создавая под поездом минимальное аэродинамическое сопротивление.

Я могу дать вам объяснение, но только Бог может дать вам понимание!
Говард Скотт

Другие Высокотехнические Решения

Межштатные и междугородные автомагистрали также были перепроектированы. Кабель, вкопанный по центру каждой полосы,

следил бы за управлением и скоростью каждого транспортного средства. Управление работало бы на «домашнем» устройстве, а скорость транспортного средства управлялась бы показателями тока в кабеле. Вдоль магистрали через каждые несколько сот ярдов располагались бы специальные измерительные телеметрические стояки, показывающие изменения в погодных условиях или в ситуации с дорожным движением, а на центральном управлении предпринимались бы корректирующие действия.

Загрязнение окружающей среды предотвращалось бы рециклированием (переработкой) всех форм отходов. При своем знании химической инженерии Скотт спроектировал множество технических приемов восстановления. Сточные воды, специально ферментированные, вырабатывали бы газ метан, которым обогревалось бы большинство зданий континента. Остатки сточных вод могли бы перерабатываться в пластмассы. А все другие формы промышленных и домашних отходов можно было настолько эффективно использовать повторно, что общечеловеческое потребление ресурсов пошло бы замкнутыми циклами.

«Лечению» в плане эффективности подвергся даже чертеж аэроплана. У больших самолетов стандартного дизайна есть фюзеляжи, которые оказывают тяговые, но не имеют подъемных характеристик. Вместо этого Скотт спроектировал самолет-крыло. Весь корпус воздушного судна становится структурой-крылом, при этом вся его нижняя поверхность служила для подъема. У такого самолета коэффициент скольжения одиннадцать к одному, поэтому у него имеется диапазон, который в одиннадцать раз больше расстояния его высоты. Это дало бы бортовой машинной мастерской время сфабриковать любую деталь для замены ПРЕЖДЕ, чем самолет пойдет на снижение! Причина нестабильности прочих дизайнов парящего крыла заключалась в том, что размах крыльев у них был в недостаточной пропорции с их шириной, но у дизайна Скотта пропорция гарантировала устойчивость полета.

Машины для Проживания

Когда «The Energy Survey of North America» обратил внимание на производительность городов, результаты оказались ошеломляющими. Скотт оценил, что существовавшие здания были настолько энергорасточительными, что полная цена их сноса и реконструкции под соответствующие стандарты эффективности оправдалась бы только за двадцать лет эксплуатации. Вместо бунгало и пригородов, расходующих материалы, энергию и землю, он предложил мегапостройки, с оптимальной плотностью и огромной экономичностью всех служб.

Такие жилищные блоки расположились бы вдоль водных путей Континентальной Гидрологии везде, где это возможно. Таким образом, города могли бы обслуживаться как с расчетом на поступление в них ресурсов, так и с расчетом на вывоз из них произведенных товаров

водным путем. Континентальная Гидрология также облегчила бы отдых и образовательное путешествие (экскурсии), при этом гостиничное хозяйство этих новых городов имело бы пропорции, не уступающие нынешним.

Блоки мегастроений планировалось строить из бетона, в сорок этажей, с такой централизацией услуг, чтобы их расположение было наиболее эффективным. Индивидуальные квартиры были бы заключены в перемещаемых стенах-занавесях из «пенобетона», так, что в план входило бы все, от одного жильца, до многочисленной семьи. Кафетерии, образовательные среды, рекреационные зоны, производственные, отгрузочные и хранилищные средства – все становилось бы доступно по мере того, насколько в них нуждается население данного центра.

Два процента людей идейно-сознательны, 48% расово- или религиозно-сознательны, а 50% бессознательны!

Говард Скотт

Проект Новой Жизни

Я обследовал только некоторые из главнейших штрихов общественного и промышленного проекта Скотта. Фактически каждый энерго-потребляющий процесс в Северной Америке был оценен по его энергетической эффективности, и выявлено желаемое. Следовательно, был предложен новый проект, оптимизирующий использование ресурсов и энергетическую эффективность. Для всего этого также требовалась переделка экономики. Доход был бы представлен в виде энергетических кредитов, с бесконечной континентальной бухгалтерской системой, отслеживающей производство и распределение каждого продукта. Такая мгновенная обратная связь позволила бы совершить сопоставление выпуска со спросом, и больше не наблюдалось бы перепроизводства или недопотребления.

После проведения «Энергетического Обследования Северной Америки» Скотт пришел к заключению, что ни бизнес, ни политические методы не способны эффективно администрировать высокоэнергетическое общество. В течение глубочайшей Великой Депрессии он поднял шторм дискуссий, заявив, что дорогостоящие человеко-часы дешевые киловатт-часы начали подменять до такой степени, что плодотворная трудовая занятость, распределение доходов и сама промышленная экономика – все они в невероятной опасности. Таким образом, он предложил Technate («технат»), технологическое правительство для всего континента, которое бы оперировало коллективным стилем жизни людей так, чтобы они жили в пределах своих средовых и индустриальных границ. Более никаких расходов ресурсов, энергии или жизненного пространства! И он предсказал, что технологическое развитие введет Северную Америку в вынужденный кризис, когда им поневоле придется установить некий Technate, либо

же они столкнуться с коллапсом всей своей социальной системы. Но, несмотря на попытки мобилизовать публичную поддержку тому, что, по его утверждению, было "следующим наиболее вероятным состоянием общества на этом Континенте", Скотт никак не смог привлечь более, чем небольшого меньшинства.

Многие из его проектов были настолько передовыми, что даже сейчас кажутся революционными. Все же его концепции оказались исполнимыми, когда последовали новые полноценные исследования и разработки. Говард Скотт умер в 1970 г., и сегодня его планы фактически исчезли с публичной повестки дня. Почему наиболее передовые предложения по промышленной и социальной реконструкции на этом континенте столь сильно увяли в публичном сознании? Ответ очень прост, но опустошающ. Как Платон в древней Греции, Скотт пошел против некомпетентности и расточительства, но публика все еще предпочитает свое довольное существование стриктурам дисциплинарной виртуозности. Как показал недавно ученый опросчик Даниэль Янkelович в статье «Приход к Общественному Мнению» [Coming to Public Judgment], демократическая публика избегает стратегического мышления в себе самой, А ТАКЖЕ проявляет возмущение и сопротивление, если обнаруживает его у своих лидеров!

Пределы Эффективности

План Скотта был инженерным шедевром, так же как и образцом (предтечей (paragon)) ответственного обращения с окружающей средой (responsible environmental management). Но деловой и политической элитам он не показался конгениальным. Кроме того, он забежал намного дальше и глубже, чем мог понять или принять средний менталитет. Скотт призывал людей приспособливаться к требованиям машины, но большинство не могло с энтузиазмом принять такую перспективу. Его план впервые был опубликован более 60 лет назад, но публика и сейчас кажется готовой принять нечто, вроде него, не более чем тогда.

Но с планом Скотта существует даже более глубокая проблема, чем недостаток публичного энтузиазма. Как нам показал совсем недавно Маршал Маклаен (Marshall McLuhan) в «Законах Среды» [Laws of Media], технология оказывает на нас четыре типа воздействия, и наиболее беспокоящим из них является Обратный Эффект (Reversal Effect). Как показывает Обратный Эффект, даже стоящая инновация (вроде понятия «эффективность») может быть затрепана до такой степени, что исходная выгода в итоге оскверняется накапливающимся вредом. Перед своими сотрудниками Скотт допускал, что реализация его плана выльется в «диктатуру науки». Наука, однако, не может обеспечивать общественными или личными ценностями, от которых зависят как социальная солидарность, так и персональная полноценность. Ведь без этих атрибутов не выживет ни одна культура.

Но в последних технологических направлениях есть некоторая ирония. Высоковольтные линии электропередач постоянного тока ныне используются. Самолет-крыло в разработке. Компьютеризованные автомагистрали лежат на чертежной доске. Спутники делают реально возможными мониторинг и контроль континентальной экологии. Сканеры штрих-кодов и пунктов продаж все более и более применяются для непрерывного управления ресурсами в масштабах компаний. Хотя более масштабные социальные видения Скотта были отвергнуты, многие из его предсказаний о дизайнерском направлении продолжают подтверждаться. Так как же мы расцениваем его вклад?

Степень общественного сознания прямо пропорциональна расстоянию от пупка до хребта!

Говард Скотт

Новая Термодинамика

Стартовое место – признать культурный контекст размышлений Скотта. Его планы, также как наука и технология, на которых они основаны, более состоят в информации, чем в энергии. Факты, теории и проекты – все это символические конструкции, поэтому базисом улучшения социального процесса является НЕ термодинамика, а кибернетика!

Даже сама термодинамика, на которую опирались проекты Скотта, ныне устарела. Математическая Теория Энергетических Детерминант была вдохновлена последними опубликованными работами Гиббса. В этой книге, «Статической Механике» [Statistical Mechanics], Гиббс смоделировал закрытую систему, и из нее Скотт (и многие другие) неверно интерпретировали энтропию, как предвестник хаоса. Но увеличение энтропии производит хаос только в ЗАКРЫТОЙ системе. Илья Пригожин получил Нобелевскую премию, показав, что в ОТКРЫТЫХ системах нарастание энтропии действительно может сопровождаться зарождающимися структурами, таким образом, что порядок способен развиваться из хаоса. Именно так Вселенная стала упорядоченной, и таким путем свершилась биологическая эволюция. Следовательно, стандартная монетарная (ценовая) система НЕ обязательно обречена на хаос из-за использования высокой энергии, поэтому «форс-мажора» для Technate может и не быть.

Многие из специфичных проектов Скотта все еще довольно действенны. Но никто на законном основании не может доказать, что и весь его подход к улучшению социальных процессов, и инновации, также действенны. Философ науки Карл Поппер (Karl Popper) поставил точку на том, что в современных обществах приемлема только «социальная инженерия куска пищи» ("piece-meal social engineering"). Следовательно, социальный проект Скотта аналогичен машине с вечным двигателем – он может неплохо смотреться на бумаге, но построить его в реальности просто нельзя.

Предсказание Будущего

Те, кому доведется оформлять будущее промышленной и социальной систем Континента, немало почерпнут у Говарда Скотта, если отнесутся к его идеям прагматически. Концептуальный прагматизм говорит нам, что идеи лишь настолько хороши, сколько ценного приносят своим пользователям. Скотт видел себя в роли социального инженера-консультанта, но общество не приняло его советов. Нам неведомо, смог бы он приспособиться к вызову информационного века. Но последствия этих технологических новшеств таковы, что компьютер сверг паровой двигатель, как машину-архетип сей новой эры.

Недостаток Математической Теории Энергетических Детерминант в том, что она столь одномерна. Поскольку прикладная наука является изобретенной человеком связью причины и следствия, то сочетание аристотелевских «четырех причин» и маклаенских «четырех следствий» может рассказать нам об импликациях и следствиях технологии больше, чем сингулярно-термодинамическая интерпретация Скотта. Аристотель признавал, что каждое человеческое изобретение нуждается в Формальной Причине (плане), Материальной Причине (компонентах), Деятельной Причине (изготовлении) и Конечной Причине (цели). Маклаен признавал, что от каждого человеческого изобретения бывает четыре типа следствий: Изыскательный Эффект (концептуальная переработка), Улучшающий Эффект (функциональное улучшение), Эффект Морального Износа (смещение прошлого) и Обратный Эффект (вредоносная инверсия).

Более того, вразрез с идеологическим убеждениями Скотта, радикальное изменение изредка достигается и еще реже приемлется. Таким образом, частичное улучшение, как правило, бывает единственным возможным выбором. Можно разобрать шаблон Скотта и оценить по достоинствам каждый из его компонентов. Затем мы свободны прагматически выбрать те элементы, которые предоставляют действительную ценность – т.е. добавляют качество к нашей жизни. В человеческой культуре поток энергии может контролироваться использованием информации. Следовательно, технологическая прогрессия не навязывает predetermined будущего. Маклаен суммировал это таким образом. «Нет неотвратимости там, где есть готовность уделить внимание». Пример Говарда Скотта воодушевляет всех нас быть «системными мыслителями» ("systems thinkers") и «нестареющими учениками» ("life long learners"), но эти два качества ныне открывают, что Technate – идея, время которой пришло и прошло. Как сам Говард Скотт заметил: «История, действительно, иронична!»



(На рисунке слева (выделен) М. Кинг Хабберт. В центре — Говард Скотт. Рисунок взят из энциклопедии “Wikipedia”).

Скотт назвал организацию, которую создал для воплощения своих идей **Technocracy Inc.**, и у нее до сих пор есть последователи. Некоторые технократы недавно запустили «официальный» сайт «Технократии». Примеры сочинений Скотта можно найти там.

- The Scourge of Politics in the Land of Manna from 1920
- («Бич Политики в Стране Манн», 1920)
- A Thermodynamic Interpretation of Social Phenomena from 1933
- («Термодинамическая Интерпретация Социального Явления», 1933)
- History and Purpose of Technocracy from 1965
- («История и Цели Технократии», 1965)

Каждая работа человека, будь это литература, или музыка, или живопись, или архитектура, или что-либо иное, всегда есть его автопортрет.
—Самюэль Батлер—

Ни одна индивидуальная личность, не важен ее рост, неважно, насколько сильна ее воля, насколько пронизателен ум, не сможет пробить брешь в автономных законах сети людской, из которой его действия исходят и в которую они направляются.
—Норберт Элиас—

Заключительная статья к «Технократии».

Итак, познакомившись с данным переводом, мы, русские люди, обнаруживаем для себя, что в нашем мире есть важный ряд проблем, который затрагивает все человечество.

Хотя на территории России по прежнему остается множество «глухих» мест, где жизнь не бьет с ног сшибающим ключом и внешне сохраняются черты «древности», - по которым можно смело данную часть пространственно-временного континуума поставить в иную временную эпоху, эпоху ретроплана, да и этот статус-кво, как правило, видится здесь неспроста, напоминая нам о нашей безрассудности и других качествах, - только что из этой книги, или ранее, из других источников, мы узнали, что реально находимся в новой эпохе.

Мы живем в эпоху, которая плотно подошла к грани, за которой многое обязательно изменится.

Это – эпоха зарождающегося высокоэнергетического и высокоинформационного общества.

Сама сущность того, что кто-то еще должен ходить с завязанными глазами, никак не связывается с этой эпохой, и, соответственно, устарела.

Когда в мире налажена (и продолжает налаживаться) высокоскоростная информационная связь, то на индивидов, проживающих в любой отдельной стране, в сущности, накладывается некая новая форма правил общественной коммуникации.

Эти правила далеко выходят из рамок отдельной страны и относятся к мировому сообществу в целом.

Таким образом, любой человек, имеет он или не имеет специальной «международной» эрудиции, вступая в непосредственный контакт с гражданами иной страны, действует по законам нормального международного тона общения. Само это общение обязывает его находить подходящий тон, то есть выступать «дипломатом».

Абсолютно очевидно, что продолжение такого процесса может привести к тому, что МГИМО станет вести свои лекции уже со школьной скамьи, так как дипломатия перестает быть призванием для избранных. Хочешь или нет, но люди «разных народов» будут строить между собой естественные отношения, при которых некоторые общественные институты станут просто архаичными формами.

Господа (и товарищи), глобальная демократия приведет нас к тому, что миру (то есть его народам) вскоре придется позабыть о таких понятиях, как внешняя и внутренняя политика, не говоря о многих других. Потому что политика станет делом жизни каждого гражданина планеты, ее неотъемлемой частью!

Институт власти в этом новом мире будет состоять из всех граждан этого мира.

Единственный централизованный орган возможен будет только на «суперсервере» сети.

Именно в него воплотятся все нынешние формы правления.

Кроме того, очевидно, что денежная ценовая система в этом обществе также подлежит капитальному «сносу» и реконструкции. Как говорил Говард Скотт, эта форма управления обществом также архаична.

Несмотря на тенденции некоторых людей жить по старым меркам, а кое-кто сейчас намекает даже на реконструкцию монархий, возрождение религий и т.д., все эти тенденции ныне направлены против течения эволюции, против самого потока времени.

Их идеологи совершенно забыли о понятии вектора времени.

Но, увы, время – это «масса движения» материи, то есть определенный накопленный потенциал, который называется потенциалом истории, и эту массу не сдержит никто и никакими санкционированными мерами.

Попытки, возможно, будут, но они заведомо обречены на провал.

Всем должно стать очевидным, что относительными (релятивистскими) станут даже понятия «взрослый» и «ребенок», поскольку очень скоро утратят дух абсолютной «политической» разграниченности по «праву голоса» (в связи с быстрым, ускорившимся развитием детского интеллекта). (В сказанном только что, конечно же, присутствует немалая доля иронии и преувеличения...Но есть в этом и своя мизерная доля истины.)

Когда общество становится высокоинформационным, должна создаваться новая глобализованная система потребления информации.

Под этой системой подразумевается и школа, и образование и прочее, в том числе реклама.

Естественно, что профессия «учитель-одиночка» не отпадает.

Просто в низкоинформационном обществе за потребление информации гражданами и передачу им той необходимой части ее, которая непередаваема генетически, отвечали индивиды, организованные для этого специально, из общественной необходимости.

Далее такая функция возлагается на общество в целом, на всех индивидов этого общества.

То есть, увы, ненасытные педагоги для детей и народов, - это время обращается к вам: увы, ваши особенные социальные функции и полномочия далее обществу могут не понадобиться. Педагогом будет, в первую очередь, тот ученый, который публикует свои *реальные исследования*. А системой непосредственного распространения этой информации – *международная информационная сеть*. Опосредующее политизированное звено - из педагогов-«толкачей» - отпадает!

Судите сами.

То положение, когда ребенок, едва входя в общество, вынужден платить за детский сад, затем школу, затем ВУЗ и за прочую информацию, существенную для его человеческого статуса и нормального социального развития, является противоречием к таким понятиям, как демократия, общество и, вообще, гуманность.

Поскольку всем хорошо известно, что «врожденных» свойств человеку недостаточно для того, чтобы стать нормальным членом общества, и ему крайне необходимы «благоприобретенные» качества, стало быть, общество обязано обеспечить своего нового, молодого члена такими качествами бесплатно, прежде чем ожидать от него какого-либо социально-благопристойного и т.п. поведения и отдачи.

Этот критерий – тот самый критерий, по которому можно выяснить степень «эгоистичности» общества (имеются в виду индивиды, достигшие зрелого состояния):

Если общество лишает молодое поколение шанса на достойное развитие своих врожденных задатков, значит, оно лишает его индивидуальной эволюции как социального существа (социального онтогенеза).

Следовательно, *в этом обществе присутствуют зрелые индивиды, которые подавляют возможности социального развития у новых молодых поколений.* Они допускают появление социальных «недорослей», либо по причине своего бессознательного эгоизма, либо умышленно, пытаясь воспитать неких «Пятниц», которые будут выполнять прислужнические функции.

Это синонимы понятий «господин» и «раб».

Такой диспаритет существовал всегда и с ним связаны понятие «элита» и другие синонимы.

Он и сегодня существует по всему миру.

Почему? Да потому, что вместо реализации эволюционного существа общественного человечества, запланированной самой природой и ее эволюцией, эти элиты реализуют то, что они запланировали сами для себя, в отрыве от общественной целесообразности и элементарной человеческой логики.

Таким образом, чтобы определить положение с демократичностью в любой стране, достаточно спросить: а бесплатно ли у вас получают доступ к жизненно важной образовательной информации молодые люди?

Ведь мы вполне очевидно поняли, еще при рассмотрении «общественного атома» в одной из предыдущих моих статей (см. выше), что знание – это сила.

Знание не позволяет реализовывать на индивидах простой и едкой, исторически утвержденный принцип: «разделяй и властвуй», так как возникает коллизия двух противоположных по своему социальному существу знаний.

Кроме того, деление на партии, так называемая «многопартийность» (слово «партия», кстати, возникло от латинского корня pars, то есть «часть») – это как раз один из эффектов принципа «разделяй и властвуй».

Всем хорошо известно, что частей в обществе много, но просто обязано стать как можно меньше - именно тогда о нем можно будет говорить как о «едином» обществе.

Следовательно, «единое общество» и «партийность» – это два противоречащих друг другу понятия.

Откуда возникают деления и группировки вообще?

Ответ прост.

Как сейчас, так и всегда именно «высокое знание» позволяло и позволяет во всем мире одним индивидам манипулировать другими.

Достаточно взглянуть на любых жрецов любого же культа – их «тайное» знание всегда делало их господами над «профанами».

Вывод: всеобщее высокое знание – та цель, с достижением которой должна исчезнуть манипуляция человека человеком, иначе именуемая эксплуатацией. С этим знанием (высоким общественным уровнем образования) неперенным образом появляется настоящая сознательная общественная деятельность индивидов.

Ведь в высокосоциальном обществе индивидуальное и общественное становятся взаимозаменяемым, синкретным (слитным) понятием. «Мое» и «наше» сливаются воедино.

Думаю, внимательно прочтя последующие строки, вы обретете то самое высшее знание, которое абсолютно необходимо всему обществу – знание смысла жизни.

Другие знания следует экстрагировать из этого понятия, активно ревизионируя все накопленные с историей «предзнания» и выбирая из них самое существенное.

Что мы имеем на данном этапе?

Вначале своей технологической истории человечество (его «Ценовая система») испугалось приходу техники, и до сих пор не научилось пользоваться этой эволюционной частью человека.

Техника – это продолжение эволюции человеческого существа, вышедшей из тела вовне. Это, грубо говоря, эволюция человеческого тела.

Теперь же у нас впереди предвидится и техническая эволюция мозга – человечество обрело способность фиксировать свои знания надежным способом и эти знания (не передающиеся генетически) смогут передаваться не из уст в уста, как прежде, а более прямым путем – через систему высокоскоростной информации.

Итак, человечество оказывается по историческим причинам в новом теле и с новым мозгом. Естественно, такая эволюция для него упала не с Луны. Она накоплена исторически и уже реализуется фактически. Те, кто считал, что эволюция – это переходы чисто телесной природы, глубоко заблуждались. Взаимодействуя с внешним миром, человек сейчас выработал некую «эволюционную пару» – это он сам и ... окружающая среда. То есть, он и те орудия, называемые производственными.

В ранних своих философских размышлениях я пришел к выводу, что человек ушел от своего предка в тот момент, когда взял в руки орудие труда. Пусть это была просто палка для того, чтобы сбить с дерева плоды. С этого момента эволюция человека и пошла «внешним» путем – техническим. Техника везде заменяла необходимость в новых телесных органах и дополняла недостатки человеческого тела. В ней он нашел самый реальный способ адаптироваться к окружающей природе.

Верное звучание, конечно, иное: это природа в его лице нашла такой новый способ эволюции, поскольку отделение человека от природы условно.

Теперь мое впечатление о современнике таково: оказывается, он оторопел.

Он не может понять смысла своей эволюции.

Он стоит в растерянности и думает, а не рвануть ли ему обратно, в «лоно природы».

Но эволюция – процесс векторный, однонаправленный...

Время – это количество движения, то есть целая последовательность вещественно-энергетических изменений, состоящая из элементарных скачков различных материальных преобразований. Таким образом, чтобы повернуть его вспять, требуется обратить вспять множество как обратимых, так и необратимых физико-химических процессов, что невоплотимо по существу задачи.

Кстати, о природном «лоне».

Это по устаревшим обычаям мы выражаемся «природа-мать», «лоно природы» и т.п. Человечество переживает свой врожденный эгоизм. Он покидает его. В этом нет ничего страшного.

Просто, оказывается, что человек – это часть природы, которая появилась по общему «эволюционному плану» этой же природы. Оказывается, что все человеческие свойства, в том числе и психика, - нормальные и обычные свойства самой природы. Просто-напросто в человеческом лице материя из хаоса превратилась в логос, осознала себя.

Человек- это, образно выражаясь, глаза, которыми природа взглянула на саму же себя.

Конечно, будучи ребенком, природа вначале изрядно потрепала себя по некоторым частям тела, пока не поняла, что отчаянно тербит себя же (я имею в виду истощение ресурсов и прочих урон, нанесенный человечеством своему естественному фундаменту в его бессознательную эпоху).

Думаю, теперь природа начала прозревать.

Вскоре она перестанет заниматься рядом иных детских глупостей. Например, расторгивать себя и трансформировать в неправильные формы. Она поймет, что ей нужно заботиться о своем здоровье, чтобы продолжать развиваться как сознательное вещество. Она поймет, что разум нужно направить на то, чтобы баланс двух «эволюционных частей» - природы-разума (человечества) и природы-тела (окружающей среды) водрузился как можно шире и научился гармонизировать в своих отношениях.

Это называется **Динамической Гармонизацией**.

Далее – дорисуйте все остальное самостоятельно.

Итак, Говард Скотт, как и многие другие философы и умные люди, давно показали, в какую сторону должен быть направлен процесс общественной эволюции, что мешает человечеству в этом процессе, и от чего ему следует отказаться, чтобы добиться этих высоких целей. Несмотря на этот «глас в пустыне», услышан он, во истину, только верблюжьими колючками!

Но Динамическая Гармонизация отношений между Человечеством и Средой должна непременно реализовываться, несмотря на то, знает ли об этом человечество или не знает.

Сознательное человечество, которое только начинает зарождаться, обязательно будет строить политику своего поведения, учитывая законы природы, окружающей среды, а не свои собственные эгоистические побуждения.

Я же, автор этой статьи, не стану подводить никаких традиционных итогов. Я – продукт информационной эволюции. У меня нет ни резюме, ни высшего образования. Я хочу сказать, что без этих «корочек», как их называют, я отлично понимаю, КТО и ЧТО такое Я есть, и отлично понимаю, какие *младенцы* есть вокруг меня. Для этого мне не требуется ваших лицензий и сертификатов. Далее я дам вам еще несколько материалов, из которых – те, кто это умеет делать, – смогут построить новую идеологию и начертить нужную нам схему.

Так что теория братства небесплодна.

Мы, господа-товарищи, не просто братья, но, даже более того, – мы с вами одно целое и одно целое с природой. Наша с вами задача – признать условность всех этих делений.

Кроме того, речь о дискретизации материи я вам обещаю в другой статье.

Пока – усваивайте эту информационную пищу.

К вашему сведению я сообщу, что аполитичность Технократии — это один из тех факторов, который может привести ее к успеху.

Когда коммунистическая теория стала в свое время политическим инструментом, то она почти сразу же превратилась в своего рода клеймо для ее идеологов и сторонников.

Таким образом, она подверглась **персонификации**, – такой ловкой политической процедуре, когда ее присваивают неким субъективным индивидам, и – по этой причине – она начинает восприниматься

массами как нечто субъективное, хотя на самом деле имеет под собой неоспоримый объективный фундамент. Достаточно, к примеру, облить грязью имя Ленина, и для большинства *младенцев* и идеологических *недорослей* грязной непременно станет сама теория, которую они редко, к тому же, удосуживаются разобрать лично!

По существу и коммунизм, и технократия, и демократия — все это синонимы одного и того же, а именно: сознательного и динамически гармонизированного общества.

Поэтому все эти дороги ведут человечество в один и тот же по своему эволюционному состоянию «Рим», куда, впрочем, оно обязательно дойдет и через тернии и тайгу, то есть, без любых из этих теорий!

Хотя это и так, здесь все же важно то, что люди, приносящие такие теории, бесценны для человечества. И важность в том, чтобы человечество смогло правильно понять эти их идеи, не восприняв их при этом как непререкаемую догму. Там, где в теории есть слабости, обязательно нужно делать доработки. Нужно остерегаться любой **догматизации**! Этому, кстати, учил В.И. Ленин. (Мы знаем, что исторически произошла именно догматизация, а не расширение и развитие коммунистических идей, как о том мечтали их бесценные основоположники).

Потому, хотя я и придерживаюсь строго материалистического и атеистического мировоззрения, но даже диалектический материализм Маркса немного отличается от моего собственного, так как у меня на данный момент эволюции в распоряжении гораздо больше ценной научной информации, чтобы построить правильное философское мировоззрение.

Между тем, каждый человек с естественной необходимостью обязан строить собственное личное мировоззрение. Это естественный процесс, так как *мировоззрение — это интерфейс между человеком и внешним миром.* Следовательно, *теории — это образцы создания таких интерфейсов, и построить один из них для себя — задача каждого человека.*

Научный метод и научный подход, таким образом, нужны любому из нас, так как это единственный интерфейс, гарантирующий интерактивность между всеми «интерфейсами» различных мировоззрений, или иначе, то, что именуется взаимопониманием. И эти научные достижения философской мысли человечества я предлагаю собрать вместе и назвать **«Теорией Динамической Гармонизации»** - данное название будет указывать на то, что этот интерфейс между мировоззрениями есть наиглавнейший.

Есть в термодинамике Скотта некое предзнаменование Теории Динамической Гармонизации, поскольку ее появление — цель всей

научно-философской истории, так как это должна быть универсальная теория. Именно о ней мечталось и Ленину, и Марксу, и Говарду Скотту, и многим, многим умным людям.

Конечно же, важнее всего конкретные действия, но теория (как некий идеологический интерфейс) — это именно тот исток, из которого они, любые наши действия, в принципе и происходят. Стало быть, теория — это база, а действия — это надстройка. Ни о какой материальной реализации чего бы то ни было не может быть и речи, покуда не появилась реализация теоретическая.

Люди, как правило, считают, что им отведен довольно сжатый жизненный срок, и поэтому стараются ходить по накатанным шоссе. В этом их так называемая «инерция». По большей части именно в этом. Именно поэтому мы наблюдаем столь огромную гору исторического мусора как в идеологической, так и в материальной сфере — все это попало к нам по принципу «как есть».

Реализовать принцип «как должно быть» не столь уж сложно. Для этого нужно прекратить думать импульсивно. Необходимо думать синтетически и последовательно. Цикл за циклом. По формуле:

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ(1) + ОТНОСИТЕЛЬНОЕ(2) + ОТНОСИТЕЛЬНОЕ(N) = АБСОЛЮТНОЕ

У нас есть множество таких людей и такого желания.

Нам не хватает того, что мы не можем действовать без поощрений свыше; нам не хватает того средства, через которое мы могли бы узнавать общественное мнение по поводу множества наших инновационных устремлений.

Да, одна из главных проблем «общественной инерции» в том, что у нас недостаточно возможности получать это самое общественное мнение, хотя именно общественное мнение, вроде бы, и есть тот самый орган, от которого зависят любые полномочия и права.

Кроме того, в нашем обществе полнофункционально действуют плагиат, пиратство, конкуренция и прочие факторы, мешающие нормальному развитию.

Также мы ставим **высокие планки стандартов**, хотя для признания чего бы то ни было «удовлетворительным» достаточно оценить влияние его на людей: если оно не приносит вреда, значит, имеет право существовать; но если оно функционально бесполезно, значит, не заслуживает массового тиражирования. Это, в принципе, основные критерии, которые, по каким-то причинам, реализуются с огромным противодействием и материально-энергетическим расходом.

Кроме того, во всем есть свои диапазоны адекватности.

Так, например, гиперadeкватное авторское право может дойти до следующих абсурдов:

(1) Некто изобретает спичку, другой огниво, третий пьезозажигалку; им дают монопольное право на их выпуск и производство; остальные становятся «потребителями огня» и вынуждены постоянно платить за эти способы его получения.

(2) Некто изобрел колесо. Если бы ему в свое время дали авторские права (и узаконили наследственно), то этот клан стал бы ныне самым богатейшим, так как колеса используются повсеместно!

Мы видим, здесь абсурд налицо.

Авторское право должно лишь охранять человека на те случаи и от такого подвоха, когда, кто-то, например, совершив пиратство или плагиат, украдет у него работу и полагающееся общественное возмещение за нее. Но, после возмещения за данную работу, полученного от общества, человек не в праве иметь претензий к другим людям, которые позаимствуют у него данную технологию, чтобы производить общественно полезные предметы, хотя, естественно, что за ним закрепляется (в летописях) титул изобретателя.

Если, конечно, такая работа выполняется целой группой индивидов, то тогда эта группа имеет право решать, позволить ли другим индивидам в другом месте выполнять то же самое, что и они (хотя это снова пахнет «удушением» конкуренции, и, возможно, неверно, поскольку конкуренцию душить не надо, ее нужно оспаривать более высококачественным результатом своего труда!).

Что бы ни делалось, как правило, **ПРОИЗВОДИТЕЛЬ = ПОТРЕБИТЕЛЬ**, то есть не стоит (потому что не для кого!) делать лишнего. Стоит, разве что, разобраться с тем, сколько нам вообще нужно, чтобы всем хватило. Тогда будет создан нормальный контролируемый поток природных материалов и создано динамически гармонизированное с планетной геосферой общество «разумных людей».

Необходимо научиться распределять жизненно необходимые продукты максимально равноценно между всеми гражданами. Редкое и ценное зависит не только от его наличия, но еще и от функциональности. Например, те же алмазы для меня лично бесполезны, так как я не производитель стеклорезов и не ювелир. Следовательно, они для меня ценность «надутая». Если они и пользуются спросом, то только у любителей экзотики, но большей частью – как средство тезаврации валюты при нынешней Денежной системе.

Существование в мире множества валют – это также один из способов «делать» деньги из воздуха, в данном случае на валютном обмене. Поэтому мы и не наблюдаем (ее в мире нет, и даже не планируется ни одним олухом!) единой мировой валюты. Да явно и не будет, пока властвует денежная система, и существуют так называемые «быки» и «медведи».

В приведенном выше тексте («Я – Ценовая Система») мы видели, что большинство созданий долга в итоге оказывается бессмысленным, так как долги возмещать неоткуда. Они возмещаются какими-то псевдореалистическими и псевдозаконными способами, так как в ценовой системе многие «законы» на самом деле фиктивны и под ними кроются интересы олигархий.

Большинство людей, между тем, невольно вынуждены молча взирать на тех немногих, кто кладет под себя то, чего не сможет никакими естественными силами потратить. И именно эти «счастливчики» вынуждают остальных заниматься трудовой деятельностью, которая последним ничего не обещает ни в настоящем, ни в будущем, но без которой давно бы не существовало ни тех, ни других.

Порой то, что должно быть произведено, чего еще не появилось, зачастую уже составляет долг целой нации, по той причине, что кто-то создает такие «национальные» долги. За них с трудом (и во истину посредством труда) вынуждены расплачиваться последующие поколения.

Весь утопизм идеи создания несметных, личных запасов и богатств на будущее кроется в том, что будущее весьма динамично. Единственная логика в отношении него — создавать динамическое и устойчивое общество, чтобы будущее не оказалось столь неопределенным и непредсказуемым. Это фактически значит, что создавать нужно такие механизмы, которые легко перенастраиваются и имеют многоцелевые характеристики.

Но в целом, подводя итог, нужно заметить, что **человеку во всем необходимо выяснить диапазоны адекватности, то есть тот промежуток, в котором псевдостабильное состояние способно оставаться таковым сколь угодно долго.**

Сначала, конечно, требуется уравновесить все общественные тенденции и состояние всех общественных объектов.

Это значит, что из общественной жизни следует исключить все то, что имеет приставки «недо-» или «пере-», то есть гипо- и гипернеадекватное.

Затем, зная константы динамической адекватности социальных тенденций и объектов, можно будет полнофункционально

существовать. Коль уж станет понятно, по каким законам осуществляется баланс общественной (геосоциальной) и геофизической материи на нашей планете, то мистика общественной нестабильности станет нарицательной: соблюдая эти законы общественной динамической стабилизации, человечество перестанет испытывать состояние крайности и неуравновешенности внутри себя. А это значит, что внешние факторы дестабилизации будут гораздо яснее, то есть, как раз на них и будет отводиться большая часть общечеловеческих забот.

Это в принципе можно назвать Обществом Динамического Коммунизма (Демократии, Социализма и т.д), хотя просто Динамическая Гармония Общества – термин гораздо более приемлемый, так как в нем нет никаких догматических «-измов», и под ним помещена реальная материалистическая основа.

В (2008 год).